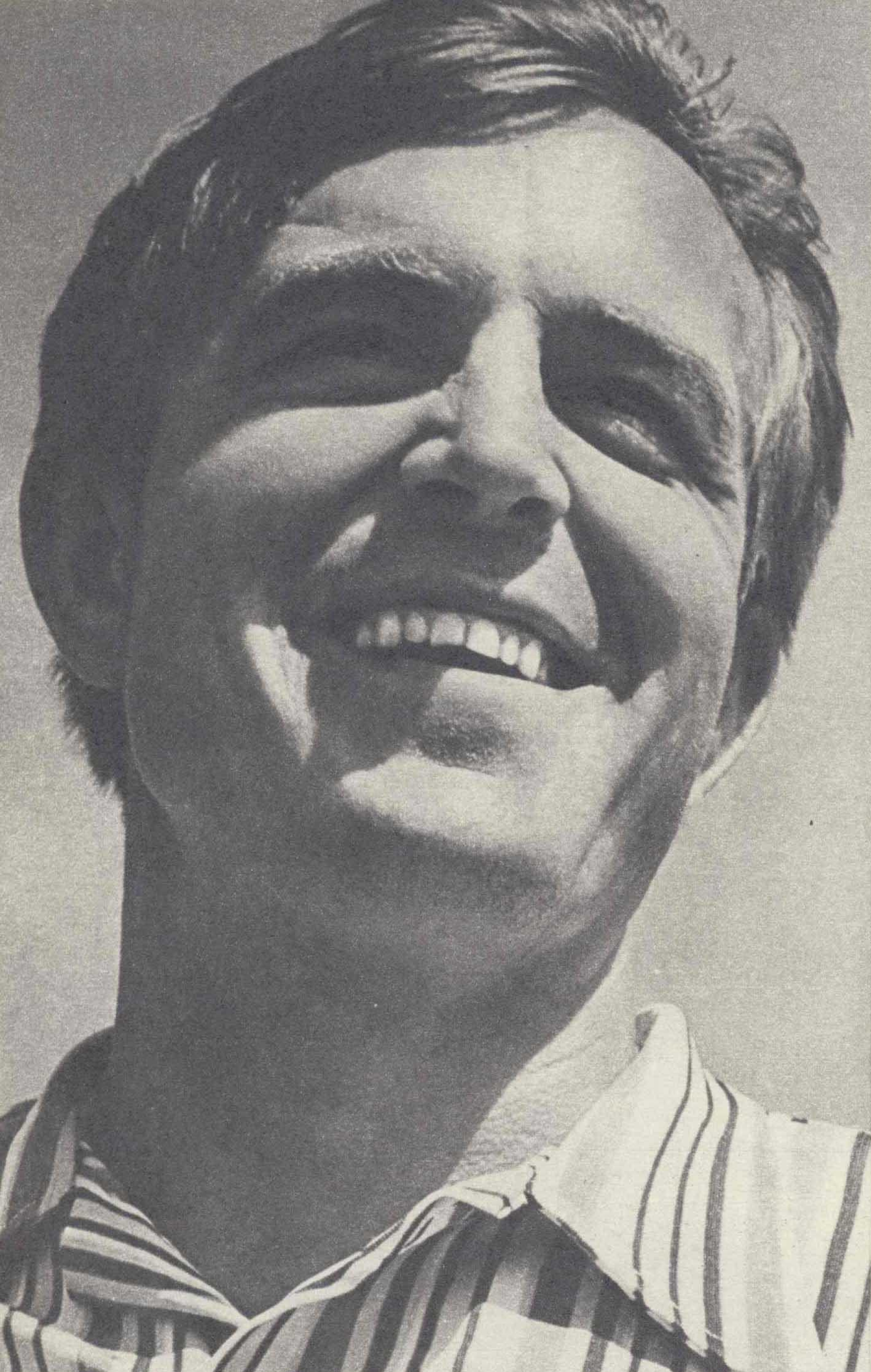
60 ЛЕТ ПОБЕДЫ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В МОНГОЛИИ

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 28 ИЮЛЬ 1981

Еще недавно Владимир Деревянкин учился в совхозе-техникуме, а теперь он здесь бригадиром — хозяин Яхромской поймы.

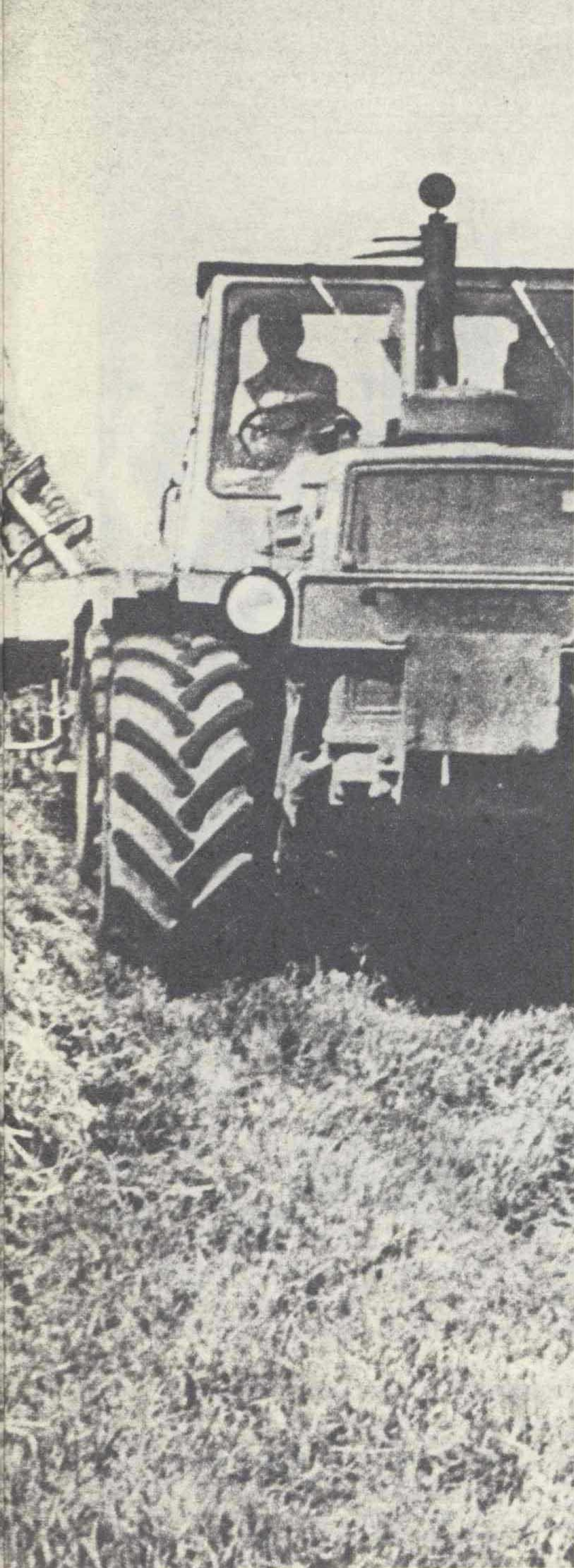
Только в полдень смолкает шум моторов.

ДМИТРОВСК

Сено с поймы щедрой Яхромы.

Алексей Романович Александров из совхоза «Яхромский» тридцать лет и три года на тракторе.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 28 (2817)

11 ИЮЛЯ 1981

ИЕ РОСЫ

Н. БЫКОВ,
фото Б. КУЗЬМИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Покосы открылись сразу же за стенами древнего Дмитрова. Солнце желанной страды поднималось к зениту.

Отцветают травы, отцвели... Репортеры, уполномоченные, статистики и авторы сводок — каждодневных, понедельных и декадных не поспевают за косарями: травокос нынче дружный, многолюдный, без обычной помехи от дождей. Травы ложатся и широко и тяжело. Жары стояли редкие, роса поднимает косарей рано — только-только солнце выкатит. На дальних дмитровских покосах рассказали, что траве хватает двух-трех дней, и сено готово. Погода позволяет и косить, и валковать, и сгребать, и метать, и возить готовое сено практически одновременно. Это нелегко, рук не хватает. Но и это как праздник.

Ощущение праздника идет от зеленого столпотворения в лугах и поймах, от общей нынче заботы о кормах. Давно такого подъема не бывало, все отбыли на луга, даже аппарат горкома партии обязался заготовить десять тонн сена (заготовил восемнадцать). А на памяти и другое: на грустные когда-то размышления наводили призывы к населению заготовлять веники на зиму, чтобы скот поддержать. Невесело было березоньки заламывать, а ведь и ломали их рощами и веники пересохшие скармливали — было, было. Дмитровские народные депутаты обратились в конце мая к населению столичной области с призывом провести ударный месячник по заготовке кормов. И пусть, мол, каждый сознательный житель города ли, деревни ли, каждый патриот заготовит и продаст государству по 200 килограммов сена. Так порешили.

Ароматны вечные слова, пахнущие молоком и медом: клевер, тимофеевка, ежа сборная, донники белый и желтый, а еще и овсяница луговая, и мятлик, и лисохвост, а еще и таволга по берегам неслышных речек...

Траву косят и на полях севооборотов, и в лугах, и в Яхромской пойме, и вдоль канала, и на отко-

См. стр. 3.

Добровольцы из трикотажно-перчаточного объединения... Крайний слева — секретарь партбюро А. Ядровский.

Проводы на аэродроме.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ВИЗИТ ЗАВЕРШЕН

2 июля Председатель социал-демократической партии Германии В. Брандт отбыл из Москвы на родину. Он находился в нашей стране с визитом по приглашению Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

На Внуковском аэродроме гостя провожали Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, а также член ЦК КПСС В. В. Загладин, кандидаты в члены ЦК КПСС А. С. Черняев, А. М. Поплавский, другие официальные лица.

Среди провожавших был посол ФРГ в СССР А. Майер-Ландрут.

Леонид Ильич Брежнев, отвечая на вопросы журналистов во время проводов, расценил итоги визита В. Брандта как положительные.

НА БОЛГАРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Находившийся в Софии с деловым дружественным визитом по приглашению ЦК БКП и Совета Министров НРБ член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов встретился 5 июля с Генеральным секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым.

В ходе беседы, прошедшей в сердечной, дружественной обстановке, Н. А. Тихонов и Т. Живков обменялись информацией о деятельности двух братских партий по реализации решений XXVI съезда КПСС и XII съезда БКП, которые наметили новые рубежи в деле построения коммунизма и развитого социализма в СССР и НРБ.

В духе взаимопонимания и полного согласия были обсуждены вопросы дальнейшего расширения и углубления отношений братской дружбы между Советским Союзом и Болгарией.

Затем состоялась встреча Н. А. Тихонова с членами руководства Болгарской коммунистической партии. В ней приняли участие Т. Живков, члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК БКП.

В торжественной обстановке Т. Живков вручил Н. А. Тихонову орден Георгия Димитрова. Этой высшей награды социалистической Болгарии Н. А. Тихонов удостоен за большие заслуги в развитии братской дружбы и экономического сотрудничества между НРБ и СССР.

Выступивший при вручении Т. Живков сердечно поздравил главу Советского правительства с наградой, передал ему теплые пожелания от коммунистов, всех трудящихся республики.

В ответном слове Н. А. Тихонов выразил глубокую благодарность Центральному Комитету БКП, Государственному совету и Совету Министров НРБ за высокую награду.

Высшую награду НРБ — орден Георгия Димитрова — Т. Живков вручил также заместителю Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбакову.

Перед началом беседы.

Телефото В. Будана (ТАСС).

7 июля в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылась третья сессия Верховного Совета РСФСР десятого созыва. На снимке: в зале заседаний Верховного Совета РСФСР.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

См. стр. 1.

сах оросителей, в овражках, по обочинам дорог. Большая трава и малая... Косят, сгребают, возят механизаторы, конторские, специалисты села и города, стар и млад, служащие банков и почты, даже торг и милиция, посильно помогают пенсионеры и вездесущие пионеры, приехали ученые-бауманцы и мастера текстильной фабрики; траву возами свозят медицинские работники на свой больничный двор, то-то радость выздоравливающим и дежурным сестрам милосердия: «сенотерапия!»... Сенотерапия прописана в Дмитровском районе всему населению на месяц страды, всем она полезна. Обязались дмитровчане заготовить не менее 40 тысяч тонн сена на зиму! Поголовье скота в районе велико.

А много ли его, сена, корове надо? Чем больше, тем лучше. И решено заготовить на каждую корову не менее двух тонн, а еще будут и силос, и сенаж, и гранулы, и корнеплоды, и зернофураж. Но менее двух тонн сена никак нельзя...

Тяжело ли косить? Как чувствуют себя в лугах горожане? Их много нынче вышло под безжалостное летнее солнце: бронзовотелые с выбеленными прическами, заметно усталые, не такие бойкие, какие были 13 июня — в самый первый день массового похода за сеном. Но, очевидно, довольные: экие стога навозили!.. У каждого учреждения, у каждого коллектива свой план, свои обязательства, своя гордость и совесть, свои и застрельщики и «чемпионы косы». Одно в толк не возьмут: сено зеленое, а молоко? Белое почему-то... Весело нынче на травокосе!

— Очень я довольна шефами,— говорит, как награждает, бригадир из совхоза «Рогачевский» Надежда Егоровна Карпова. — Поначалу не надеялась, хотя люди приехали все грамотные, из учебно-экспериментального центра МВТУ имени Баумана, поначалу, признаться, невидные какие-то, а как вышли с косами да разделися по-пляжному! Я сейчас слов благодарности не найду, очень способные! Росу две промаялись, пока привыкали, а потом так-то втянулись в работы, что сна не знают.

В совхозе «Рогачевском» дело на заготовке кормов поставлено отлично. Впереди и совхозы «Останкинский», «Буденновец», колхоз имени Горького — обладатель переходящего Красного знамени. Итоги подводятся еженедельно, и сейчас знамя наверняка в совхозе «Останкинский»... За косарями поспеть нелегко. На пойме совхоза «Яхромский» богатырские травы свалили и затюковали механизаторы — без помощи горожан. Зеленый конвейер (или железную карусель) тут отладили инженеры-специалисты. Травы убраны и сухими тюками вывезены к фермам.

С такой организацией труда может потягаться разве что ветеран Анатолий Васильевич Угольников. Он один из зачинателей дмитровского почина ударной зеленой страды, сохранивший к своему шестидесятилетию все привлекательные черты русского крестьянина. Почему именно он, Анатолий Васильевич, трижды выступал на разных сходах, звал взять косу в руки? Он один в прошлом, таком для всех и повсеместно неблагоприятном году заготовил шестнадцать тонн сена, а взял его на неудоби, где только бралось.

— Сорок пять рос держал вахту, — не без гордости вспоминает старый Угольников. — И ничего, не помер. Нынче любо-дорого поглядеть — все с косами да с граблями. Кто тонну взял, кто три, и бескормицу теперь позабудь. Старое крестьянское не должно перед прогрессом отступать. Потому что трактор не везде помощник, он в наших местах перед косой да граблями как утюг перед гребнем.

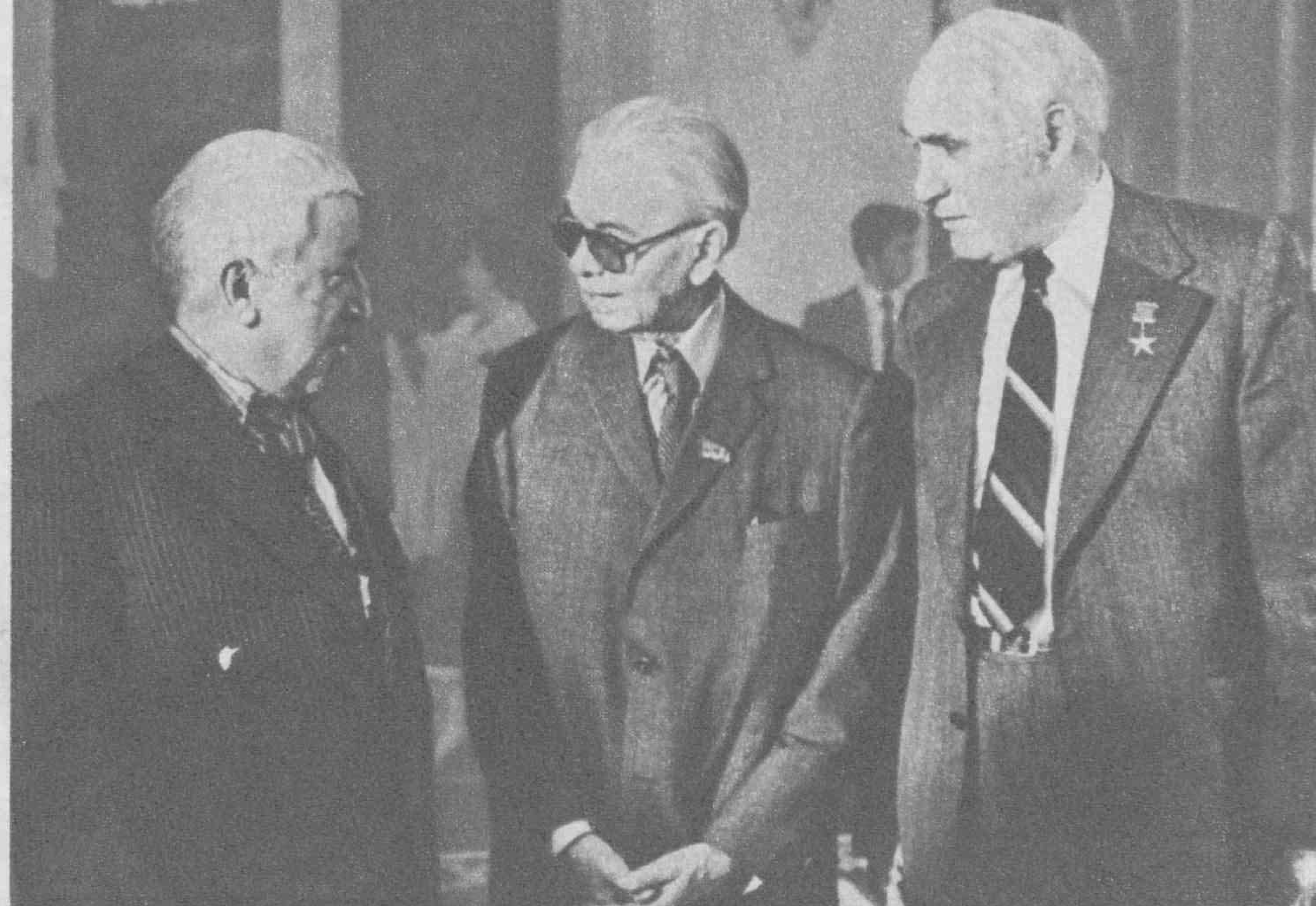
...Сорок пять рос прошлогоднего энтузиаста и совестливого человека сегодня обернулись зеленым походом для большинства дмитровцев. Тридцать рос, сорок, сорок пять — все дмитровские росы, сколько их еще ни встретят работники в поле, на покосах, все послужат одному благородному делу.

На выезде из старенького, пропеченного солнцем Бунятина требовательный окрик плаката: «Товарищ! Ты заготовил 200 килограммов сена?» Я?.. Двести килограммов — это так немного, это сено для «0,1 коровы», лишь двадцать соток покоса. Всего-то две росы. Даже для неумехи из города. Зато загар — черноморский.

Травы, травы, а чуть повыше трав солнце, чуть пониже их — земля. Летний мир — зеленый от новой травы.

Г. Марков и М. Алексеев.

Р. Гамзатов, Л. Леонов и И. Абашидзе.

В зале заседаний Большого Кремлевского дворца.

Во время работы съезда. На переднем плане — Абдаррахман аль-Хамиси (Египет).

И. Стаднюк, А. Иванов и Л. Ошанин.

Ф. Кузнецов, В. Распутин и Ю. Прокушев.

Ф. Абрамов и Ю. Бондарев.

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ — ОРУЖИЕ МИРА

Внимательно слушает выступления ораторов Джеймс Олдридж (Великобритания).

Гость писательского съезда Алекс ла Гума.

Пять дней в Москве работал VII съезд советских писателей. Пять дней представители почти десятитысячной писательской организации страны говорили о самом важном, самом главном, самом насущном—о том, как активно вторгается в жизнь слово художника. В выступлениях с трибуны Большого Кремлевского дворца, с трибун заседаний восьми комиссий съезда обсуждались самые жгучие проблемы писательской жизни. Разговор был деловым, откровенным.

В ходе дискуссий глубоко и всесторонне анализировался современный литературный процесс, взыскательно, с партийных позиций, рассматривалось состояние всех родов и жанров писательского ремесла. Неоднократно выступающие обращались к материалам XXVI съезда КПСС, в которых говорится, как «важно... добиваться того, чтобы актуальностью темы не прикрывались серые, убогие в художественном отношении вещи», что «в советском искусстве поднимается новая приливная волна».

Годы, прошедшие между VI и VII писательскими съездами, показали, насколько вырос авторитет советской литературы в мире, как поднялось значение публицистического слова о стране победившего социализма. Об этом говорили на съезде его гости — зарубежные писатели Г. Кант и Д. Олдридж, Алекс ла Гума и Альфредо Варела. И все вместе о самом важном — об ответственности художника за мир на земле, об уроках прошлой войны, о тех шестидесяти миллионах жизней, которые унесли кровавые бойни XX века.

Мандатная комиссия съезда зарегистрировала 209 участников Великой Отечественной войны. Для большинства этих писателей тема войны осталась одной из главных в творчестве.

О войне написано много на всех языках народов СССР. И люди земли, говорилось на съезде, должны знать, от какой опасности они избавились и какой ценой досталось это избавление.

Но не только в связи с высоким идейно-художественным качеством книг о войне говорили на съезде делегаты. Недаром многие из них ссылались на обращение Верховного Совета СССР «К парламентам и народам мира». Значит, важно не только помнить о прошлом, но и заботиться о завтрашнем спокойствии в мире. С большим подъемом было принято на съезде обращение к писателям, деятелям культуры мира, заканчивающееся словами: «Время не ждет!»

На особенно актуально звучащий сегодня вопрос Горького: «С кем вы, мастера культуры?» — советские писатели ответили на своем съезде единодушием и общностью устремлений: с партией, с народом, со всеми прогрессивными силами на земле.

С воодушевлением было принято письмо VII съезда писателей СССР Центральному Комитету КПСС, товарищу Л. И. Брежневу.

На заключительном заседании съезда присутствовали товарищи М. С. Горбачев, В. В. Гришин, М. С. Соломенцев, М. В. Зимянин, К. В. Русаков.

На пленуме правления СП СССР первым секретарем правления Союза писателей избран Г. М. Марков.

Ф. ПОКРОВСКИЙ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОГОНЬКА»

ПОДРЯД — ДЕЛО

Четыре раза в 1981 году журнал «Огонек» выступал по вопросам бригадного подряда на промышленном строительстве (№№ 4, 5, 16, 19). В обсуждении проблем, поставленных беседами Героя Социалистического Труда В. П. Серикова, приняла участие группа делегатов XXVI съезда КПСС. Многочисленные отклики читателей, опубликованные статьи и поступающие письма пронизаны глубокой заинтересованностью в проблемах, поднятых на наших страницах, авторы их вносят свои предложения, обращаются с вопросами.

Редакция «Огонька» и ЦК профсоюза рабочих строительства и промышленности строительных материалов пригласили за «круглый стол» журнала передовых бригадиров с крупнейших строек страны, победителей соревнования на призы журнала из Набережных Челнов, БАМа, Волгодонска, руководителей государственных комитетов СССР по планированию, материально-техническому снабжению, строительству, труду и социальным вопросам, руководителей министерств, ученых.

Беседа за «круглым столом» «Огонька» состоялась в конце мая. А 6 июля Центральное телевидение показало фрагменты этой встречи.

Ведущий «круглого стола» — специальный корреспондент «Огонька» Галина КУЛИКОВСКАЯ.

ВЕДУЩИЙ. Сигналы, поступающие в редакцию, говорят о том, что подряд чаще всего прерывается из-за отсутствия четких планов работы бригад на год и более продолжительное время. Об этом говорили в своих беседах В. П. Сериков (№№ 4 и 5), делегаты XXVI съезда КПСС, Герой Социалистического Труда Л. Тозик и Б. Рахимов (№ 16). Какие просчеты и новые возможности планирования? Как обеспечить непрерывность подряда?

В. ГЛУШЕНКО, бригадир комплексной бригады Электрометаллургстроя, Старый Оскол. У нас планирование ведется, как известно, сверху вниз. И вот что иногда происходит. Наше управление может освоить в год до полутора миллионов рублей собственными силами. А трест спустил нам план на два миллиона двести тысяч. В соседнем управлении все наоборот: там могут поднять эти миллионы, но им дают полтора. Конечно, это немедленно отражается на подряде. И еще: надо заранее готовить объекты для подряда. В нашем управлении занимается этим всего-навсего один человек. Пора создавать группы для подготовки расчетов и технологических карт.

Г. ЗОРИН, Герой Социалистического Труда, бригадир Сибметаллургмонтажа, Новокузнецк. Совершенно верно, у нас, монтажников, бывает так: план есть, но много неувязок в самом проекте. Без конца приходят изменения. Нам надо, чтобы документация была на высоком уровне — планирование начинается с проекта.

Н. ТРАВКИН, прораб-бригадир Мособлсельстроя, Волоколамск. И должно планирование быть нацеленным на большую, укрупненную бригаду. Наша бригада имеет план на всю пятилетку.

В. ПЛЮХИН, бригадир плотников-бетонщиков Камгэсэнергостроя, Набережные Челны. А мы о плане на пятилетку даже мечтать не можем. Вот работали мы на сдаточном корпусе автозавода КамАЗа. Подписали договор на солидную сумму, но выяснилось вскоре, что «земельщики» не обеспечат нам фронт работ. Пошел по начальству, у кого только не был! Наконец приказ: «Срочно перебазируйтесь на термогальванический корпус! Такова производственная необходимость!» Снова заключили договор. А механизмов не дают, сборного железобетона нет... Время бежит, ищу побочную работу. Подметали, мусор убирали месяца полтора. Какой средний разряд в бригаде? Четвертый. Наконец добился, дали нам экскаватор. Кое-как подряд закончили. Но разве это подряд? Вот и в этом году: второй квартал кончается, а мы так и не знаем, что будем делать. Где же тут перспективное планирование?

И. ДЕМИН, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, бригадир Главмосстроя, Москва. У нас беда другая: нет реализации готовой продукции. Из восьми домов, построенных нами за год, люди заселяют два, от силы три. Больно видеть, как по полгода, по году пустуют готовые квартиры. Мосфундаментстрой не подвел, оказывается, коммуникации. Это тоже, между прочим, дефект планирования. И еще про планирование. Говорят, подряд на строительстве жилья идет легче. У нас в ДСК-3 все бригады на потоке и подряде. Но годовой план постоянно нарушается. Знаем задание только на три месяца вперед.

Л. ЖИВИЛО, экономист Оргтехстроя, Мурманск. До недавнего времени я работала начальником планового отдела в СМУ-2 и хочу поделиться опытом. У нас принята система бригада — участок, и весь план управления распределен по бригадам. Работа строится поэтапно, но так, чтобы разрыва между договорами не было. Один подряд кончается 30, например, июня, другой начинается 1 июля. Все внимание сосредоточивается на объектах, вступающих в строй. Лишь после ликвидации всех замечаний рабочей комиссии бригады дополучают 25 процентов аккордной премии. Это стимулирует борьбу за качество. Непрерывная загрузка дала положительные результаты: за десятую пятилетку мы сдали 51 объект, и все с опережением нормативных сроков. Кривая роста производительности труда пошла круто вверх, а рост заработной платы идет намного спокойнее, почти ровно. Все СМУ работало ритмично, без авралов.

И. ШУПА-ДУБРОВА, заместитель директора филиала центра НОТ Минтяжстроя СССР, Мурманск. Мне много приходится работать по практическому внедрению хозрасчета, и я полностью присоединяюсь к тем, кто считает, что планирование должно ориентироваться на бригаду. Прежде чем переводить ее на подряд, мы должны ясно себе представить, что можем предложить рабочему коллективу. При этом не нужен сетевой график, нужна сетевая модель: разбивка пускового объекта на узлы-части строительной технологии, распределенной по плану на год, с учетом специализации работ. Вот теперь можно идти в бригады и предлагать им подряд, подкрепленный набором работ, комплектацией материалов и техники на современном инженерном уровне. Причем в утверждении напряженных заданий по производительности труда принимает участие весь коллектив управления.

ВЕДУЩИЙ. Мы только что услышали рассказ о новом — поузловом планировании и проектировании, примененном в Мурманске. Однако общее впечатление складывается не в пользу планирующих органов и ведомств, еще не везде есть технологическая взаимоувязка, хорошая организация работ и сбалансированность планов. Хотелось бы знать ваше мнение, Владимир Георгиевич.

В. ИВАНОВ, заместитель председателя Госстроя СССР. В июле 1979 года вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР по совершенствованию хозяйственного механизма. Оно стало нашей настольной книгой. Удается уйти от вала, теперь есть новая категория — товарно-строительная продукция: пусковой комплекс, часть объекта, подготовленная к выпуску продукция. В связи с этим очень интересна тенденция бригадного подряда к укрупнению коллективов бригад и нацеленности их на конечный результат, что и прозвучало здесь сегодня. Это общегосударственная линия.

Бригадиры правильно говорят, что нужно приводить в порядок планирование работ подрядных бригад. Везде это делается поразному. Передо мной выступал товарищ из Мурманска. Интересно. Есть опыт. Винницы. На промышленном строительстве, о чем здесь говорилось, сложностей много. Правильно поставлен товарищем Зориным вопрос о подготовке проектной документации.

Что касается создания проектно-сметных групп или бюро для подготовки подрядов, то руководитель имеет право организовать их. Есть и Оргтехстрой, который может этим заниматься.

В. БАЛАКИН, заместитель начальника отдела Госплана СССР. Начиная с 1979 года Госплан вместе с министерствами осуществляет такой порядок: с планом на текущий год одновременно устанавливаются задания по вводу объектов на следующий год. Тем самым создается лучшая перспектива для планирования и на местах. Заказы на металлоконструкции также предусматриваются на два года. Это благоприятно скажется и на низовом планировании, на подрядных бригадах. Госстроем при участии Госплана и министерств подготовлены методические указания по определению мощностей строительных организаций. Это позволит планировать объемы работ трестам и управлениям более объективно, чтоб исключить возникновение таких ситуаций, как в Старом Осколе. Как уже говорилось, впервые в практике строительства на этот год установлен план товарно-строительной продукции. К сожалению, она не всегда может быть объектом, целью бригады. Для оценки ее вклада нужен показатель более дробный — этап, узел. Но бывает, что бригадный подряд охватывает весь объект. Я могу привести в пример отряд № 19 на Днепрострое, годовая его программа 12—15 миллионов рублей. Прошлую пятилетку отряд выполнил полностью на подряде. Трест Мостострой-5 в Риге стремится перевести на подряд все свои подразделения. Подряд растет масштабно, и это надо всячески поддерживать.

И. ПИСАРЕВ, заместитель министра монтажных и специальных строительных работ. До сих пор тут не говорилось о монтажных работах. Дело в том, что до трех четвертей ввода объектов планируется в четвертый квартал. Например, на 1981 год — 74 процента. Только в третьем и четвертом кварталах мы получаем практически фундаменты, коробки зданий, оборудование. Вы понимаете, что это значит: неравномерная загрузка монтажников, авралы в конце года, напряженные дни, когда в два-три раза сокращаются все нормативные сроки, увеличиваются действующие бригады и создаются новые. То есть подряд рушится, он несовместим с авралом. Такое планирование не способствует внедрению хозрасчета.

Н. АРХИПЕЦ, заместитель председателя Госснаба СССР. Государственное планирование, так сказать на макроуровне министерств, сдерживает — это надо признать — массовое внедрение бригадного подряда. К сожалению, у строителей нет сегодня пятилетнего плана. Это не позволяет спланировать работу всего строительного конвейера, а бригады — на его завершении. Тут влияют и территориальные и транспортные связи... Но это не значит, что может быть какая-то несбалансированность плана на уровне самой бригады. В Старом Осколе, мягко говоря, была допущена руководителями строительной организации безграмотность.

Я считаю, что бригадным подрядом можно охватить при сегодняшнем положении дел до 70 процентов выполняемых работ. И это во многом зависит от руководителей строительных организаций и министерств. Кто возражает — давайте поспорим! Мы должны по-

ГОСУДАРСТВЕННОЕ

нять, что выполнения плана по товарной продукции как таковой не будет, если мы не внедрим массовый повсеместный бригадный подряд!

ВЕДУЩИЙ. Как видно, в планировании «сверху», в общем, есть улучшения. Однако тенденция планировать и от достигнутого ставит подряд в очень тяжелое положение. Такая ситуация сложилась в одном из управлений треста Ковдорстрой Мурманской области. Мы пригласили на нашу встречу главного инженера этого управления.

Ю. ОСИПОВ, главный инженер СМУ № 1 треста Ковдорстрой, Ковдор. Первые бригады нашего управления перешли на подряд еще в 1973 году, но они были маленькие, и никакого эффекта мы не получили. Стали создавать укрупненные, переняли опыт СМУ-2, где работал Сериков, ездили к нему, советовались с Лидией Степановной Живило, которая здесь выступала. На подряд перевели все бригады управления. Возрос объем строймонтажа, резко поднялась производительность труда. В 1980 году все объекты пускового комплекса, а мы работали на строительстве большого горно-обогатительного комбината, были введены в срок. Но тут-то и начались наши неприятности. На этот год нам запланировали сверху еще более высокие показатели, а характер работы изменился, началась реконструкция объекта. Дело трудоемкое и сложное, намного увеличился объем работ, а заработную плату нам оставили на том же уровне. Когда мы произвели свои расчеты, то оказалось, что в этом году мы не сможем дать выработки, не уложимся в фонд заработной платы. Мы будем совершенствовать свою технологию, улучшать подготовку, но просто физически не сможем достигнуть неправильно запланированной производительности труда. А если б вдруг и достигли, чем бы рассчитывались с бригадами? Денег-то нет. Вот тут-то бригадный подряд и спотыкается. Круг замкнулся.

Г. КЛИМЕНТОВ, доцент Высшей школы культуры ВЦСПС, Ленинград. Строители делают теперь шаг от вала к товарно-строительной продукции, но он же не учитывает объем затраченных работ, не отражает вклада бригады. Почему бы и строителям не перейти на нормативно чистую продукцию? Что нам мешает? Зачем нужна товарно-строительная для планирования? Над этим стоит подумать.

А. ИВАНОВ, заместитель начальника Заводстроя, Волгодонск. Мы до сих пор, хотя прошло десять лет, не имеем единой расчетной документации и методики по расчету бригадного подряда. Каждое ведомство делает по-своему. Пора бы нашим экономистам решить вопрос о нормативной документации. Пусть экономисты идут впереди подряда, а не плетутся в его хвосте! По планированию: нужно планировать сметную стоимость объектов для бригады полностью, а не в урезанном виде, как сейчас. На зарплате у бригады нет экономии, на материалах тоже практически нет, на чем же ей экономить?

П. БУНИЧ, член-корреспондент Академии наук СССР. Позвольте мне высказаться по плановым показателям. О расчетной стоимости. Она нужна только в размере стоимости материалов для того, чтобы коллектив был заинтересован в их экономии. Но чтобы такая экономия была эффективна, необходим показатель качества и гарантийный срок обслуживания объекта. Что тут было бы хорошо? Не устанавливать задание по производительности труда. Зачем? Если сказать людям: построишь дом за год, получишь столько-то, за три месяца — получишь то же самое. Люди сами будут заинтересованы строить быстрее. Нам нужно создать условия, чтобы каждый вне зависимости от показателя был заинтересован в повышении производительности труда. Я бы не устанавливал бригаде и штатного расписания. Владислав Пахомович Сериков приглашал в помощь бригаде специалиста — но как непросто удалось это ему сделать! А ведь ему виднее, что надо бригаде, кого пригласить. Дали вам зарплату — распоряжайтесь!.. Я веду передачи по телевидению и больше отмалчиваюсь, не отвечаю на вопросы. Сообщаем, что передадим эти вопросы кому надо. Нас спрашивают, а кто это такой — кому надо? Госкомтруд, например. Тогда говорят: ладно, будем писать туда. И пишут, что и нам: у бригадиров нет никаких фондов поощрения. Вопрос: прибыль для бригады — это абсурд или не абсурд? Почему от объединения завод имеет долю, от завода цех имеет, а бригадир — 70 человек, это же хороший цех,— ничего не имеет? Мне это непонятно. Бригада должна даже иметь определенные отчисления и на жилье. Или мы вот говорим, что должны быть штрафы за срыв подряда. Может быть, вы знаете хотя бы один случай, когда бы предъявили штраф к администрации? И чем он кончился? А штраф — это ведь прибыль... А если штрафов нет, то где источники прибыли бригады? Вот все эти показатели, по-моему, программа-минимум, при которой бригада смогла бы работать с развязанными руками. А ведь плановые показатели — один из вопросов постановления по совершенствованию хозяйственного механизма.

ВЕДУЩИЙ. Николай Тимофеевич Архипец только что заверил нас, что планы и их материально-техническое обеспечение, в общем, сбалансированы. Я тем не менее не могу не напомнить о высказывании управляющего трестом Джамбулхимстрой, делегата XXVI съезда КПСС Л. Дядичко, опубликованном в «Огоньке» (№ 16 за 1981 год), о том, что внедрению подряда мешает нечеткое и недостаточное материально-техническое снабжение, что по дороге на стройку оседают где-то металлопрокат и арматура... В то же время приходится иногда слышать, что вопросы снабжения не проблема. Так проблема это или не проблема? Какие будут мнения?

Н. ТРАВКИН. Если бригада стоит потому, что нет кирпича, то это не значит, что нет кирпича. Бывает, что по чьей-то безалаберности его вовремя не привезли на площадку. У нас на складах скопились запасы материалов; техникой тоже обеспечены, даже есть лишняя. Вопрос в другом, надо выправить связи между бригадами и автотранспортными хозяйствами. Снабжение должно работать на бригаду. Нужен в бригаде специальный работник по этим делам, это о нем говорил товарищ из Академии наук. Назовем его мастером-комплектовщиком. Мы нашли такого, он на окладе, будем доплачивать ему из премий. Жизненно важной стала для бригады и подготовка коммуникаций — значит, требуется еще один мастер на тех же условиях. А как же иначе? И, наконец, я сам, прораб-бригадир. Мои заработки целиком зависели от деятельности бригады. Пока не вмешались сверху. Теперь, как ни работай бригада, у меня оклад. И еще насчет расчетной стоимости. Нужна ли она?

Р. ЛУЦ, заведующий отделом городской газеты «Коммунист», Череповец. Многие руководители в Череповце считают, что материально-техническое снабжение — главная помеха при внедрении подряда. Факты говорят об обратном: в конце года обнаруживаются остатки неиспользованного железобетона и конструкций. Десятки тысяч кубометров. Техники столько, что начинают понемножку ее сбывать, крановщики ходят на работу через день... Предложение: нужно распространить хозрасчет на поставщика и транспортника, такой опыт был и дал хорошие итоги. Планирование и снабжение свести, как уже говорилось, на укрупненную низовую единицу — бригаду.

В. ГЛУШЕНКО. Товарищ корреспондент прав. Добавлю, что заводы строительной индустрии работают некомплектно, на свой вал, они же за него получают деньги, а не за комплектные поставки. Им тоже надо настроиться на укрупненные бригады и ее заказы.

И. ШУПА-ДУБРОВА. Надо ввести такой порядок повсеместно, чтобы бригада получала план работы по узлу или объекту, подкрепленный материально.

В. БРИЗКУН, лауреат Государственной премии СССР, бригадир сварочно-монтажных работ Тюменьнефтегазстроя, Нижневартовск. Мне было приятно узнать, что есть бригады, которые всем обеспечены и могут нормально работать. Что же касается Тюмени, где нам приходится работать, то мы зачастую простаиваем, потому что нет рулонных заготовок. Они оседают где угодно — на перевалочных базах, в Новосибирске, даже в самой Тюмени. Не будь этого, мы могли бы намного перевыполнить наши обязательства по сварке резервуарных емкостей, так нужных народному хозяйству. Отдаленность объектов и месторождений, трудности с доставкой (вертолетный транспорт) — все это осложняет и удорожает нашу работу. Да и самой техники, особенно по бездорожью, не хватает. Так что снабжение наших бригад, работающих в Тюменской области, в отличие от «Большой земли», как мы говорим, стоит на очень низком уровне. Потому и подряд внедряется в нашем министерстве плохо, с натяжечкой.

А. ЕРЕМЕНКО, бригадир плотников-бетонщиков Западного участка БАМа, Усть-Кут. Целиком присоединяюсь к строителю из Тюмени. И у нас на БАМе та же картина. В прошлом году мы строили взлетно-посадочную полосу: много было простоев, то из-за железобетона, то из-за техники. Экскаваторов не хватает. Перешли осенью на комплекс — перемен нет. Пусть товарищи из Госснаба это учтут.

Ф. МАЛЬЦЕВ, заслуженный строитель РСФСР, Москва. Эффект от подряда был бы выше, если бы люди были вооружены хорошим инструментом. Тот, что есть, оставляет желать много лучшего. К примеру, завод, выпускающий эти кельмы — вот они,— не может хорошо их делать. Берется за это другое предприятие, завод погрузчиков в Орле, но при условии, если Госплан зачтет их товар как товар народного потребления.

Е. АГАФОНОВ, Госснаб СССР. Выступления бригадиров показывают, что кое-где не проработан или нарушается элементарный порядок строительного производства. Коротко сформулирую суть: на каждую бригаду должен быть проект организации работ, подачи материалов и техники. На местах, видимо, это не соблюдается, и надо, чтобы руководители строек разобрались.

Н. АРХИПЕЦ. К сожалению, все, что тут бригадиры говорят, правильно. Нет еще у нас условий, при которых бы бригады не простаивали. Очень часто причина кроется внутри самих организаций. В основном баланс, выделяемый на капитальное строительство, обеспечивает выполнение плана. Где же слабое звено? Обеспечение металлопрокатом; присылают часто не тот, что нужен, это приводит к неоправданным перерасходам. К сожалению, металлурги не выполняют план по выпуску экономичных профилей проката и низколегированным сталям й в ряде случаев нельзя поставить то, что требуется. А сколько уходит металла и других строительных материалов на сторону, нерационально используется? Много оседает каждый год на сверхнормативном незавершенном строительстве. Бригадный подряд, нацеленный на завершенную сдачу объектов и бережливость,— первый нам помощник. Конечно, нам надо повышать ответственность за поставки. Вместе с десятью строительными министерствами Госснабом выделены на этот год материальные ресурсы по проектам и сметам, изданы совместные приказы, установлен систематический контроль над поставками материалов. Сегодня бригадиры с БАМа и из Тюмени

говорили о недостаточном материально-техническом обеспечении их строек. Это внутренние вопросы самих министерств — Минтрансстроя и Миннефтегазстроя и их строительных организаций. БАМу, например, все отдано полностью. И рулонные заготовки есть — не налажена доставка.

ВЕДУЩИЙ. Выступавшие на страницах журнала товарищи считают, что надо вводить единую с подрядными бригадами систему материального стимулирования инженерно-технических работников, транспортников, снабженцев — всех, кто «завязан» на подряде, причастен к реализации договора. Депутат Верховного Совета Казахстана Г. Лиханова прямо так и пишет! «Всех надо на одну линейку, по закону КТУ (коэффициента трудового участия) и решению совета бригады!»

Р. ЛУЦ. В Череповце есть две укрупненные в управлении бригады. Каждая по 60 человек, и обе выполняют половину программы СМУ, в то время как остальные двести человек делают меньше. Вожак знаменитой бригады Греков предлагает: давайте создадим еще две укрупненные подрядные бригады, они будут работать не на вал, а на технологические узлы, на их сдачу, сократится число работающих. Это предложение встретило ожесточенное сопротивление, и кого вы думаете? Инженерно-технических работников. Им же прибавится заботы. Вот вам классический пример отношения ИТР к подряду. Это очень больной вопрос — стимулирование специалистов. И так просто от него не уйти!

Н. ТРАВКИН. Напомню: в нашей бригаде вместе со мной три специалиста. Что это нам дало? Работа упорядочена, уже два года как не знаем простоев. Я считаю, что если специалисты и не входят в состав бригады, то должны участвовать в распределении прибыли и премий. Надо усовершенствовать и саму премиальную систему. Правильнее было бы «сорок процентов» — премию, полагающуюся за выполнение работ по аккорду, причислять к зарплате. Почему я ставлю об этом вопрос? Ведь что получается? Если я по срокам опоздаю на два дня, то, значит, теряю премию? Подрядная бригада тем самым ставится в невыгодное положение по сравнению с обычной. А за высокие качественные показатели нужна премия отдельно.

А. ИВАНОВ, Волгодонск. Та доля экономического эффекта, которую в дальнейшем получит бригада — а будет ли еще этот экономический эффект или нет? — зачастую оказывается столь мизерной, что на инженеров и техников, которые связаны с подготовкой подряда, даже невозможно делить. Ее просто нет. Поэтому вопрос стимулирования ИТР требует особого рассмотрения. И еще: в действующей структуре нашего, например, треста, невозможно иметь отдел по подготовке бригадного подряда.

В. ГЛУШЕНКО. Нам сказали: вы не имеете права брать из своей премии отчисления для поощрения инженерно-технических работников. Мы попытались это сделать, а бухгалтерия запротестовала. Какие же финансовые органы могут это решить?

В. ИВАНОВ, Госстрой СССР. Экономика — вещь строгая, и с ней надо обращаться разумно. Я не против стимулирования. Но если хотите вовлекать ИТР в систему премирования, то давайте определим — каких. Мы говорим: да, нужно поднять роль инженера или мастера-бригадира. Очень серьезная дискуссия была по этим вопросам. Министерствам предоставлена возможность еще раз подумать, обсудить. В то же время я считаю неправильным включать в состав бригады специалистов. Этого не должно быть! Бригадир сам обязан разбираться во всех вопросах. Что же касается комплектации, например, то для этого есть инженерно-технические работники в управлении. Тут высказывалось пожелание о том, чтобы предоставить совету бригады право принимать и увольнять рабочих. Для этого существует отдел кадров. Есть начальник управления — юридически ответственное лицо. Совет бригады может ставить вопрос об увольнении или приеме, но приказ подписывает наниматель. Сегодня говорили о том, чтобы бригада работала по смете. Это — заблуждение. Смета для генерального подрядчика. Что же касается расчетной стоимости, как известно, в настоящее время ведется огромная работа по переходу на новые сметные нормы и цены в строительстве. Это облегчит, в свою очередь, практику определения и составления расчетной стоимости для осуществления бригадного подряда. В настоящее время действуют «Положение» о бригадном подряде и методические указания по определению расчетной стоимости — на любой случай жизни — это ответ на вопрос о существовании единой расчетной документации.

По поводу «тупиковой» ситуации, о которой рассказывал главный инженер управления из Ковдора. Главный инженер обязан отстоять и защитить интересы своей организации. О премии за выполнение работ по аккорду. Ее не следует, по-моему, причислять к зарплате. Пропадет важный психологический эффект. Одно дело, когда это премия, поощрение за труд, другое — обыкновенная зарплата.

В. ТЫХЕЕВ, заведующий кафедрой Восточно-Сибирского технологического института, Улан-Удэ. Владимир Георгиевич Иванов сказал, что есть руководство и методические указания по переводу бригад на хозрасчет. Однако этих документов недостаточно, когда впервые практически приходится решать эти вопросы. Ведь студенты, завтрашние инженеры, не получают в вузе никакого опыта в этой области. Наша кафедра попыталась восполнить этот пробел. Во время летней практики мы создали на промышленной стройке бригады из наших студентов и перевели их на подряд. Об этом уже рассказывалось на страницах «Огонька» (№ 19). Опыт удался, им заинтересовалось Министерство высшего и среднего специального образования СССР. В июле этого года на базе нашего института будет проходить всесоюзный семинар по этим вопросам.

Е. СЛАВУЩЕВ, начальник отдела Госкомтруда СССР. Товарищ Травкин поднял вопрос о сорокапроцентной премии. Это же премия за выполнение конкретных условий договора, и ее никак нельзя механически приписать к зарплате. О стимулировании труда инженерно-технических работников. Я «за», но только премирования тех работников, которые действительно связаны с бригадой, и из фондов материального поощрения, а не за счет фонда заработной платы или премии бригады. Поставить эксперимент — перевести какой-либо трест на стимулирование всех ИТР? Что ж, эксперименты всегда полезны... Создавать отдельные группы по внедрению подряда? Создавайте, но за счет... ликвидации других отделов. Это — право министерства, пожалуйста. Ввести в бригаду экономиста, мастера-комплектовщика, а завтра... начальника СМУ? Но надо прежде посмотреть, какая это бригада: 15 человек, 56 или 120? Но что безусловно: он не должен быть членом бригады, но работать на нее.

К. ТРОФИМОВ, первый заместитель министра промышленного строительства СССР. Подряд — дело творческое, инициативное. И тут могут быть всякие варианты. К идеалу мы придем не сразу, как и к плану по товарно-строительной продукции. Кое-где выдают за подряд аккорд, кто-то хочет считаться не хуже соседнего главка, чтобы не вызвали в министерство с отчетами. Есть тут доля формализма. Но главное — акции подряда растут! По нашему министерству уже сейчас 52,4 процента всех работ осуществляется подрядными бригадами, в том числе на промышленном строительстве 39,8 процента. Был поставлен вопрос об условиях, обеспечивающих непрерывный подряд. Наша позиция определенна: мы за непрерывность подряда. Но на промышленном строительстве это очень сложно. Само министерство не имеет плана на перспективу.

Мешают огромные трудности из-за несбалансированности планов. У нас есть тресты, которые неделями не получают металлопрокат (арматуру) от заводов-поставщиков. Каково там бригадам? А недавно Иркутск остался без цемента на месяц, это при перевыполнении плана по поставкам в целом. Поэтому, и формируя план, нам надо думать: а как это отразится на бригаде? Очень правильно, что мы собрались сегодня в «Огоньке». Но только вот какая опасность: «А Васька слушает, да ест»... Уже несколько лет планы не сбалансированы ни с ресурсами, ни с рабочей силой.

То, что инженерно-технические работники иногда боятся лишнего беспокойства, лишней критики, вызванной подрядом, верно. Не все, разумеется. Мы в нашем министерстве считаем: будущее принадлежит подряду! И итээровцы будут зависеть от подряда! Будут получать от подряда... Надо еще раз вот такой «круглый стол» собрать, а бригадиры будут эту линию держать. Госкомтруд, Госстрой, министерства — мы в конце концов найдем формы, когда все инженеры и техники начнут работать по подряду не по распоряжению, а с вдохновением, как и многие уже работают сейчас!

В. СЕРИКОВ, Герой Социалистического Труда, заместитель директора центра НОТ Минтяжстроя СССР. Прозвучал только что голос человека с болью... Обязательно придет время, что мы будем стимулировать труд инженера и рабочего по одному принципу. Премий у нас в стране столько, что на всех честных людей хватит, но делим-то на всех честных и нечестных. Во всех газетах идут дискуссии: не хватает рабочих, где взять людей? А мы, переводя бригады на подряд, не знаем, куда людей девать. В Череповце на строительстве кислородно-конвертерного цеха около ста человек оказались лишними при переводе на подряд всего лишь в одном СМУ. Но нам так иной раз планируют, что лишних людей держать выгодно. А работать хорошо невыгодно. Или вот такая всесоюзная «кормушка» — мелкие бригады. Кто их придумал и почему не разгоняют? Это же находка для лодырей! Пощипали на большом объекте, а чтоб сдавать его — так их нет. Пора прекратить дискуссии об укрупненных бригадах. Это не что-то выдающееся, а обязательная норма для настоящей работы. При этом ответственность бригадира возрастает во много раз, а «бригадирские» остаются теми же — 40 рублей, что в корне неправильно. Для государства же выгодно, чтоб были крупные бригады, способные сдавать готовые узлы и объекты. Что еще важно? Я бываю на многих стройках и увидел, что нормы одни и те же, а заработки разные. Значит, там на местах кто-то так планирует. Опаздываем с пересмотром тарифов, очень опаздываем!

ВЕДУЩИЙ. Владислав Пахомович подвел нас к другому острому вопросу — тарифным ставкам. Затрагивает он всех. У нас на сей счет много писем рабочих, бригадиров, руководителей строек. Что можно ответить нашим читателям?

Е. СЛАВУЩЕВ. В «Основных направлениях», принятых XXVI съездом КПСС, сказано так: «По мере создания условий и накопления ресурсов приступить к постепенному повышению минимальной заработной платы до 80 рублей в месяц, ставок и окладов рабочих и служащих, в первую очередь в производственных отраслях народного хозяйства. Всемерно использовать для этого имеющиеся в объединениях, на предприятиях, в организациях и в отраслях резервы роста производительности труда». Вот ответ на поставленный вопрос. Строители хотят, чтобы им в первую очередь повысили тарифы, металлурги — чтобы металлургам, химики — химикам... Сейчас начата подготовка предложений по этим вопросам.

В. СЕРИКОВ. А если подойти объективно? По уровню средней зарплаты строительные рабочие стоят где-то на седьмом месте, далеко от промышленных. Доля тарифа в заработке постоянно уменьшается, и ее надо привести в соответствие с общей заработной платой. Добавка за выслугу лет не играет серьезной роли, в расчете на месяц 6—8 рублей. Кроме того, на 25 процентов снижены все премии. Говорить о серьезном влиянии заработка на закрепление кадров на строительстве не приходится. Пожелание: приблизить в строительстве сроки введения новых тарифных ставок и должностных окладов, которые не пересматривались длительное время. Это повысило бы престижность профессии.

Г. КЛИМЕНТОВ. Я согласен с заместителем председателя Госстроя, что экономика — наука строгая. Я это к тому, что, проанализировав оплату труда работающих на подряде и не на подряде, убедился: существенной разницы между ними нет. Как же будем растить хозрасчетные бригады

См. стр. 26.

А. Осипов. Род. 1928. ПЕСНЯ ГОБИ. 1979.

М. Лихачев. Род. 1919. НА ЧЕРНОЗЕМЬЕ. 1979.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ДРАЧУНЫ

XV

Как ни хорошо мне жилось в дедушкином саду, но я не мог не ощущать потерь, лишившись на все лето Ванькиного общества. Сейчас, наверное, налился горох, и мы бы с ним непременно совершили первые набеги на него. Может быть, Ванька уже делает это, но без меня, и от такой мысли на сердце становилось тоскливо. В коршуниных и кобчиковых, пустельжиных то есть, гнездах появились птенцы. Они опушились, сделались похожими на мягкие шары из ваты,— самое время взять одного, принести в сад и начать откармливать лягушатами, кобылками [1], гусеницами, дождевыми червяками и прочей живой мелочью. На твоих глазах, не по дням, а именно по часам, белый ком увеличивается, из-под пуха начинают проглядывать пестрые с красноватым отливом перышки, хищный, круто загнутый книзу клюв твердеет, освобождается у основания от младенческой желтизны, черные, без зрачков, глазищи четко округляются, когти на мохнатых лапках по-кошачьи выдвигаются, шевелятся, готовые в одно мгновение вонзиться в добычу, которой может оказаться даже принесенная мною мышь или суслик. Недели через две пух вовсе слетит, как с одуванчика, и перед тобою явится вполне законченное произведение искусства, созданное величайшим художником по имени Природа. Все в нем подобрано, подогнано, все соразмерно, все в равной степени прекрасно и вместе с тем целесообразно, все, как нельзя лучше, предусмотрено для определенного ему образа жизни: и эти зоркие глаза, чтобы с большой высоты высматривать поживу, и эти острые когти, чтобы погрузить их в живую плоть жертвы, и это радужное оперение, которое поможет слиться с рыжеватым покрывалом летнего поля, и упругий веер хвоста, который в союзничестве с мощными крылами может удерживать пустельгу в воздухе на одном месте в течение многих минут.

Если в наших руках, на нашем попечении, оказывались самцы (они резко отличались от самок своим оперением, заматерев, становились иссиня-сизыми), мы давали им человеческие имена. Я в честь самого близкого друга называл своего пустельжонка Ванькою, а Ванька Жуков своего — соответственно Мишкой. Подходя к шалашу, где в укромном уголке устраивал своего питомца, я обычно окликал его:

— Ванька! Ванька! Ванька!

Птенец тотчас же отзывался:

— Пи-пи-пи-пи!

А когда для юного пернатого приспеет пора встать на крыло, я безбоязненно выпускал его на волю. Молодой соколик поначалу не очень доверял своим крыльям. Сперва несколько раз кряду расправит, опять уложит их на прежнее место, затем попробует взмахнуть ими, подняться на полсажени в воздух. И только ощутив волнующую радость свободного парения, прибавлял и прибавлял высоты, пока не взлетал над крышей шалаша и над вершинами яблонь и груш. Быстро утомившись, торопился вернуться на мое плечо, чтобы отдохнуть, набраться сил и решимости для нового полета. Так упражнялся с неделю, а потом исчезал куда-то на целый день и возвращался лишь к вечеру, на ночлег. Где-то в конце сентября наступал час, когда мы расставались до будущего лета. Тихий и грустный сидел Ванька на моем плече — сидел долго, а затем неслышно снимался, взмывал в небо, делал несколько прощальных кругов над садом и пропадал. Ежели в долгих и далеких странствиях его не подстерегала беда, он появлялся на следующий год вновь, но на плечо ко мне уже не садился. Опустится на вершину ближней к шалашу яблони, оповестит о себе привычным «пи-пи-пи» и улетит. Я понимал, что Ваньке нужно было обзаводиться собственным семейством, ну, а мне — новым пустельжонком, может, Ванькиным же сыном.

Нынешним летом я буду лишен этой возможности, потому что пустельги гнездятся в дубовом урочище за Большими лугами, куда мне путь закрыт.

— Ты што, хлопче, все вздыхаешь? — спросил вдруг дед.

— Я не вздыхаю.

— Аль я не бачу?! Можа, домой хочешь сбегать?

— Не-э, — ответил я. Но в голосе моем не было твердости, и дед видел это.

— А ты усе-таки, Миша́нька, сбегай. Молочка и хлебушка принесешь. Ладно?

— Ладно.

— Ну и добре. Вон и Жулик в село просится. Возьми и его: вдвоем вам будет повеселее.

Едва я поднялся и вышел на тропу, как Жулик забежал вперед и раньше меня выскочил на лесную дорогу, ведущую к селу. Ни он, конечно, ни дедушка не могли видеть, как щеки и уши мои в один миг сделались пунцовыми, и слышать, как сердце бешено, испуганно заколотилось, подступило куда-то к самому горлу, стеснивши дыхание. И все это оттого, что я совершенно неожиданно даже для себя, внезапно, вдруг, принял отчаянное решение: побежать из сада прямо к Ваньке Жукову и помириться с ним, чего бы мне это ни стоило. Пускай поколотят меня на Хуторе, как рассукиного сына, пускай измочалят, разобьют мне нос Ванькины товарищи, но я все-таки прорвусь к нему самому и, ежели нужно, попрошу прощения, возьму всю вину на себя, лишь бы прервать невыносимую, немую и глухую, полосу отчуждения. Пускай поколотят, но не убьют же до смерти?!

Боясь, как бы страх не взял верх над этим соображением, я наддал ходу и припустил к селу так, что рубаха за спиной надулась парусом, в ушах засвистел ветер, и уж не я за Жуликом, а он чуть поспевал бежать за мной. С ходу врезался головой в толстое и мягкое пузо здоровенной бабищи, оказавшейся Катькой Дубовкой. Она шарахнулась от меня, как от сумасшедшего, и запустила вдогонку презлющую, грубую, законченно мужицкую матерщину, на которую соответственно отреагировал только Жулик: пес приостановился возле богохульной бабы на мгновение и хорошенько отбранил ее по-своему, по-собачьи, то есть облаял. Почтя свой долг исполненным и гордый от этого, он догнал меня, когда я уже достиг окраинных домов. Может, и не догнал бы, если б дорогу мне не преградил Янька Рубцов, прикусивший зубами свою кепку. Путь свой Янька держал с Малых лугов, где начался сенокос и где малый этот успел выхватить из-под косы отца дюжину перепелиных детенышей. Яньке, конечно, не терпелось показать их кому-нибудь из своих друзей, и он очень обрадовался, увидевши меня.

— Мишка!.. Глянь... что у меня?! — чуть внятно выкрикнул.

Разжав рот, разлепил мокрые от слюны края кепки, и я с любопытством и, пожалуй, с завистью принялся разглядывать ржаво-коричневых, полосатых на спинке малюсеньких цыпляток, не делая ни малейшей попытки, чтобы выпросить у Яньки хотя бы одного для себя: с Янькиной скупостью я уже хорошо был знаком. Но на этот раз Янька почему-то сам предложил мне:

— Хошь, я те подарю пару? — И, приметив, как засверкали мои глаза, добавил решительнее: — Выбирай!

Выбирать было не из чего: перепелята были похожи друг на друга, как конопляные зернинки на ладони. Я взял из кепки двух и, осторожно опустив их себе за пазуху, побежал дальше, забыв или (скорее всего) постеснявшись поблагодарить Яньку, повернувшегося ко мне вдруг совершенно иной стороной. Я был счастлив, но это-то маленькое счастье лишило меня большого, того, ради которого я покинул дедушкин сад и мчался во всю мочь в село. Пока добежал до своего дома, пока искал местечко, где бы укрыть понадежнее от кошек перепелят, пока обдумывал, чем бы их накормить, пока устанавливал какую-то жестянку с водой и размоченными в ней хлебными крошками, пока то да се, решение о примирении с Ванькой не показалось мне столь неотложным да уже и не хотелось подставлять добровольно свою голову под кулаки Ванькиных дружков, когда появилась новая забота, а с нею вместе и новое развлечение.

«С какой стати я побегу к нему? — размышлял я, оправдываясь перед самим собою. — Не я — он меня первым ударил. Пускай и просит прощения. У него, чай, нету перепелят. На Больших лугах перепелки не водятся. Папанька сказывал».

Отец никогда ничего такого не говорил мне, но очень хотелось, чтобы на Больших (Ванькиных) лугах эти птицы не водились, а водились лишь на Малых (моих) лугах. Разумеется, было бы даже очень хорошо показать перепелят Ваньке, похвастаться перед ним, и пусть бы он корчился от зависти. И коль скоро сделать это я не мог, то придумал другое: уговорю-ка я «нейтрального» Мишку Тверскова, чтобы он сбегал к Ваньке сам и рассказал ему о моих птенцах. Я даже ухмыльнулся про себя, представляя, как Ванька посинеет от такой новости.

Не откладывая исполнение своего коварного замысла на иной час, не заглянув даже к себе в избу, я направился к Мишке Тверскову. Но дома у него, кроме младших сестер, никого не оказалось. Степашок и Аксинья увели весь остальной свой выводок на луга — ворошить сено. Там-то я и отыскал Михаила. Поначалу он не понимал, что я ему толкую, потому что говорил я запальчиво, торопливо и бестолково. Лишь после пятого, кажется, захода на свой план его суть начала обрисовываться и для умного Миши Тверскова. Для него, оценивающего все трезво и по реальному, истинному достоинству, замысел мой показался не настолько важным и значительным, чтобы сейчас же бросить работу и сломя голову мчаться на Хутор, чтобы обрушить на бедную Ванькину голову неслыханную новость.

— Ну, и придумал! — удивился Миша. — Разве тятька меня отпустит? — И совсем по-взрослому заключил; — Ведь летний день год кормит. Это и брошу я луга из-за твоей выдумки? Нужны ему твои перепелята! Их, поди, полным-полно и на Больших гумнах. Там их, пожалуй, еще больше!

— Ты плохой друг, Мишка! Я с тобой больше не вожусь! — заявил я решительно, сглатывая слезы, не давая им подняться к глазам и вырваться наружу.

Миша испугался:

— Да ты что-о-о?.. Вот пройду еще рядок, а там...

Он действительно прошел этот рядок, снял рубаху, вытер ею пот с лица, с груди, со спины и приблизился к отцу, чтобы от-

[1] Местное название саранчи.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—27.

проситься у него «всего на один, один-единственный часик» в село. Добрый Степашок отпустил.

Я ждал Мишкиного возвращения на окраине Малых лугов.

Вернулся Миша не скоро.

— Насилу отыскал его! — сообщил он мне в первую очередь.

— Где ж он был? — спросил я с дрожью в голосе.

— Да на лугах же. Только на своих, на Больших. Теперича все на лугах!..

— Ну... что... как он?

— Да ничего.

— Ну... ты-то... как, рассказал ему?

— Знамо, рассказал.

— Ну, а он... как он?

— Промолчал. Ничего не сказал. Глянул толечко на меня и убежал.

«Разозлился, значится,— решил я про себя,— завидки, чай, взяли! Так ему и надо!»

Удовлетворенный этим, я вернулся к своему дому, прихватил горбушку черного хлеба, горшок молока, упрятал вновь за пазуху перепелят и, поманив Жулика, отправился в сад.

Примирение с Ванькой не состоялось.

XVI

Отец, оставив сельсоветские дела, находился на Малых лугах, а что происходило на Больших, не знал. А было там не все ладно. Григорию Яковлевичу Жукову показалось, что Петр Михайлович, у которого Григорий собирался было попросить прощения, при дележе лугов отвел ему, Григорию, самый плохой участок, а себе отрезал кус наиболее густой и разнотравистый. В отличие от пахотной земли луга перекраивались ежегодно, чтоб никому не было обидно: нынешним летом тебе достался надел поплоше (что поделаешь — не повезло!), а в следующее «обчество» учтет это и отведет прошлогоднему неудачнику полоску побогаче, и сделает это без жребия. Жуковым и вправду трава досталась хоть и высокая и густая, но наполовину с осокой и мокричником, зело несъедобными для скотины. Но досталась по жребию, и тут вроде бы винить, окромя фортуны, было некого, и, случись такое прошлым годом, Григорий никого бы и не винил, а примирился бы с такой незадачей. Теперь же он был убежден, что тут не обошлось без злого умысла со стороны нашего дяди Петрухи, которого как раз за его исключительную честность и доброжелательность и назначали главным как при разделе полей, так и лугов, причем Больших и Малых. Разъяренным зверем не подошел — скорее подбежал к участку, на котором трудилась семья Петра Михайловича, и, свистя носом, хватая по-рыбьи воздух, прошипел:

— Косишь?

— Приканчиваю, слава богу! — простодушно отозвался дядя Петруха, отложив косу в сторону.

— Ищо б тебе его не славить! Во-о-он какой кусище отвалил! Всю зиму с кормами будешь... А мне по твоей милости придется скотинешку со двора сгонять...

— Это почему же? — И без того потное лицо Петра Михайловича вспотело еще больше.

— А ты, хохол, вроде и не знашь почему? Не знаю.

— Надсмехаишься! Вот пойду, наберу охапку того мокришника да и напихаю тебе в рот — жри!

В руках Григория Яковлевича была коса, и лезвие ее нехорошо шевелилось в скошенной траве.

— Може, угостить вот этой? — Жуков приподнял косу и поднес ее к самому лицу дяди Петрухи. Тот, побледнев, сказал:

— Не балуй, Яковлевич! У меня ить тоже есть этот струмент!

Гроза надвигалась, и неизвестно, чем бы она разразилась и закончилась, ежели б к месту зарождающейся большой беды не приблизились мои двоюродные братья, старшие сыновья Петра Михайловича, Иван и Егор.

Григорий Яковлевич швырнул косу в сторону, сплюнул в сердцах:

— Ну, погоди, хохол!.. Я тебе припомню!

— Постой, постой, дядя Гриша, — вступился Иван. — За что же ты грозишь отцу? Что он сделал такое, чтобы так гневаться?..

— Он сам знат.

— Нет, ты нам скажи: что он натворил?

— Без корма оставил мой двор — вот что! — выкрикнул Жуков.

— Не понимаю, — спокойно продолжал Иван. — Ты же сам тащил из шапки номер!.. При чем тут наш отец?..

— При чем.. при чем!.. Ни при чем!..

— Вот именно!..

— Все одно так я это дело не оставлю!.. Я ему припомню...

Подняв косу, Григорий Яковлевич ушел. Дядя Петруха и его сыновья молча переглядывались.

— Ну, вот что, тятя, — заговорил первым Иван, — отдай-ка ты ему наш участок. Пускай докашивает. А мы возьмем его. Обойдемся как-нибудь.

— Да я и сам об том думал, — затоpопился дядя Петруха, — по дурости могёт заварить такую кашу, что век не расхлебаешь. Пойду скажу, чтоб переходил суда.

Тетенька Дарья, ее дочери Любанька и Маша, ничего не подозревая, на другом конце делянки продолжали ворошить рядки, то и дело радостно ахая:

— Благодать-то какая, девоньки-и-и!.. Запах-то, запах-то какой. Чай да и только!.. Хоть счас заваривай!.. Душистый-раздушистый!

— Мам, а чего это Жучкин объявился? — увидела вдруг востроглазая Мария, распрямляя поламывающую слегка спину.

— Покурить, знать, завернул. Он страсть как охочий до чужого кисету, — сказала тетенька Дарья и, подумав немного, добавила: — Можа, прощения просит. Ить ни за што ни про што покалечил вашего отца. Чуть было сиротами вас не оставил этот окаянный!..

Против ожидания Петра Михайловича Жуков-старший не оценил и не принял великодушного предложения. Настроенный к «хохлам» крайне враждебно и подозрительно, он не мог ждать от них ничего хорошего для себя и неожиданное предложение поменяться наделами воспринял как очередной подвох. Поиграв желваками под небритой кожей щек и пощупав недобрыми глазами дядю Петруху, давясь тяжеленными словами, вымолвил:

— Што это ты... што ты вдруг расщедрился?.. А?.. Аль совестно стало?.. Нет уж — лопайте клеверок сами, а я и мокришником прокормлюсь!..

— Да ить мы...

Петр Михайлович хотел сказать, что пришел сюда без всякой задней мысли, что предлагает обмен по доброй воле и с чистым сердцем, что сам-то выкрутится как-нибудь, насшибает острамок по степным межам и по-над оврагами да и в отцовском саду под яблонями возок-другой наберется, так что...

Но Жуков не дал и рта раскрыть, чтобы дядя Петруха мог высказать все эти разумные соображения,— заорал на простодушного мужика:

— Не нужны мне твои подачки, слышь?.. Не нужны! И уходи отсуда, пока... Не доводи, Михалыч, до греха!.. А то я за себя не ручаюсь! — Белые, расширенные злобой глаза уже шарили вокруг, отыскивая косу.

Пришибленный и униженный, дядя Петруха вернулся к недокошенной своей полосе, где его ожидали прекратившие работу сыновья. Лишь женская половина семьи как ни в чем не бывало продолжала ворошить деревянными граблями привянувшее разнотравье, упиваясь его запахами.

Выстроились было в ряд и мужики, взмахнули косами, но дело не пошло. Сперва у отца лезвие косы глубоко врезалось в кротовую насыпь, и тот, матерясь про себя, долго не мог вызволить его оттуда; у двигавшегося вслед за ним Ивана жало косы почему-то захватывало травы невпрокос, и позади оставались неряшливые гребешки, как на ребячьих головах, когда их принимался стричь озорнущий и вредный дядя Пашка: Егор же остановился и стоял потерянный оттого, что не усмотрел и порезал перед собой целый перепелиный выводок,— потрясенный, он смотрел распяленными ужасом глазами на одного уцелевшего птенца, который лежал пушистым пузцом вверх и, суча лапками, хотел и не мог перевер-

нуться и встать на ноги, чтобы убежать и скрыться в траве. По всему крупному, разгоряченному телу парня волною прокатилась дрожь, Егор вышел из ряда и, приблизясь к отцу, решительно объявил:

— Не могу боле, тять. Хоть убей — не могу!

— Что это с тобой, сынок? — испугался Петр Михайлович.

— Перепелят сгубил...

— Ах, вон оно што?.. А я думал...— Дядя Петруха не договорил да, в сущности, и не знал, что хотел сказать среднему сыну. Помолчав, потеребив небольшую свою черную с рыжинкой бородку, сказал: — На сегодня будя, робята. Роса сошла. Какая уж тут косьба?! Завтра утречком...

Дело, конечно, не в отсутствии росы (и мужики отлично знали это), но такой предлог для них был более приемлем, чем истинная причина, сделавшая вдруг их руки вялыми, а интерес к работе утраченным. Егорка сходил за Буланкой, которая паслась на опушке леса, запряг ее в телегу. Петр Михайлович покликал жену и дочерей. Семья погрузилась и, молчаливая, вернулась домой в то время, когда на Больших и Малых лугах во всю силу разворачивалась сенокосная страда.

Дяди-Петрухино подворье своими задами упиралось прямо в луга, отсюда хорошо было слышно пение кос, сочное похрустыванье трав, частое хлопанье перепелиных крыльев, перекликанье косарей, веселое взвизгивание молодиц, «нечаянно» угодивших жестким комком груди в подставленную, тоже «нечаянно», руку какого-нибудь парня. В глазах рябило от разноцветных бабьих и девичьих платков, покрывавших, точно великанским рядном, весь луг от края и до края. Горячий, чуть душноватый, сладостно-горький запах уже не травы, но еще и не сена покрывал собою, гасил все остальные запахи и безраздельно царствовал тут, насыщая, напитывая и воздух, и одежду людей, и даже конские хвосты и гривы. Он, этот запах, будет держаться долго, пока не уступит более сильному и неистребимому, тому, что рождается главной страдой — Хлебной. А до той поры и люди, и животные, и птицы будут дышать и наслаждаться этим сенокосным, единственным в своем роде, а потому и ни с какими другими запахами не сравнимым.

XVII

Подоспело время уборки хлебов, а полоса взаимной неприязни, подозрительности, а моментами и открытой вражды не только не сужалась, но все более ширилась, мешая людям жить и заниматься своими делами.

Нынешним летом моему отцу, его братьям и старшим сыновьям приходилось поочередно дежурить на поле, караулить кресты из-за опасения, как бы их не увез на свое гумно Григорий Жуков или кто из его родственников. Воспламенившийся ненавистью к «хохлам», Григорий Яковлевич мог подождать того момента, когда хлеба окажутся на току за день до обмолота и когда можно было одной спичкой уничтожить весь урожай,— такой метод расправы со своими супротивниками был не редкость у сельских жителей. Так думал мой отец, этого больше всего боялись он и его братья. Но точно в таком же положении находился и Григорий Яковлевич, и тоже ночевал сперва в поле, у своей делянки, укрывшись под ржаными снопами, а потом в риге, пристроившись у проделанного специально для этого смотрового глазка в воротах. И все это происходило тогда, когда ни те, ни эти решительно не собирались учинять такое зло друг другу, хотя почему-то вполне допускали его возможность.

«Это ведь форменная беда! Рази так можно жить?!» — маялся душой дядя Петруха, прижимаясь спиною к снопам и хороня в пригоршне цигарку, чтобы она и не выдала его присутствия и не уронила искру на сухие стебли ржи.

«Завалюсь-ка спать, и пропади все пропадом! — злился папанька.— На кой черт (он употребил тут словечко покруче) я разлаялся с этим Жучкиным, навлек на свою дурную башку беду?! Не жилось мне в ладу с ним. А теперь вот дрожи, «як цуценя», сказал бы мой батюшка».

Не спала по ночам и наша мать, и причин для бессонницы у нее было, пожалуй, больше, чем у остальных. Она тревожилась и за хлеба, и за двухмесячного породистого жеребенка, с которым все мы связывали немало самых радужных надежд (забудут закрыть ворота — Карюха и уведет свою дочь на волю, на те же луга, а там рыскают волки), беспокоилась и за дочь-невесту, больно с озорным снюхалась, паршивка, чего доброго, принесет в подоле, прибьет лютый отец и ее и меня, заступницу, думала мама; было и другое, чем маялась, терзалась ее душа: по селу холодной гадюкой прополз слушок о связи нашего папаньки с тридцатилетней вдовой, унаследовавшей от рано умершего супруга прозвище: его все звали Селян, а ее соответственно Селяниха. Была эта Селяниха далеко не красавица, но дурнота ее лица скрашивалась, компенсировалась с лихвою всеми остальными бабьими прелестями, с какой бы стороны ни глянуть на сдобную вдовушку; с фронта ли, с тыла ли — загляденье, а не баба! Селяниха была первой на селе самогонщицей, и по этой причине мужики вились возле ее избы, как зеленые мухи. Папанька в отличие от других не просто вился, но и увивался вокруг скоромной молодицы, и окончилось дело тем, что потом уложилось для всех в одно слово: «спутался». Первое время полюбовники таились. Хитрющий Николай Михайлович делал вид, что упился больше всех, и валился под Селянихин стол, мужики оставляли его там одного, а сами расходились по домам.

— Все уползли? — тихо справлялся он у хозяйки, прибирающей посуду.

— Все,— тихо, с глухим радостным придыханием сообщала она.

— Слава те, господи! — Отец вылезал из-под стола и, страшно довольный, потирал руки.

На рассвете покидал Селяниху и приходил домой.

— Эх, паря! — слышали мы мамино восклицание.— Где это ты, женишок, погуливал?.. Не у Селянихи ли случаем?.. Правду, знать, говорят про вас добрые люди...

— А ну — цыц! Ишь затявкала!.. Цыц, говорю! — взрывался отец.

— А ты не цыцкай, я тебе не собака! — подавляя в себе страх перед грозным мужем, кричала мать. И крик ее для нас, детей, был сигналом бедствия. Сорвавшись с постели, мы живой стеной вставали перед рассвирепевшим мужиком и отвращали беду от нашей еще совсем недавно совершенно беззащитной матери.

— Постыдился бы детей-то, хабалин! — выговаривала она папаньке, уже торопившемуся укрыться под одеялом с головою, чтобы не слышать этих попреков и не видеть наших глаз, в которых было и осуждение, и упрек, и стыд за него, и жалость к матери, и выражение острой, жгучей боли, какое бывает лишь у детей, когда их родители живут в неладу друг с другом.— Как нам теперича показаться на люди?.. Стыдобушка-то какая!.. Многодетный старик связался с энтой молодой сукой!.. Матушка, царица небесная, за что же нам такое наказание?..

— Мам, ма-ма-ааа! Не надо... Мам, родненькая, не плачь! — кидался я ей на шею.— Я... я, мам... я убью Селяниху!.. Слышь, мам, у-у-бью!..— выкрикивая это, я никого не обманывал, и в самом деле решил про себя расправиться с женщиной, принесшей в наш дом такое несчастье.

Глянув на меня и ужаснувшись моей решимости, мать теперь сама уговаривала:

— Ну, ну... ты что это, сыночка?.. Рази можно так!.. Можа, враки это, наговоры на твово папаньку... А ты — убью!.. С ума-то не сходи... И себя погубишь и нас всех...

Отец тоже выглянул на мгновение из-под одеяла и обжег меня своим презлющим глазом.

Мать в этот час испугалась, а в следующую ночь все-таки разбудила нас с Ленькой (старший брат сторожил гумно) и, трясясь, прошептала:

— Ребятишки, вставайте!.. Опять нету нечистого. У нее, чай, у суки пропадает. Пойдемте, спугнем, може... О господи, святитель, спаситель наш!.. Прости и помилуй!..

Продолжение следует.

Имя донецкого учителя В. Ф. Шаталова широко известно и в нашей стране и за рубежом. Вот уже четверть века продолжается его самоотверженная и вдохновенная работа — обучение по новой, созданной им методике, раскрывающей огромные возможности в процессе познания.

Во всех уголках страны тысячи и тысячи педагогов работают сегодня по системе Шаталова. А Донецк превратился в место паломничества.

Горячий интерес самых широких слоев нашей общественности к деятельности этого поистине народного учителя постоянно возрастает. И это понятно: в наше время интенсификация познания — залог успехов в научно-техническом прогрессе.

С учителем из Донецка В. Ф. ШАТАЛОВЫМ беседует корреспондент «Огонька» Марк БАРИНОВ

интервью «огонька»

учиться

— Виктор Федорович, в чем же конкретно содержание вашей новой методики и может ли рядовой читатель разобраться в ней?

— Новая методика рассчитана на работу с учащимися четвертых — десятых классов средней школы, успешно применяется в ПТУ, вузах, техникумах, военных учебных заведениях — следовательно, ею могут пользоваться и ее могут понять все, от мала до велика.

Основы методики таковы: принцип бесконфликтных ситуаций и принцип открытых перспектив, из которых вытекает творческая составляющая процесса обучения — как по отношению к педагогу, так и по отношению к учащемуся. А это магистральные направления развития природных дарований личности.

Если же «перевести» сказанное на общепринятый язык, то это значит: в повседневной учебной работе мы исходим из того, что неталантливых ребят не бывает, что главное — сохранить в классе атмосферу дружелюбия и доверия и что эти условия создают атмосферу творчества, способствуют постоянному развитию юного человека.

— Если не возражаете, поговорим об «инструментах» новой методики.

— Поговорим. Вам никогда не казалось странным, что человечество, снабдив себя многочисленными приспособлениями для увеличения усилий в самых различных областях деятельности, осталось на прадедовском уровне в деле образования?

Ведь не станем же мы утверждать, что разнообразное оформление классной комнаты, оснащение ее всевозможной техникой — принципиальные новшества. Основа-то все та же: рассказ педагога, опрос, учебник... Можете сами продолжить перечень традиционных методов, можете сами и аргументированно раскритиковать их. Уж что-то, а предмет «Школа и ее недостатки» большинство населения страны знает на пятерку.

«Рычаг», «полиспаст», «лебедка» — словом, усилитель эффективности и скорости усвоения новых знаний в новой методике — это опорный сигнал.

Что это значит? Поясню одним примером. Вы помните, за что Александр Васильевич Суворов стал графом Рымникским?

...Это было одно из самых удивительных сражений в истории войн.

В 1789 году против семитысячного отряда Суворова и восемнадцатитысячного отряда союзников-австрийцев стояло огромное, стотысячное турецкое войско. Зная дислокацию и малочисленность противника, турки вели разведку недостаточно бдительно.

Суворов, как всегда, глубоко вник в психологию врага. Он учитывал также и то, что в те времена властвовала военная доктрина: атаковать конницей можно лишь при подавляющем превосходстве.

Глубоким обходным маневром он зашел в тыл турок и смело бросил свою малочисленную конницу в атаку. Все остальное, как вспоминали пленные турецкие офицеры, было сплошным кошмаром... И турки капитулировали.

А вот как выглядят опорные сигналы, иллюстрирующие сражение на реке Рымник.

89г. р. Рымник ABC 7 18 100 к п.

Всего 25 печатных знаков, которые после рассказа учителя запомнить практически очень легко.

Что же это такое: конспект опорных сигналов?

Лист бумаги, размером либо с плакат — тогда им пользуются на уроке,— либо с обычный лист учебника. Исполняют его типографским способом, и тогда, сброшюрованный с другими листами, он заключает в себе весь учебный материал данного предмета по данному классу. Его без труда воспроизводят в своих тетрадях и шестиклассники и десятиклассники.

Конспект опорных сигналов — исключительно емкое хранилище информации. Вы знаете, как «плотно» написаны учебники, так вот: один лист опорных сигналов несет в себе информацию двух-трех, а то и больше параграфов учебника.

По своему «устройству» лист делится на блоки. Каждый блок заключает законченный период информации. Он же, как правило, составляет содержание ответа одного ученика.

Блоки состоят из опорных сигналов, представляющих собой комбинации буквенных, цифровых, графических символов разных цветов и размеров.

В том, насколько емки опорные сигналы, убедитесь сами: теоретический курс математики IV класса сгруппирован в 20 листах; курс математики V класса — на 12 листах; курс физики для VII класса сведен в 21 лист, а курс русского языка для IV класса — на 31 листе.

Только надо хорошо усвоить себе, что создание конспекта опорных сигналов — дело серьезное и сложное. Это не те наскоро составленные доморощенные конспекты, которые нам всем хорошо известны. Опорные сигналы — результат труда группы высококвалифицированных специалистов. Только тогда они «заработают» в полную силу.

Маленькая лаборатория в составе трех человек, которая у нас возникла четыре года назад, как раз и занимается созданием и распространением опорных конспектов по предметам школьного курса. Мои ученики и товарищи Ольга Яковлевна Цекановская и Алексей Васильевич Чеботарь трудятся фактически за целый институт: готовят комплекты опорных сигналов, учат работать по ним, анализируют опыт работы по новой методике, проводят семинары с учителями, которые тысячами съезжаются к нам в Донецк учиться и обмениваться опытом. Дел, как говорится, невпроворот. Но ведь это же счастье: отдавать людям свое, очень нужное и важное для них знание!

— Как я понял, опорные сигналы — это только один из инструментов вашей методики?

— Вернее, основа новой методики. Главное свойство опорных сигналов — порождать цепную реакцию поисков и проб новых методических приемов в обучении.

В самом деле, если открывается возможность хорошо и глубоко усваивать учебный материал, то просто совершенно необходимо дать возможность каждому из учеников показать свои знания на каждом уроке.

Недостижимая эта мечта современной педагогики осуществляется у нас просто и естественно. Здесь действуют три методических приема: тихий опрос, магнитофонный опрос, воспроизведение опорных сигналов по памяти. Что это такое?

...Звенит звонок, начало урока. Еще до прихода учителя в класс устанавливается необычная тишина: ребята воспроизводят по памяти опорные сигналы прошлого урока. Надо спешить, отвлекаться некогда, ибо на эту письменную работу отведено всего двенадцать минут. Потом все до единой тетради будут проверены тут же, на уроке, и тут же будут выставлены оценки. И так ежедневно! Работа нетрудная, интересная, потому что каждый опорный сигнал надо писать, рисовать, чертить, раскрашивать.

Воспроизводя по памяти очередной лист, ребята воспроизводят таким образом в памяти все содержание закодированной в нем информации.

Но это лишь часть работы за первые восемь — двенадцать минут. Тихо, чтобы не мешать классу, учитель подзывает к себе двух учеников. Один из них подсаживается к диктофону и еле слышно наговаривает на магнитную ленту «заказанный» учителем блок того самого листа, который сейчас все изображают в тетрадях. Закончив ответ, он вернется на свое место и будет продолжать работу, но исключит тот блок, по которому уже ответил.

А второй ученик садится рядом с учителем и тоже почти шепотом «озвучивает» другой заказанный блок. Таким образом, «магнитофонным» и «тихим» опросами, можно проверить три-четыре пары.

Затем учитель вызывает ученика к доске «старым способом», и это сигнал к окончанию письменной работы. Еще четыре человека опрошены у доски за следующие двенадцать минут.

Итак, за первую половину урока все успели сделать письменную работу по прошлому материалу и, кроме того, опрошено различны-

ми способами еще двенадцать — шестнадцать человек. Около ста пятидесяти процентов учеников получают оценки на каждом уроке! Они к этому быстро привыкают, быстро привыкают к тому, что их труд всегда оценивается, всегда проверяется, всегда поощряется. Привычка работать хорошо и ритмично — вот что быстро и неуклонно вырабатывается при работе с опорными сигналами.

О результатах я распространяться не стану: за последние годы новой методике посвящено больше четырехсот пятидесяти публикаций, в том числе более ста — в центральной прессе.

У нас сегодня другая цель: постараться вникнуть в «инструментарий» и «технологию».

— Интересно, каким же образом учитель осуществляет «стыковку» листа опорных сигналов с учебником?

— А это во вторую половину урока. Учитель быстро, без особых акцентов, рассказывает классу новый материал по курсу. А затем, сразу, без перерыва, приступает к неспешному, спокойному разбору этого же материала по листу опорных сигналов. Тут обращается внимание на узловые вопросы, логические связки, тщательно разбираются трудные места. Все эти важнейшие детали конструкции нового куска информации ясно и четко выделены на листе и плотно «упаковываются» памятью.

Ребята после объяснений учителя воспроизводят и раскрашивают новый лист у себя в тетрадях.

Потом лист вывешивается на стенде «Мы изучаем». Между уроками этого предмета будет восемнадцать — двадцать перемен, значит, много раз опорные сигналы окажутся перед глазами ребят. И никогда — бездейственно.

Необычайно интересно наблюдать со стороны, как спокойно и деловито, с сознанием внутреннего достоинства подходят к стендам десятиклассники. Редко в одиночку. Чаще вдвоем, группами. Постоят, побеседуют, иногда поспорят, уточнят некоторые детали и уходят так же неторопливо. Малыши — сама непосредственность. С разбегу, как будто натолкнувшись на невидимое препятствие, замирают, в течение нескольких секунд пристально смотрят на один из блоков и, неслышно шевеля губами, повторяют какие-то абзацы. Еще секунда — и они продолжают на мгновение прерванную игру.

Таким образом, плотно и не спеша, ребята трижды разными способами повторяют новый материал! Надо ли удивляться после этого, что на работу с учебником и новым листом опорных сигналов дома у ученика уходит всего 20—25 минут!

Заметим еще одно важнейшее обстоятельство: все родители, как показали минувшие десятилетия,— горячие сторонники новой методики. И не только потому, что учеба идет без троек. Согласитесь, обычно родители могут всерьез проверять знания своих детей только первые три-четыре года. С опорными конспектами серьезная проверка возможна в течение всех десяти лет обучения. Ведь правильность воспроизведения листа проверить может каждый, даже не вникая в его содержание. Но практически мы убедились, что работа по новой методике очень быстро снимает с родителей необходимость постоянной проверки выполнения домашних заданий.

Учиться победно ребята любят сами. Скажете, звучит как фантастика? А двадцать пять лет только успешных экспериментов? А тысячи и тысячи плановых и внеплановых, внезапных, расширенных, углубленных, административных, научных и прочих и прочих проверок экспериментальных классов — и все только с положительным результатом?

Знаете, иногда я думаю о том, что ни одно изобретение, ни одна новая технология, ни одна научная концепция не подвергались столь длительной, пристрастной, суровой и разносторонней проверке. Причем верховное жюри у нас такое, авторитетнее которого не бывает в природе,— время.

А вот если вы меня спросите, почему же новая методика не принята до сих пор всеми школами страны, то на этот вопрос ответить не сумею. Я сам его задаю...

— А как новая методика решает проблему второй части обучения: упражнения, задачи, лабораторные работы, дополнительный материал и тому подобное?

— Мы не спешим переходить к задачам и примерам. Используя основное свойство опорных сигналов — большую компактность заложенной в них информации,— мы получаем возможность глубоко овладевать крупными, логически связанными объемами теории. При традиционном изучении теории, раздробленной на параграфы, и непременном чередовании этой дробной информации с упражнениями эффект познания получается несравненно меньший. Мы всегда обладаем в отличие от традиционной школы большим запасом времени и потому можем, по словам А. В. Суворова, «поспешать, не торопясь». Наконец, наступает момент, когда класс жаждет, рвется испытать свои силы в упражнениях.

Как тут не вспомнить слова основоположника современной школы Яна Амоса Коменского: «Хороший ученик будет сгорать от нетерпения учиться, не боясь никаких трудов, лишь бы овладеть наукой... мало того, он будет искать его и не бояться напряжений и усилий»... Новая методика всех делает такими хорошими учениками. Это проверено десятилетиями.

Давно известно, что одновременно слушать, смотреть и писать очень непродуктивно. Однако инерция, традиционность таковы, что на уроках продолжают записывать при решении на доске, в вузах пишут конспекты за лекторами и так далее...

У нас на уроке задача разбирается на доске, но ребята только внимательно следят, слушают. Одна задача, другая, третья... И никто ничего не пишет. Потом, в самом конце урока, отводится время на оформление задач в тетрадях: на решение по памяти тех самых задач. На дом мы не задаем упражнений. Мы предлагаем, рекомендуем те или иные задачи, примеры. Немедленное исполнение таких заданий необязательно. Почему? Погодите, немного терпения!

«Координатором» всех упражнений, всех тренировок является «Лист учета решенных задач». Он висит в классе на видном месте. Столбиком — фамилии учеников, по горизонтали — номера задач, необходимых для решения в учебном году по данному предмету. Работа с этим листом несложная: человек решил очередное упражнение, подошел к листу и закрасил, скажем, голубым цветом, соответствующую клеточку. Изобретение нехитрое, но при прочных теоретических знаниях оно превращается в психологический стимулятор большой силы.

Вполне допускаю, что у вас возникнут различные сомнения и вопросы. И для того, чтобы их развеять, хочу подчеркнуть важное обстоятельство. Очень быстро в процессе учебы по новой методике, в процессе осознания того факта, что знания приобретены всерьез, прочно, надолго, юный человек начинает совершенно по-новому относиться к окружающей действительности, к самому себе, к своему делу.

Я родился и вырос здесь, в Донецке, моими соседями и друзьями были и остаются шахтеры и их дети. И вот теперь я часто невольно сравниваю то чувство гордости за свое дело, то чувство собственного достоинства, которое свойственно лучшим представителям нашей рабочей гвардии — шахтерам, с психологией ребят, вкусивших радость полноценной, результативной, продуктивной учебы.

В нашей школе обычно уже не удивляются, а считают нормой такой, в общем-то чрезвычайный факт: при традиционной методике ученики не успевают в течение учебного года решить и половину программных упражнений. Мы же успеваем не только выполнить всю программу, но и решаем задачи и примеры прошлых лет, смело вторгаемся в джунгли старших классов, то есть свободно плаваем по бурным и грозным океанам физики и математики.

Я учитель физики и математики, и потому большинство моих примеров из этих предметов. Однако за годы работы по новым методикам мною и моими товарищами донецкими учителями, а также многими учителями из тысяч других школ страны созданы фактически все элементы новой методики по всему курсу средней школы.

— А каковы «контрольно-измерительные» инструменты в вашей системе?

— Если у кого-нибудь сложилось впечатление, что при новой методике контроль не нужен, это неверно. У нас разнообразных видов контроля значительно больше, чем в традиционной школе. Вот наши виды проверки.

Консультанты. С первого дня учебы к каждому ученику (не к слабому, а именно к каждому!) прикрепляется консультант из старшего класса. О результативности и важности этого методического приема можно писать диссертации.

Вы помните «магнитофонный опрос»? А прослушивают записи и ставят оценки за ответы ребята из соседнего класса. Это почетная обязанность лучших, и за все годы не было случая, чтобы оценка оказалась завышенной (заниженной — такие случаи бывали).

«Релейные контрольные работы». Это решение в классе в условиях обычных контрольных работ шести — восьми задач из числа ранее сделанных по «Листу решенных задач». Поскольку день «релейной» назначается за неделю, то, готовясь, ребята прорабатывают все упражнения проверяемого периода.

«Листы взаимоконтроля». Это перечни вопросов по пройденным темам. Работы с листом начинается с того, что учитель сам подробно отвечает на каждый из вопросов. А потом назначается день, когда будет проводиться работа по «Листам взаимоконтроля». К этому времени ребята сами многократно проверят друг друга.

«Метод цепочки». Он действует при решении примеров в классе. Первый, кто решил задание, передает его на проверку учителю. Второй отдает проверять уже не учителю, а первому решившему и так далее. Если же решение идет быстрыми темпами, то образуется несколько «цепочек», и никаких «заторов» и «пробок» не возникает.

Родительский контроль работает у нас в полную силу, потому что критерии этого контроля понятны и посильны любому папе и дедушке, любой маме и бабушке.

В условиях новой методики контроль — не кнут, а тонкое, деликатное средство помощи, которым человек в основном пользуется сам, с целью «инвентаризации» своих знаний.

— Вы уже говорили о том, что ставите гораздо больше оценок, чем в традиционной школе...

— Подумайте: ведь и мы, взрослые люди, с непреходящим чувством волнения и радости сообщаем, докладываем, рапортуем о выполнении той или иной порученной работы и испытываем острое чувство угнетения и обиды, если эту нашу работу не замечают. А каково же детям, ведь они-то в действиях каждого из нас хотят видеть только справедливость и доброе участие в их, право же нелегком ученическом труде?

И потому наша система оценок — это не столько система проверки знаний, подхлестывания, наказания, сколько система поощрения такого естественного и прекрасного стремления человека быть замеченным, отмеченным (возвеличенным) за его добрые, хорошие дела.

Основные «документы» в классе — очередной лист опорных сигналов на стенде «Мы изучаем», «Лист учета решенных задач» и «Лист открытого учета знаний». Вот он — центр нашей системы оценок. У нас нет тайн классного журнала. Все оценки, полученные на уроке и во внеурочное время, немедленно заносятся в «Лист» на всеобщее обозрение. Причем пятерки — чернилами, а все остальные оценки — карандашом. Это значит, каждому дано право в

ПОБЕДНО

любое удобное для него и учителя время выправить положение. Вот тоже важнейший из приемов нашей методики: двойка или тройка не висит как проклятие или осуждение над человеком, лишая его воли и уверенности. Ошибка может быть исправлена в любое время. В любое время ты можешь начать жизнь сначала. Вот о чем говорит карандашная оценка.

Гласность «Листа» — огромная психологическая сила. Оценки в традиционной школе скоротечны, эфемерны, быстро забываются. «Лист открытого учета знаний» постоянно поддерживает и побуждает ученика бороться за наивысшую оценку.

— Есть ли другие методические новшества в вашей системе?

— Превеликое множество. Сейчас идет активный процесс взаимообогащения педагогов. К нам приезжают поучиться со всей страны и привозят, в свою очередь, собственные находки, расширяющие методику, позволяющие уже сегодня видеть в ней черты и контуры педагогики будущего.

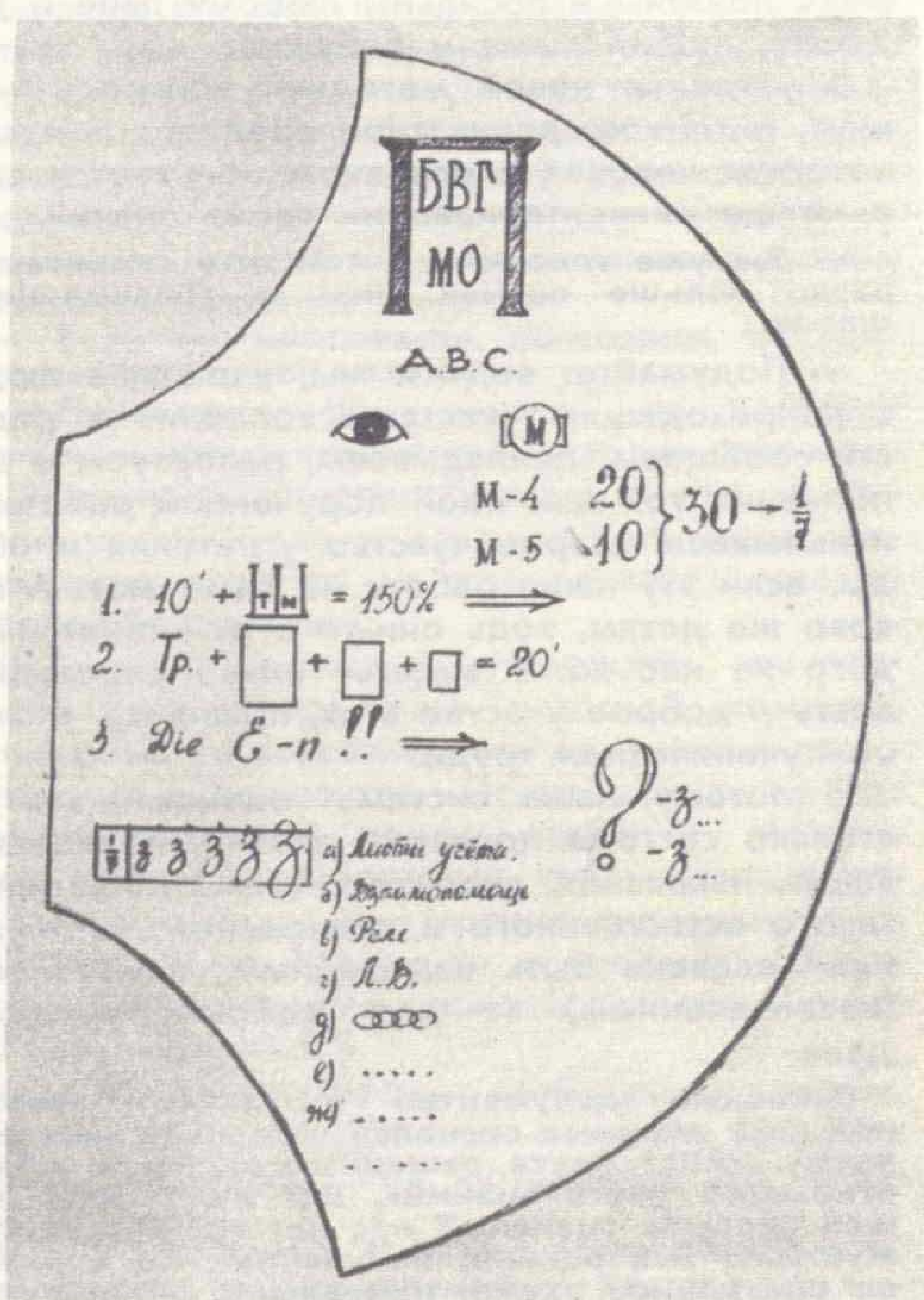
— Кто помогает, кто мешает вам в вашей деятельности?

— Новая методика стремительно расширяет сферы влияния. Назовите любой населенный пункт страны, и вы найдете там в школах, в вузах, в ПТУ, в военных училищах ревностных ее радетелей и последователей. Тот, кто хоть месяц учил или учился по новой методике, к старому не вернется никогда, ни под каким видом.

Кто помогает, кто мешает? Помогают сотни тысяч учителей, студентов, курсантов, учеников. Мешают единицы, стоит ли о них говорить? Пройдет совсем немного времени, и эти люди постараются сами забыть о том, как они мешали.

— Мы желаем вам, Виктор Федорович, здоровья и мужества.

— От души благодарю. И позвольте сделать читателям «Огонька» маленький сюрприз — лист опорных сигналов нашей беседы. Вполне возможно, что в «чистом виде» он и совсем не просто дастся читателям, но ведь надо помнить, что на уроках учитель самым тщательным образом поясняет смысл и логические связи символов. Впрочем, в нашем случае опорные сигналы содержат 170 печатных знаков, что является нормой учащихся IV класса...

* * *

Что же касается тех «единиц, которые мешают», то приходится с сожалением констатировать, что это люди из органов народного образования, из научных учреждений. Их действительно единицы, но они очень мешают учителю-новатору из Донецка и его последователям.

СВЯЩЕННЫЕ ЗАПОВЕДИ ИСКУССТВА

театр

Надежда **КОЖЕВНИКОВА**

Шла «Хованщина». На сцене Большого театра, заполненной пестро, ярко одетым людом, старец Досифей появился неожиданно: высокая согбенная его фигура возникла как бы из самой гущи народа — и холодок прошел по спине.

Потрясающее, ни с чем не сравнимое чувство, дивящее каждый раз и до конца, пожалуй, необъяснимое: как, каким образом, нарочито даже маскируясь в неприметность, ступая неслышно в своем темном долгом одеянии, большой артист с первых же мгновений, еще не начав петь, завораживает нас — исторгает из нашего нутра восторженный немой возглас: вот он, вот он!

Александр Павлович Огнивцев в тот вечер пел Досифея; с этого образа, с этой роли, кстати сказать, и начался творческий путь знаменитого баса. И вот уже тридцать два года он поет на сцене Большого. Но поразительно: как получается, что с годами голос Александра Павловича звучит все лучше и лучше? Алхимия какая-то. Загадка... А кто же, как не сам Огнивцев, поможет ее разъяснить?.. С тем я и пришла к нему, в квартиру на Котельнической набережной.

В памяти хранился вчерашний образ величественного старца с бледным, аскетически-суровым лицом, скрывающего под благородной сдержанностью кипение страстей, которое все же прорывалось в пронзительной пристальности его взгляда. Именно взгляд Досифея ожидался. Взгляд, повергающий в робкую почтительность. А вышло иное: в улыбке губы мои расползлись при встрече с обаятельной улыбчивостью Александра Павловича Огнивцева.

Высок, плечист. В светловолосой голове седина незаметна. Тембр голоса мягок, до странности обыкновенен — без всякого басового «рокота». Гостеприимный хозяин. Но едва только речь о театре, об опере зашла — обнаружился тот самый обжигающий темперамент, что знаком, скажем, по его царю Борису, и теперь проступивший как бы сквозь природную мягкость черт лица артиста, сквозь домашнюю будничность его облика. Ни тени «корифейства». Хотя даже просто по стажу творческой деятельности с Огнивцевым из нынешних солистов Большого театра никто не может сравниться. Он начинал тогда, когда во всем блеске сияли имена, теперь исторические: Самосуд, Голованов, Мелик-Пашаев, Небольсин, Хайкин, Максакова, Обухова, Нежданова, Давыдова, Шумская, Держинская, Норцов, Лемешев, Козловский...

Их традиции продолжились в последующем поколении артистов Большого театра.

Теперь пришла новая смена, талантливая молодежь. И, разумеется, эти молодые силы не могут не ощущать возложенную на них ответственность: им предстоит исполнять те самые партии, что пели выдающиеся. И так, чтобы качество не снижалось, чтобы преемственность длилась, цепь не рвалась...

Поэтому, когда появляется в театре Огнивцев, толпа молодежи поджидает его. Уборная, где он гримируется, превращается в учебный класс. А в совете, в помощи Александр Павлович безотказен. Тут тоже традиция. Огнивцев помнит, как Антонина Васильевна Нежданова смотрела его на репетициях, подробно записывая свои замечания; как Николай Семенович Голованов никогда не пропускал ни одной спевки... До всего им было дело, этим гигантам; драгоценное свое время они щедро тратили на безвестных еще юнцов, так как понимали, что воспитание осуществляется лишь в каждодневном личностном соприкосновении, и — помимо профессиональных навыков — человеку молодому а т м о с ф е р а необходима, которая наибольший заряд дает, заставляет из всех сил тянуться к творческим, нравственным высотам...

Атмосфера возникает из очень ясных, простых принципов: никогда ни в чем не халтурить, делу своему служить фанатично.

Но как служить театру — Большому, прославленному?.. Не нарушать расписание, не пренебрегать режимом — и все?.. Нет. Чем личность крупнее, тем больше сил, больше усилий вкладывается в понятия обычные.

К примеру, по давней театральной традиции после каждого представления дирижер вносит в специальную книгу — своеобразный кондуит — все, на что, с его точки зрения, участникам спектакля следует обратить внимание; как лестное, так и не лестное. Запись после обсуждается на художественном совете. Но ведь можно отделаться фразой: «Спектакль прошел успешно». А можно... Можно помнить пример того же Голованова, исписывающего в журнале целую страницу. В присутствии Голованова фальшивая нота воспринималась как ЧП. И будь он только строг, гневлив, так уж не боялись бы оплошать перед ним. Но ему верили. Уважали в нем профессионала высочайшего. А такую репутацию заслуживает лишь тот, кто в первую очередь к себе требователен, себе никогда огреха никакого не прощает.

Тоже просто. Но именно так уровень держится: в постоянной шлифовке, бесконечном совершенствовании. А чуть расслабился—тут же обнаруживается крен... Долг и честь человека искусства в том и состоят, чтобы выкладываться всегда до конца, до предела.

Вот же годами идет спектакль на сцене: давным-давно он в репертуаре. Казалось бы, все выучено назубок. Но если не проводить репетиции за два-три дня до представления, — как бы точно спектакль ни был прежде слажен, он «сыплется», ветшает. И это слышно и видно. Это грустно и непростительно, когда шедевр демонстрируется, припорошенный пылью. А что требуется? Опять же от имеющихся правил не отступать.

К правилам таким, к традициям, разумеется, не должно быть формального отношения, как к унылому инструктажу. Они ведь имеют живое воплощение. Их носители— великие артисты, составившие славу Большого театра. Поэтому так взволнованно говорит Александр Павлович Огнивцев о случающихся нынче отступлениях, о пренебрежении теми принципами творческой повседневной работы, что должны были бы восприниматься как священные заповеди искусства. Речь-то ведь о Большом театре, о нашей национальной гордости. Спектакли, что в нем идут, — золотой фонд: оперная, балетная русская классика, признанная во всем мире.

— Но знаете, — говорит Александр Павлович,—за недавние два месяца прошло двадцать семь спектаклей современных авторов и четыре — Петра Ильича Чайковского.

Странно... Вглядимся в афиши: в самом деле, не часто балуют нас теперь почему-то Римским-Корсаковым, Бородиным, Мусоргским. А ведь Большой театр — театр особый: проблемы посещаемости для него нет. И люди хотят увидеть там именно признанные шедевры: как в Третьяковской галерее, как в Музее имени Пушкина—тот же золотой фонд. А разве потеснили бы там Сурикова или, скажем, Александра Иванова ради пусть даже интересной современной экспозиции? Вряд ли... Есть хранилища, где только подлинным сокровищам быть достойно. Сокровищам, которые жили и живут в сердцах, умах, сознании поколений... И надо, чтобы каждый мог в любой момент прийти и поклониться прекрасному, чтобы не случалось неожиданных разочарований: извините, мол, но в зале Серова нынче картины другого способного автора выставлены, а Микеланджело унесли, чтобы не помешал вот этой, к примеру, своеобразной композиции...

— Да, — произносит грустно Александр Павлович. — А в Большом театре классический репертуар вытесняется.

Кстати, если захотите услышать Огнивцева на сцене Большого, придется подождать. Его появления не часты. И не потому, что он силы бережет — он в расцвете, голос звучит прекрасно! Но занят Огнивцев только в двух спектаклях — в «Борисе Годунове» и в «Хованщине». А они довольно редко идут.

Но уж когда идут — попробуйте билет достать!..

Не премьера, не новая постановка. Но понимают люди, что возникнет пробел невосполнимый, если не увидеть образцы отечественной архитектуры, не знать литературной классики, не услышать музыки русских гениев, не побывать в Большом театре.

Пройдет время, и многие скажут с гордостью: мы Огнивцева слышали!

Увиденный с Огнивцевым спектакль возродится в памяти во всех деталях. В этом тоже одна из примет подлинного, настоящего — того, что не жухнет со временем, не стирается в сознании, а драгоценным зерном ложится в копилку пережитого. Вспомнится появление Огнивцева — Досифея, как бы выросшего из гущи народной, первые звуки мощного баса, проникающие в самую душу слушателей, рождающие дрожь восторга. Вспомнится и Марфа в исполнении Ирины Архиповой.

А. Огнивцев. «Борис Годунов». Фото А. Невежина

Огнивцев и Архипова — два столпа, на которых спектакль держится: возникает ощущение повышенного жизненного тонуса при появлении двух этих артистов.

Но вспомнится, увы, и разнобой в хоровых сценах и даже фальшь в оркестре.

Блеск звезд не затушевывает, а более четко выявляет тусклое окружение. Рядом с безупречной работой особенно нестерпима работа посредственная. Значит, все вспомнится. Ибо человеческая память неподкупна.

Но в чем сила воздействия на нас, слушателей, больших оперных артистов? Голос? Да, конечно. Однако есть еще некое, необъяснимое как бы свечение, исходящее от крупной масштабной личности... И если голос—дар природы, то формирование собственной личности — дело рук, если можно так сказать, самого человека. Это тоже работа. Тоже труд. Процесс создания самого себя.

В 1949 году выпускник консерватории А. Огнивцев был принят в труппу Большого театра. И первой ролью, что ему поручили, был Досифей в «Хованщине». Казалось бы, есть чем гордиться. Но молодой артист в стенах Большого театра ощущал себя учеником; не робким, а ревностно ищущим, жадно впитывающим советы мудрых, опытных. Огнивцев на репетиции к Голованову ходил, как на уроки. А в таком отношении к себе, к своему делу уже обнаруживался характер художника истинного. Ведь это только ремесленнику кажется, что он всему выучился, всего достиг. Личность же творческая всегда в поиске.

Собственно, и у Голованова брать урок мог лишь артист одаренный, ищущий. Огнивцев вспоминает, что при всей своей требовательности замечательный этот дирижер позволял даже иной раз ритмический рисунок певцу нарушить, если тот убедительно пел.

— Вообще каждому артисту надо стараться петь не по дирижеру, а по музыке, — говорит Александр Павлович. — А дирижер должен чувствовать, каким ритмом живет артист на сцене. Вот, например, Борис Хайкин обладал каким-то даже сверхчутьем. До сих пор не могу объяснить, как это у нас с ним получалось, когда в «Борисе Годунове» я к оркестру спиной поворачивался. Хайкин ведь не видел, не мог знать, когда я начну. Но вступали мы с ним вместе — мгновение в мгновение. Точно ниточка какая нас соединяла, настолько Хайкин меня, певца, чувствовал.

В такой школе воспитывался молодой Огнивцев. И восторженное преклонение перед своими учителями, замечательными артистами, он сохранил и поныне. И как же сохраняет, молодит самого человека способность восхищаться, благоговеть. И, напротив, даже в молодые годы старит скепсис, душевная пресыщенность... Впрочем, Огнивцев так много и сумел воспринять от старшего поколения певцов Большого театра именно потому, что обладал душевной широтой, воодушевлялся чужим успехом, а не пытался, как это подчас бывает, в самоутешение подвергать сомнению чью-то славу.

А теперь настало время отдачи. Такая потребность к Огнивцеву пришла, и отдает он себя щедро. Недаром молодежь вокруг него толпой собирается. Но чтобы у такого мастера уроки брать, необходима и в учениках такая же фанатическая приверженность своему делу, какой обладает учитель.

— Певцу все нельзя,—улыбаясь, говорит Александр Павлович.—Отказываться надо от столь многого, что даже не перечислить!.. Уходит именно та часть жизни, от которой большинство как раз и получает удовольствие. Но зато, когда выходишь на сцену, ни о чем не жалеешь! Сцена тебя пополняет. Реакция слушателей. Но нужно быть фанатиком дисциплины. Если не можешь — лучше уйти... А в том-то и беда, что молодежи хочется и то получить и другое. Но любое отступление от режима на голосе сразу отражается. И тут нет и не может быть исключений.

Певец обязан правильно относиться к своему голосу в период всего театрального сезона. А те два месяца, что даются для отдыха, надо отдыхать. Но именно — отдыхать. Да-да, подчеркиваю — необходим этот перерыв. Некоторые же артисты используют отпускное время на гастроли. И в каком же виде они возвращаются к началу сезона..

Нельзя отступать и от другого правила: за два дня до спектакля солист не должен нигде выступать, какие бы соблазнительные ни возникали предложения. Нельзя участвовать в эстрадных программах — это тоже очень вредно для оперного исполнителя... Если не нарушать все эти запреты, то и будет голос хорошо звучать: ничего нет таинственного...

В небрежности к своему голосу проявляется и отношение к театру. Профессиональное тут переплетается с нравственным. Этическим. Вот ведь как... Хотя, конечно,—Александр Павлович прищурился, — иной раз трудно удержаться от соблазнов.

Хочется и по набережной прогуляться, чтобы надышаться вдосталь, в земле повозиться, грядку вскопать... Не-ельзя! Чуть вспотеешь, ветерок прохватит—пожалуйста, трахеит... Точно тяжкий камень всю жизнь несешь на себе. А на сцену выйдешь — и за все тебе воздастся: с этим счастьем сравниться не может ничто.

С СОЛНЦЕМ ЗА РУКУ

Новелла ИВАНОВА,
фото Александра НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Это солнечное утро осталось в памяти моей как яркий пролог к встрече с Монголией, устремленной в будущее.

По главной улице Улан-Батора шел многоголосый оркестр, и люди в праздничных одеждах торопились вслед за ним к парку «Найрамдал». Мы поспешили вслед за ними и оказались на празднике молодости. Звонко пропели фанфары. На поле стадиона вступили колонны ревсомольцев. Пастухи, рабочие, учителя, врачи, студенты съехались сюда из трех городов и восемнадцати аймаков. И каждый участник республиканского фестиваля художественной самодеятельности молодежи был одет в национальную одежду своего края. Вот прошли увешанные лисьими шкурами представители Южно-Гобийского аймака. Ребята из Эрдэнэта, самого молодого промышленного города, прошагали в ярко-желтых касках — смотрите, идет рабочий класс, идет будущее страны! Вихрем ворвались конники в островерхих шлемах, с красными нашивками на груди. Так в 1921 году выглядели защитники первого революционного государства в Азии. И эти ребята, гарцующие на лошадях, внуки тех самых первых солдат, напомнили мне картину: мчится всадник с развевающимся флагом революционной Монголии в руке и стремительно перескакивает черную пропасть, на которой написано: «Минуя капитализм...». Такой устремленной в будущее увидел свою страну выпускник художественного института имени Сурикова, народный художник Дагдангийн Амгалан. Дома у него на мольберте новое полотно. Мальчишка, завороженный сказочной красотой неба, остановил в степи коня и размечтался...

— Это — мое детство,— сказал художник,— в тридцатые годы все ребята ездили учиться за десятки километров, а на школьных сумках у нас были вышиты или нарисованы красные звезды.

— Вы пишете портреты своих соотечественников. Интересно, каким представляется вам портрет типичного современного монгола? — поинтересовалась я.

— Такой портрет написать трудно,— ответил художник.— Я могу говорить о его деталях. Вы обратили внимание на необычное сочетание красок, которыми мы пишем небо, горы, степь? Здесь, в сердце Азии, буйство цвета — реальность, а не вымысел художника. Наш народ слит, спаян с природой, мы ощущаем себя ее частью. Но природа нас не балует, и это дало нам, монголам, упорство в характере, выдержку, а также склонность к мечтательности, медлительное спокойствие... В степи не закрывают двери на замок. Когда хозяин юрты уезжает из дома, он непременно оставляет для нежданного гостя воду, еду, топливо. Монголы очень гостеприимны. И как самый бесценный дар они передают из поколения в поколение свою любовь и верность народу Страны Советов. А младшее поколение — я сужу о нем по пятерым своим детям и ученикам художественной школы, которой руковожу уже много лет,— оно привнесло в монгольский характер новые черты — жадность к знаниям и целеустремленность!

Прошлое, настоящее, будущее... Нерасторжимую связь времен особенно остро ощущаешь здесь, в этой древней стране, которая считается одной из самых молодых в мире: из полутора миллионов населения Монголии более шестидесяти процентов составляют люди моложе тридцати лет!

Молодым трудно представить себе, что не так уж давно их деды, чтобы расплатиться с ростовщиками и монастырями, голодали, отдавая богачам все, вплоть до личных вещей. Так было. И шестьдесят лет тому назад великий Ленин сказал Сухэ-Батору: «...несмотря на то, что Монголия — страна скотоводческая, а основная масса ее населения — пастухи-кочевники, она достигла в своей революции больших успехов...»

Я встретилась с сыном Д. Сухэ-Батора, основателя и вождя Монгольской народно-революционной партии и народного государства, семидесятичетырехлетним С. Галсаном. Несмотря на годы, он сохранил военную выправку. Еще в 1927 году окончил кавалерийскую школу в Твери, и с той поры его жизнь связана с армией. Вместе с советскими бойцами он участвовал в боях у Халхин-Гола. Награжден советскими орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Столицу, прежнюю Ургу, он помнит городом юрт и монастырей. Юрта его родителей стояла там, где сейчас находится школа номер 23. А школа, куда его отвел отец, была в ту пору единственной в стране, где было 700 монастырей и сто тысяч монахов-лам! Мальчику было двенадцать лет, когда не стало отца, легендарного Сухэ-Батора.

— Дед Дамдин рассказывал мне о тяжелой жизни семьи до революции и о том, через какие страдания прошла семья моего деда — бедняка арата, которому из-за бунтарского характера пришлось даже покинуть родной аймак. Когда Сухэ-Батора призвали в армию, ему даже по причине неблагонадежности семьи не дали вначале ружья, а поставили истопником. Но человек от природы очень способный, храбрый, он вскоре овладел военным делом и стал вахмистром пулеметного эскадрона. Бесправная жизнь народа, обреченного светскими и духовными феодалами, а также китайскими купцами и ростовщиками на вымирание — к началу революции монголов оставалось меньше полумиллиона! — привела молодого Сухэ-Батора в один из нелегальных революционных кружков, ставшем впоследствии ядром партии.

...Еще одна встреча с прошлым. Мы — в гостях у трижды лауреата Государственной премии, академика Цэндийна Дамдинсурэна, известного филолога и одного из зачинателей современной монгольской литературы.

— Хотите знать, как мы, дети кочевников, обучались до революции? Обычно в худоне — сельской местности всегда находился хоть один человек, которого прежде кто-то выучил грамоте... Такой был издревле у монголов порядок: если ты грамотный, научи тому, что сам знаешь, других. И вот мой отец собирал в нашу юрту пять—десять ребятишек. Месяца по два, по три они жили у нас, пасли вместе с нами верблюдов и овец, а после обеда отец проверял, как мы переписали страницу из священной книги. Когда революция пришла, я вступил в ревсомол, а в девятнадцать уже руководил орготделом в аймачном комитете партии и был делегатом V съезда.

Получив образование в Москве, изучив блистательно русский язык, Дамдинсурэн многие годы занимается переводами. Он познакомил своих соотечественников с гением Пушкина, Лермонтова. Ему принадлежит глубокое исследование о замечательном памятнике монгольского народного эпоса — «Гэсэриады», а также создание антологии классической поэзии.

Мое внимание привлекли старинные рукописи на письменном столе академика.

Он протянул мне листок, и я прочитала:

О, стыдно быть старцем, не творящим
благое дело.
О, стыдно быть юным и растрачивать
свое сердце.
О, стыдно слыть мудрым, не связывая мысль
с делами.
О, стыдно быть знахарем и думать только
о прибыли.

— Пятнадцать лет назад впервые были напечатаны эти и другие стихи поэта Равджая. Его песни пели в народе, и никто не знал о жизни этого замечательного человека. Тридцать лет — вот как долго я собирал его песни и стихи и теперь могу рассказать о Равджае людям. Родился он в семье самого бедного бедняка. Был у отца с сыном конь, а юрты своей не было. Но мальчик рано прославился поэтическим талантом, и когда в Восточном Гоби умер старый лама, десятилетнего поэта, сына бедняка, объявили новым ламой. Но только лама этот оказался странным: он писал стихи о жизни простых аратов!

Дамдинсурэн показал мне огромный рукописный альбом.

— Знаете, что это? Пьеса «Лунная кукушка», которую написал Равджай для театра, который он сам устроил! Я видел его уцелевший фундамент — на первом этаже ставились «земные» пьесы, а на втором — «небесные»! Театр просуществовал девяносто лет, и я еще мог записать воспоминания старых актеров, которые рассказали поразительные вещи. Оказывается, здесь в начале XIX века разрешалось играть женщинам! Видите, как еще мало изучено прошлое нашей Монголии!

СЧАСТЛИВЫЙ РАБОЧИЙ КЛАСС

Жаль, что нам не удалось увидеть эту необыкновенную машину! Лхагваа сказал, что у нее еще уйма недоделок, да и покрасить не успели. «А какого она цвета будет?» «Оранжевая!» И я представила себе, как на праздничных улицах Улан-Батора появится в день шестидесятилетия революции самый первый монгольский автомобиль!

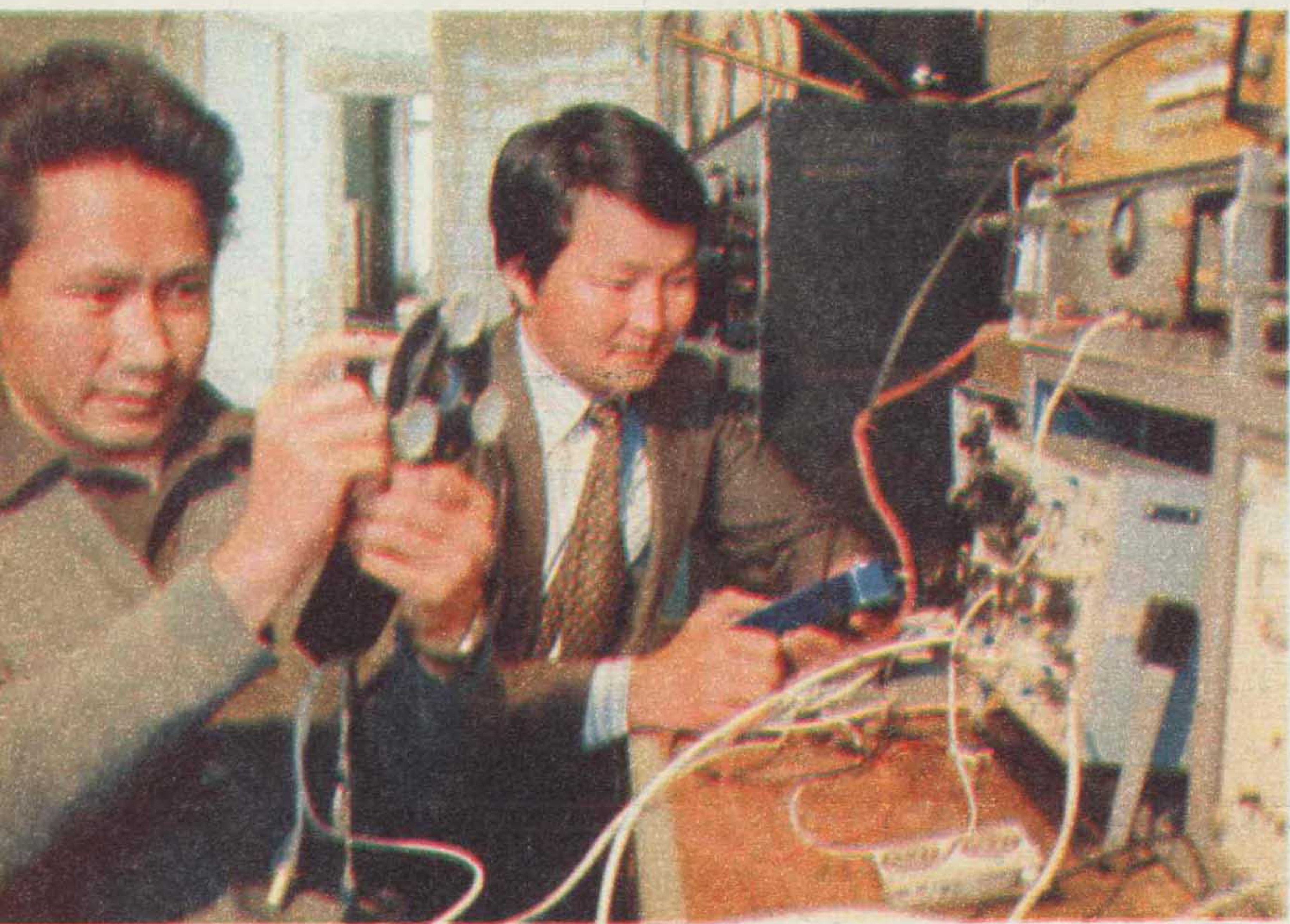
Прочитав эти строки, скептик возразит: в Монголии нет еще автомобильной промышленности. Верно, нет. Но есть талантливые, одержимые творческой идеей рабочие и инженеры. Два дня, проведенные в Эрдэнэте, дали нам счастливую возможность увидеть грандиозную кузницу, где создается бесценное богатство Монголии — национальные рабочие кадры.

...Подъезжая к городу, мы прежде всего увидели у подножия Эрдэнэтийн-ово, горы Сокровищ, сине-зеленые корпуса гигантского горно-обогатительного комбината. Всего пять лет назад, в мою прошлую командировку, здесь не было ни этого промышленного гиганта, ни светлого, многоэтажного города. И теперь их появление в этой просторной, окаймленной горными кряжами степи я воспринимаю, как чудо. Там, где совсем недавно паслись овцы, построено предприятие, кото-

Формовщик Ц. Цэрэндаш и его наставник Н. Нестеренко работают на ремонтно-механическом заводе монголо-советского совместного предприятия «Эрдэнэт» * Праздник молодежи в столичном парке «Найрамдал».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Участница республиканского фестиваля художественной самодеятельности молодежи У. Ганчимэг * В центре столицы памятник Д. Сухэ-Батору * В астрономической обсерватории идет наблюдение за солнцем.

рое по своим технико-экономическим показателям не уступает таким всемирно известным гигантам, как Моренси и Сан-Мануэль в США, Бренда в Канаде, Токепала в Перу!

От местных жителей и сейчас можно услышать старинную легенду о том, что на горе Сокровищ зарыт огромный медный котел с золотыми и медным кувшинами внутри. Когда люди найдут этот котел и снимут бирюзовую крышку с кувшинов, они заживут новой, счастливой жизнью. Мы поднялись на эту гору. Там, в карьере, восьмикубовые экскаваторы без устали черпали руду из легендарного «медного котла», и мощные самосвалы свозили это богатство на своих мощных спинах вниз, к комбинату, где вскоре будет ежегодно перерабатываться 16 миллионов тонн медно-молибденовой руды. Геологи подсчитали, что запасов руды хватит примерно лет на сорок, а кроме того, исследования показали большие залежи этого сокровища в соседних горах.

Но одно дело — найти богатства, а другое — добывать их. Для этого нужны прежде всего квалифицированные рабочие и инженеры.

В моем рабочем блокноте две визитные карточки. Одну мне дал начальник ремонтно-механического завода монголо-советского совместного предприятия «Эрдэнэт» Георгий Павлович Несвитайло, а другую я получила от его заместителя Батсухийна Лхагваа.

Две непохожие биографии и две схожие судьбы. Директор приехал четыре года назад из Восточного Казахстана. Цветная металлургия — его родная стихия, ей отдано больше тридцати лет жизни. Через несколько месяцев он уезжает на родину и встретится, наконец, с Ириной Павловной, внучкой, которую он еще ни разу не видел.

— Что вы считали своей главной задачей здесь, в Монголии? — спросила я, и он ответил:

— Надо не только освоить оборудование, но главное — подготовить национальные кадры. Из своего большого опыта знаю,— чтобы освоить специальность металлиста, требуется 5—7 лет. А тут нас время в спину толкало. На заводе нашем работает 650 человек, приблизительно поровну — монголов и советских специалистов. При этом 95 процентов монголов составляет молодежь — вчерашние скотоводы, школьники. И мы решили: каждый советский специалист станет наставником этих ребят, обучит их своей специальности! Дело успешно пошло. Когда в прошлом декабре состоялся пуск первой очереди комбината, у нас на заводе побывал товарищ Цеденбал. Он спросил меня: «Как вы, инженеры и специалисты, оцениваете наш молодой рабочий класс?» Я мог ответить ему с чистым сердцем, что уеду из Монголии с чувством выполненного долга — на моих глазах выросли специалисты своего дела. Среди монголов на нашем заводе появились отличные наставники молодежи!

В толковом словаре Владимира Даля «наставник» — это учитель или воспитатель, а «наставничество» — должность. И инженер Лхагваа называет своим наставником Георгия Павловича Несвитайло. Монгольскому инженеру нет еще сорока, а как много он успел сделать! Окончил Киевский политехнический институт. Автор семи изобретений и двадцати пяти рацпредложений. Награжден золотой медалью за изобретение, представленное на международной выставке в Москве. Успешно защитив кандидатскую диссертацию, одним из первых монгольских инженеров приехал сюда, когда стройка только начиналась.

— Что здесь было для вас самым трудным? — спросила я у него.

— Работа с людьми! Сюда со всех концов страны съехалось много молодежи, не имеющей практически ни специальности, ни навыков труда на большом предприятии. Наставничество, интернациональные бригады — вот что определяет все наши успехи!

— А ты познакомь корреспондентов со своим другом Молором,— подсказывает Несвитайло.— Знаете, а ведь наш Лхагваа со своими ребятами сделал первый монгольский автомобиль!

Оказывается, пятеро рабочих вместе с Лхагваа создали автомобиль, внешне похожий на нашу «Ниву». Я поинтересовалась, что заставило его взяться за это, работая вечерами, в выходные дни?

— Самое главное — пробудить в рабочем человеке интерес и любовь к своему делу, к своей специальности,— ответил он.— Среди моей пятерки особенно талантливый Молор — токарь-шлифовщик шестого разряда. Он обладает удивительным техническим чутьем! Но я заметил, что мои ребята, отличные парни, чувствуют себя исполнителями, а не творцами. Даже Молор вначале не верил, что сами можем сделать машину. Важно было сломать этот психологический барьер. И теперь, когда машина уже сделана, вместе с Молором мы поведем ее в Улан-Батор!

Беседа с Молором прибавила еще несколько штрихов к портрету современного монгольского рабочего. Ему тридцать четыре года. После семилетки работал учеником токаря в столичном депо, учился в вечерней школе, а теперь уже на всю жизнь связал свою судьбу с Эрдэнэтом. «Почему так решил? Такого предприятия еще не знала наша страна — и у нас в цехе самые современные станки, на которых работать трудно, но очень интересно. Я много учусь у советских специалистов и сам уже подготовил двух учеников токарей!»

Делегат XVIII съезда партии, депутат городского хурала Молор рассказывал о своих товарищах без прикрас. «С дисциплиной у молодежи не все обстоит благополучно: медлительны, нерасторопны. Еще многие не научились ценить рабочую минуту. Воспитание правильного отношения к труду — вот наша большая задача сегодня!» У него четверо детишек, и он мечтает, что они станут инженерами и передадут своим детям дружбу с советскими людьми.

Доктор философии, директор недавно созданного Института философии, социологии и права, Норовсамбу Содномжамцын, с которым мы беседовали об изменении демографического состава населения Монголии, имея в виду таких, как Молор, сказал:

— У нас счастливый рабочий класс! Он не знал нищеты и бесправия и с самого начала стал носителем новых социальных отношений: 41,2 процента населения страны составляют сегодня рабочие!

...Перед отъездом из Эрдэнэта мы встретились с Самбуугийном Цэвэном, мэром этого города. У него две любимые темы беседы — город и поэзия. Инженер-химик, выпускник Харьковского политехнического института, Цэвэн много лет занимается переводами поэзии. Он переводил Маяковского, Маршака, Щипачева, Байрона. Давний подписчик «Огонька», мэр интересуется, с какой прозой и поэзией наш журнал познакомит читателей в следующем году. Я спрашиваю у мэра, что, на его взгляд, самое примечательное в городе, где сегодня 37 тысяч жителей? «Вы обратили внимание, как много на улицах Эрдэнэта советских людей? — вопросом отвечает он на мой вопрос.— Это город монголо-советской дружбы. Вы представьте себе такую картину: сюда приехали тысячи людей из разных уголков Советского Союза — русские, украинцы, узбеки, татары, армяне, грузины... И тысячи молодых монголов приехали к нам прямо из школ и с пастбищ. И вот все эти молодые люди работают в интернациональных бригадах, вместе с советскими товарищами. И сегодня уже десять тысяч молодых людей овладели тридцатью двумя профессиями строителей, более чем десятью горных профессий, а более тысячи овладели смежными профессиями. Тут формируется новый человек, растет рабочий класс, и наставник у него — советские рабочие и инженеры! Мы считаем Эрдэнэт сокровищницей нашей дружбы».

ЗДРАВСТВУЙ, КОСМОС!

Главная гордость директора госхоза Улан-Толгой — механизированная молочнотоварная ферма. И директор недоумевал, почему журналиста из Англии больше всего удивила не эта ферма, а оборудование кабинета физики в школе-восьмилетке.

Увы, до сих пор еще многие на Западе представляют Монголию, которая ныне имеет дипломатические отношения более чем с 90 странами мира, страной полуграмотных кочевников и огромных табунов лошадей. Скажи таким людям, что сегодня здесь каждый четвертый житель — школьник или студент, что здесь одна из лучших в Азии обсерваторий и что Монголия вот уже двадцать лет ведет исследования в области космической связи, метеорологии — не поверят, ведь ни за что не поверят!

...А между тем интерес монголов к небу и к звездному миру уходит в далекое прошлое. Самые ранние «космические» наскальные рисунки найдены в долине реки Чулута и относятся к III тысячелетию до нашей эры. Древние племена монголов использовали звездные карты — об этом свидетельствуют исторические источники. Так, племена Тоба имели звездные карты с рисунками около 300 небесных тел и Млечного Пути (III—IV века), а в библиотеке АН МНР хранится карта небесных светил, где обозначены 1400 звезд и у всех — монгольские названия. Пока не установлено, кем и когда сделан этот редчайший памятник.

В 1921 году, сразу же после революции, постановлением Народного правительства была создана первая научная организация, которая позднее стала называться Ученым комитетом. Это было начало. А ныне?

Мы побывали в Институте физики и техники, и директор, сорокалетний член-корреспондент Академии наук Б. Чадраа вспоминал:

— Я учился на физфаке МГУ, когда был запущен первый спутник в космос, и, конечно, даже не грезилось, что мне доведется руководить научным экспериментом во время полета МОНГОЛЬСКОГО КОСМОНАВТА! Мы безмерно гордимся, что вынесли в открытый космос свои уникальные научные приборы. Предварительные результаты этого эксперимента по изучению космических лучей в открытом космосе очень, очень интересны!

— Скажите, а сколько сегодня в Монголии физиков?

— Думаю, что уже тысяча наберется! Они работают здесь, в университете, в различных научно-исследовательских институтах. В 50-е годы мы впервые поехали обучаться в СССР этой совершенно новой для нас науке. Наш старт в космос начался в Дубне, где проводились фундаментальные исследования в этой области и где работали и работают ведущие советские физики, у которых мы учились и учимся. Пройдя такую школу, мы сразу вошли в передовую область современной физики — в ядерную и космическую физику.

— А что можно сказать о результатах?

— За минувшие два десятилетия сделано очень много. У нас только по проблемам ядерной физики 700 научных публикаций, изданных за рубежом — в СССР, США, Англии, Японии, Франции. Отличные результаты в области космических исследований, в итоге нашей программы исследования природных богатств из космоса уже создано более десяти карт!

Но самое главное — у нас выросла отличная научная молодежь! Я хочу, чтобы вы познакомились с талантливыми ребятами из моей лаборатории в секторе космических исследований. Это как раз те самые люди, которые своими руками создали визуальный поляризационный анализатор — уникальный прибор, побывавший в космосе! Знаете, что самое важное было для нас в этом эксперименте? То, что наша научная молодежь убедилась в возможности самим создавать сложнейшие электронные приборы.

Вслед за академиком идем в лабораторию. Знакомимся. Дамба учился в Ленинградском электротехническом институте, а Борчулун два года назад вернулся из ГДР, где он окончил университет в Йене. Спрашиваю молодых инженеров — одному 35, а другому 30 лет, как они пришли в физику. Оказывается, еще со школы готовились к этой встрече, хотя Дамба жил в столице, а его приятель в аймаке. Один пропадал в школьном техническом кружке, а другой ходил по пятам за учителем физики, и оба твердо знали, что станут инженерами! Вот они какие, современные «типичные монголы».

...В день нашего приезда в международный пионерский лагерь «Найрамдал» в лагере стоял счастливый переполох — в гости приехал космонавт Жугдэрдэмидийн Гуррагча!

60-летию монгольской революции посвятил эту картину народный художник МНР Дагдангийн Амгалан * Станция единой телеметрической системы Института физики и техники Академии наук предназначена для приема информации со спутника «Интеркосмос». Сегодня здесь дежурят научные сотрудники Ш. Дамба и Д. Борчулун * Этажи Улан-Батора * В степи * Директор НИИ медицины, профессор Шагдарсурэн проводит операцию на сердце.

«Здравствуй, дядя космонавт, который поздоровался с Солнцем и Луной за руку!» — этой популярной пионерской песней приветствовали ребята космонавта. Долго длился праздник в лагере, а закончился фотографированием на память с космонавтом.

В Улан-Батор мы возвращались вместе с Гуррагча. Спрашиваю:

— О чем мечтали в детстве?

— Когда был малышом — хотел стать врачом, а как подрос, стал о самолетах думать...

— Почему потянуло в небо? У сына скотовода, старшего среди детей, дел всегда было полно. Кто пробудил в вас интерес к небу?

— Сказки, наши старинные монгольские сказки! В них часто летают крылатые кони... В детстве от стариков я много слышал о волшебных, летающих по небу конях!

В пять лет он, как и все его ровесники, сел в седло и пас стадо. В школу-семилетку пришлось ездить в другой сомон, за несколько десятков километров от дома. Родители хотели, чтобы после семилетки он пошел учиться в сельскохозяйственное училище, но учителя, заметив способности мальчика, настояли на окончании десятилетки. Он вспоминает о них с нежностью и благодарностью, считая, что его путь в летное училище, потом в академию и, наконец, в космос начался тогда, в школе.

Прощаясь, я задала вопрос, который часто здесь задавала,— о типичных чертах характера современного монгола.

— Спокойствие, выдержанность, трудолюбие, дружелюбие. И еще очень важная новая черта в национальном характере — верность дружбе с Советской страной. Наверное, вы сами, побывав у нас, убедились в том, что это не слова. Это образ мыслей, образ жизни монголов. Мы впитали от отцов эту искреннюю и верную любовь к Стране Советов и передадим нашим детям!

ВСТРЕЧА С ТОВАРИЩЕМ ЦЕДЕНБАЛОМ

Это моя вторая встреча с человеком, жизнь которого неотделима от судьбы Монголии. Первая встреча состоялась в канун XVII съезда партии. Прошло пять лет. Как всегда, товарищ Цеденбал был очень занят, но мы знали, что он интересовался у своего помощника, как идет наша работа. И войдя в кабинет Генерального секретаря Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии, Председателя Президиума Великого народного хурала, мы от души благодарим товарища Цеденбала за эту возможность встретиться с ним и поговорить.

— Мне тоже интересно узнать о ваших впечатлениях,— улыбается он.— Ну, например, что было на этот раз самым интересным?

— Медно-молибденовый гигант Эрдэнэт!

Он кивает:

— Да, это мощное предприятие. Досрочно воздвигнутое монгольскими и советскими специалистами, оно образец сотрудничества наших стран и имеет огромное значение для ускорения индустриального развития Монголии.

В докладе на последнем, XVIII съезде партии Юмжагийн Цеденбал привел такие впечатляющие цифры: за прошедшие сорок лет выпуск промышленной продукции увеличился более чем в тридцать раз. А в новой пятилетке валовая продукция промышленности возрастет по сравнению с минувшим годом на 58 процентов. За этими цифрами — люди, рабочие, инженеры, с которыми мы познакомились в городе Эрдэнэте. Мы рассказываем об этих встречах, и, выслушав нас, товарищ Цеденбал негромко говорит:

— Вырос новый человек — патриот, интернационалист, активный строитель социализма. И это, конечно, самое главное наше достижение за шестьдесят лет! Утверждение социалистического образа жизни — закономерный процесс социалистического развития. Этот процесс происходил в непримиримой борьбе с пережитками прошлого в сознании и поступках людей. Наш путь — путь утверждения новых, социалистических отношений не был легким. Хорошо помню, ведь еще сорок лет назад большинство аратского населения было неграмотным. Теперь даже трудно представить себе такое! Сегодня уже десятилетнее образование становится обязательным. Видите, какая категоричность — обязательным! Это большая наша победа. Безусловно, очень большая...

Помолчав, он продолжил:

— Большое революционное событие — коллективизация индивидуальных аратских хозяйств. Трудно было нам в первые годы работать с разобщенным аратским хозяйством. Психология у людей была такова, что они просто не умели думать о стране и понимать ее заботы. И когда шла заготовка мяса, кормов, было сложно убедить людей позаботиться не только о своей семье, но о стране в целом... Кроме того, до тех пор, пока оставалось у нас частное хозяйство, оставалось расслоение общества. Вот, допустим, у одного человека — тысяча голов скота, и он нанимает другого на работу, да еще считает себя благодетелем: дескать, я кормлю тебя и твою семью! Помню то время, когда рядом с юртой богача непременно стояли две-три юрты бедняков... А теперь посмотрите, как изменилось наше аратство! Кооперированное аратство составляет 36,6 процента, а члены сельхозобъединений — 17,7 процента. Что типично на сегодня? Коллективизм вошел в плоть и кровь, психологически перестроил арата. Появилось земледелие, и широкое освоение целинных земель продолжается. Прежде не было земледелия, а ныне страна обеспечила себя хлебом, кормами. Мы создали госхозы, которые не только обеспечивают наши потребности в зерне, но дают возможность экспортировать пшеницу. Ведь прежде земледелием занимались только в определенных районах, да и то немного, на моей родине, например... А сейчас мы имеем крупные хозяйства-госхозы, с площадью в несколько десятков тысяч гектаров. И в области земледелия, как об этом речь шла на XVIII съезде партии, предусмотрено увеличить за пятилетие среднегодовое производство зерна на 82 процента. Вы ездили по стране и наверняка обратили внимание, как выглядит сегодня быт нашего села. Сейчас повсюду школы, больницы и все, буквально все коллективные хозяйства и госхозы имеют свои врачебные пункты. А прежде, в первые годы народной власти, только фельдшера можно было встретить в худоне. Помню, еще в сороковые годы больницы были только в аймачных центрах. А ныне на каждые десять тысяч человек приходится двадцать врачей и сто больничных коек. Самые первые врачи, работавшие в Монголии, были из Страны Советов. Сейчас у нас армия отличных врачей, и среди них такие, как профессор Шагдарсурэн, который блистательно делает сложнейшие операции на сердце!

А теперь давайте посмотрим, как изменилась психология арата — ведь на селе появилась за это время сельская интеллигенция: учителя, врачи, механизаторы, инженеры полей, председатели кооперативов. Хочу отметить, что наши председатели сельхозобъединений являются одновременно руководителями сомонов, то есть они обладают местной административной властью, и это дает им возможность быстро решать важные проблемы. Появились бригадные животноводческие центры — это совсем новое, революционное, по существу, дело. Такие центры имеют свой автопарк. Кстати, о машинах — вы, верно, заметили, что профессия шофера одна из самых популярных у нас? Теперь почти каждый пастух имеет свой мотоцикл. Все больше появляется в домах холодильников, стиральных машин, телевизоров. Люди жалуются: не хватает телевизоров! Вот как теперь живет наш народ — дальше мы будем жить еще лучше! В содружестве с Советским Союзом и другими братскими странами социализма наша страна построила молодые города и новые крупные предприятия, отвечающие современному научно-техническому уровню. И эти новостройки завтрашнего дня в городе, на селе убеждают: материально-техническая база социалистической Монголии растет и крепнет. Впереди большие планы, предстоит много работы!

...Прощаясь, Генеральный секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого народного хурала Монгольской Народной Республики пишет в моем блокноте: «Хочу пожелать всему советскому народу больших успехов в осуществлении решений XXVI съезда партии. Успехов и счастья каждому и всем советским людям! 15 июня 1981 года. Улан-Батор».

НАПЕВ

Бэгзийн
ЯВУУХУЛАН

УТРО РОДИНЫ

И дождь прошел, и говор голубиный
день огласил, и свод небес ясней,
и зовеет... В образе любимой
я вижу утро родины моей.
Шагаю, вдохновленный днем погожим,
по улицам столицы молодым.
Всего-то ночь не видел их и все же
соскучился, похоже, я по ним.
По-утреннему легкою походкой
шагаем, каждый по своим делам,
и встречного приветствуем в охотку,
как друга: «С добрым утром!»— «Наше вам...»
Прозрачным утром, вымытая ливнем,
земля под солнцем млеет: хорошо!
И ты, шагая средь людей счастливых,
сам молодеешь телом и душой.
Черемуха цветет у поворота —
как парус, устремившийся в полет.
О жизнь! Судьба моя—в судьбе народа.
Недаром сердце радостно поет.
И как не петь! Любовь к родному краю
меня несет на песенной волне,
как ласточка, я духом воспаряю.
Да жить и жить нам, думается мне.
Иду в избытке чувств невыразимых
навстречу нови солнечного дня,
готов не только собственного сына,
но каждого из встречных я обнять!
Осколками стекла листва сверкает,
промокших воробьев задорный гам.
А солнышко-то жару подбавляет.
А люди—каждый по своим делам...

Есть в этом изначалье смысл глубинный.
Вот почему, лишь свет—вновь у дверей,
я ежедневно в образе любимой
встречаю утро родины моей.

Перевел с монгольского
Иван ИСАЕВ.

РОДНЫХ МОИХ СТЕПЕЙ

МОНГОЛКА

Нежная монголочка-смуглянка!
Ты в степи подснежник голубой.
Только миг — и солнце поцелует
Утренний раскосый горизонт.

Кроткая монголочка-смуглянка!
Ты дорога к счастью для меня.
Заглянув улыбкой света в юрту,
Открываешь ты начало дня.

Милая монголочка-смуглянка!
Дочь, родившаяся под луной!
Мне судьба любить тебя
до смерти,
Так же, как люблю я край родной!

ОСЕННЕЕ СЕРЕБРЯНОЕ УТРО

Продрог от утренней прохлады
Мой верный быстроногий конь.
Сквозь дымник брезжит, в юрту
глядя,
Луча рассветного огонь.

Только миг — вскочу в седло,
Жарко вспыхнет кровь коня!
Осень ясным серебром
Светится в начале дня!

Заметно холода дыханье:
На травы первый иней лег...
С любимой тяжко расставанье,
Нет сил переступить порог.

Только миг — вскочу в седло,
Жарко вспыхнет кровь коня!
Осень ясным серебром
Светится в начале дня!

У коновязи, в отдаленье,
Неслышно стоя под луной,
От первой свежести осенней
Застыл мой резвый вороной.

Только миг — вскочу в седло,
Жарко вспыхнет кровь коня!
Осень ясным серебром
Светится в начале дня!

Когда прохладным ранним утром
Чуть слышно звякнут стремена,—
С коней сойдем у новой юрты,
Откроет полог нам она.

Только миг — вскочу в седло,
Жарко вспыхнет кровь коня!
Осень ясным серебром
Светится в начале дня!

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Скользнула птицы тень по юрте —
Неужто новый гость придет?
Трещит на улице сорока—
Неужто вести принесет?

Дрожат попеременно веки—
К беде? К веселью? Не пойму.
Душа готовится к чему-то,
Сама не ведаю, к чему...

Он утро каждое мне снится.
Быть может, встреча предстоит?
Придет, как обещал, любимый!—
Мне сердце радостно стучит.

КАРТИНА

На землю снежную спустилось
Кочевье белых облаков —
Так утро нежное сгустилось
И брызнуло, как молоко!

Вдали, по северному склону,
Слегка темнеет леса тень,
И кажется, что путник сонный,
Проснувшись, входит в новый
день.

Как шелк, разостланный швеею,
Лазурь небесная лежит,
И лайнер линией прямою
Ее стремительно кроит.

НОЧНАЯ ГРОЗА

Ночная гулкая гроза
Шумит, по крышам бродит.
Попробую закрыть глаза—
Она мой сон уводит...

Короткого затишья жду.
И погружаюсь в дрему.
Но снова, как в больном бреду,
Прислушиваюсь к грому.

То дробью дождь летит в окно,
То ветер в двери рвется,
И сон уходит стороной,
Как солнце из колодца.

Бессонница играла мной
До самого рассвета,
Летала молнией сквозной,
Как шмель в разгаре лета.

Спустился поутру с крыльца—
Гроза уже умчалась.
От теплых слез ее лица
Лишь лужица осталась.

ПЕСНЯ ЛУННОЙ НОЧИ

Земля всегда была светла—
Сменяло солнце месяц.
Твоя любовь меня нашла
И поселилась в сердце.

Сияет вечная луна
На небосводе синем—
Мне всех затмила ты одна
Красой необъяснимой.

Как человек в луну влюблен
Над ласковой землею—
Я речью милой покорен,
Мелодией степною.

Земля всегда была светла—
Сменяло солнце месяц.
Моя любовь тебя нашла
И поселилась в сердце.

ЗАКОН ЖИЗНИ

Говорят: те, кто искренне
любит,
Часто в юности губят
Друг друга
Ненасытной ревнивой враждой,
Но проводят цветущие годы
Друг с подругой
Под крышей одной.
Говорят: те, кто искренне
любит,
До седин этот пыл не остудят,
Друг подруге
Опорою будет
Вплоть до самой черты гробовой!

ХАНДА—ИМЯ ТВОЕ

Ты послушай, любимая, что
говорю: Ханда!
Ты затмила своей красотою зарю,
Ханда!
И когда пред тобою я робко стою,
Ханда!
То ни солнца, ни месяца не узнаю,
Ханда!
Нежно шею твою озаряет рассвет,
Ханда!
Пред тобою бледнеет и маковый
цвет, Ханда!
На руках золотой потускнеет
браслет, Ханда!
Двум запястьям твоим обрамления
нет, Ханда!

Словно стебель цветка лугового
твой стан, Ханда!
Легкой тенью улыбка скользит
по устам, Ханда!
Сердцевины двух перьев
павлиньих—глаза, Ханда!
По плечам твоим пряди густые
скользят, Ханда!

Грудь твою облегают послушно
шелка, Ханда,
Полнотою упругой вздымаясь
слегка, Ханда!
Встреча каждая наша мне счастье
дарит, Ханда!
Верь любви, что отныне во мне
говорит, Ханда!

Голос твой глубоко в мою душу
запал, Ханда!
От речей твоих жарких я сам
запылал, Ханда!
И огонь твоих слов очищает меня,
Ханда!
Без тебя я—как месяц средь
белого дня, Ханда!

Говорю: на земле этой долго живи,
Ханда!
Что дарила нам пылкие годы
любви, Ханда!
Слушай песню мою, и узнает весь
свет, Ханда,
Что за имя пою, или я не поэт,
Ханда!

* * *

Цветок, прекраснейший из всех,
Сорвал я на лугу.
Напев родных моих степей
До смерти сберегу.
Быстрейшего среди коней
Я в табуне поймал.
И девушку, что всех милей,
В степи я повстречал.

Воды из горных родников
Прозрачней в мире нет,
Мудрее наших стариков
Не видел белый свет.
И наконец познал я страсть,
Что всех страстей сильней:
Родиться, жить, расти, любить
В Монголии моей!

Перевела с монгольского Людмила БУКИНА.

МАЗАР, МАНАС

Ущелье Куркуреу-су, что в Таласском хребте Киргизии, называется так по имени полноводной речки. Вода потока пронзительно голубая. Цветные булыжники, целые их россыпи придают голубизне пестрый разнобой. Несется речка в зарослях арчи, барбариса, облепихи, дикой вишни, эфедры — кустарников, стреляющих первыми зелеными стрелочками под майским солнцем. Чуть в сторонe — естественные плантации шампиньонов. Грибники знают цену этой возможности, когда ты набрасываешься не на первый попавшийся гриб, а снимаешь бугорок земли и извлекаешь влажный, картофельной крепости и белизны шампиньон. Грибы-то собирай, но и по сторонам посматривай — есть тут небольшие, но активные змейки, похожие на кусок цветной альпинистской веревки.

Ущелье ли Куркуреу-су? Географически — да. А зрительно — это грандиозное всхолмленное плато между двумя хребтами. На нем бы запросто уместился миллионный город. Мы же, сколько его ни пересекали, встретили лишь четырех пастухов да стада, искусно замаскированные горным пространством. И над всем этим громоздятся от горизонта до горизонта вечно белые вершины.

На фоне зеленых горных лугов — белое сооружение. Башенки придавали помпезность некоего дворцового элемента этой мазанке. Какая же история кроется тут? Разобраться в ней нам помогли пастухи и товарищ по экспедиции, местный энтузиаст альпинизма, краевед Кенжибек Муканов.

...Во многих государствах мусульманского мира стоят такие вот мазары — места поклонения паломников. Мазар, что называется, младший брат восточных мавзолеев. Мазар, возле которого раскинулся нижний лагерь нашей экспедиции, венчал захоронение безымянного батыра.

Над мазаром, за многими изумрудными холмами, высится крупнейшая вершина Таласского хребта — Манас (4482 метра над уровнем моря). Характерная особенность многих господствующих вершин — они двуглавые.

Манас — легендарный киргиз-богатырь, о подвигах которого народ слагал песни. Великолепная вершина Манас — эпос из камня, льдов и снегов! Некоторые участники нашей экспедиции побывали на ней. Без спаянных связок, добротного альпинистского инвентаря Манас на себя никого не впускает.

У Манаса был брат Джалой. Что-то не поделили силачи, да так в неприязни и завершили свой век. Вершина Джалой стоит невдалеке от Манаса. Так дыбились они тысячелетиями (даже когда и не имели этих имен), разделенные голубыми ледниками. Любить так любить, враждовать так враждовать! И никогда не растают льды, разделяющие Манас и Джалой.

Юрий МАКУНИН

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КНИЖНОЙ СТРАНЕ

Статистика утверждает: в личном пользовании советских граждан находится 44 миллиарда томов, что составляет 1500 таких библиотек, как Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Практически каждая вторая семья имеет домашнюю библиотеку.

Но как разобраться в безбрежном книжном море? Как научиться отбирать для своей библиотеки самое необходимое, самое важное — ведь всех книг не купишь? Как узнать о крупнейших коллекциях прошлого и настоящего — ведь у нас в стране немало истинных библиофилов — людей, увлеченных книгой настолько, что эта страсть стала одной из главнейших жизненных потребностей. А история самой книги, от первопечатной до сожженной на кострах инквизицией и гитлеровскими палачами? Наконец, сколько интереснейших историй рождают биографии книг! Недаром говорят, что судьба книги похожа на судьбу человека...

У «Альманаха библиофила», десятому, «юбилейному», выпуску которого была посвящена очередная встреча клуба «На огонек», завидная судьба. Именно это уникальное издание информирует читателей-книголюбов обо всем интересном и значительном, что связано с прошлым, настоящим и будущим книги. И вот что удивительно: тираж первого издания «Альманаха библиофила», вышедшего полвека назад, был... 300 экземпляров. Ведь по замыслу тогдашних издателей он предназначался лишь для самого узкого круга собирателей редкостей. На встрече в «Огоньке» главный редактор сегодняшнего альманаха писатель Е. Осетров сообщил, что тираж сданной в производство двенадцатой книги «Альманаха библиофила» составит сто тысяч экземпляров. Что и говорить, разница огромна. Значит, альманах нужен читателю, любящему книгу, значит, это издание очень помогает книголюбу ориентироваться в гималаях печатной продукции.

— Идея возобновления альманаха,— рассказал Е. Осетров,— появилась десять лет назад, на гребне возникшего тогда «книжного бума». К тому же, просматривая материалы заседаний клуба книголюбов Центрального Дома литераторов, я посетовал, что интереснейшие рассказы о книгах становятся достоянием сотни-другой слушателей. А что, если иные из устных рассказов завзятых книгочеев собрать в отдельную книгу? Это будет увлекательнейшим повествованием. Издательство «Книга» поддержало нашу инициативу, а возникшее позднее общество любителей книги стало издателем альманаха.

В этот вечер огоньковцы слушали библиофильские новеллы, размышления писателей, художников, книговедов о редкой книге, о чтении, об иллюстрации. Иные из них опубликованы в выпусках ставшего популярным издания, иные ждут своего часа.

Всегда был значителен интерес книголюбов к изданиям «Academia». Трудно назвать другое издательство, которое пользовалось бы большей популярностью и одновременно сыграло бы большую роль в истории советской книги.

— Значение этого издательства,— сказал М. В. Рац, доктор геолого-минералогических наук,— и

Издания «Альманаха библиофила» разных лет.

интерес к нему в наши дни определяются той важной ролью, которую сыграла «Academia» в приобщении молодой советской интеллигенции к мировому культурному наследию. Мимо книг этого издательства не может пройти ни собиратель классики, ни любитель мемуаров, ни коллекционер иллюстрированных изданий. Почти в любом библиофильском собрании книги «Academia» составляют специальный раздел. Чем же объясняется этот удивительный успех? Ведь книжный репертуар издательства в значительной степени перекрыт в наши дни: назовем хотя бы «Библиотеку всемирной литературы», выпущенную издательством «Художественная литература», «Литературные памятники» издательства «Наука».

И М. В. Рац, составитель только что вышедшего каталога «Academia», рассказал, что секрет популярности тысячи книг, выпущенных под маркой прекрасного издательства, в неповторимом своеобразии серий, характер которых определяется не только их содержанием и не только их оформлением, полиграфическим изяществом, но и всей совокупностью книгообразующих факторов. Выступающий поведал собравшимся почти детективную историю, связанную с поиском уникальной коллекции «Academia», на основе которой и был составлен каталог, выпущенный к выставке издательства, организованной Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина, историю, которая будет опубликована в ближайшем номере «Альманаха библиофила».

А в девятом выпуске журналист М. Сергеева рассказывает о замечательной коллекции москвича Я. Белицкого «Все книги о Москве»: «Удивительна эта библиотека. Стоят рядышком огромные фолианты и маленькие, карманного формата, книжечки — старинные кожаные переплеты и пахнущие еще типографской краской издания нынешнего года. И почти на каждом томе значится: «Путеводитель». А уж Москва — в названии каждой книги. Потому что хозяин этой библиотеки вот уже много лет собирает путеводители по нашей столице. В них история города. Маршруты, статистические выкладки, фотографии, рисунки позволяют зримо представить день минувший и день нынешний. В этих книгах интересно все: и рекламные объявления, и адреса жителей, и шрифт названий. Вот поблескивают за стеклом солидные тома «Вся Москва». Они регулярно выпускались в конце минувшего века, выходили эти книги и в издательстве «Московхоза» в 20-х годах. Казалось бы, что в них особенного? Перечень учреждений, адреса жителей... Но с каким неизъяснимым волнением находишь в адресной книге за 1896 год информацию, что доктор ботаники Климент Аркадьевич Тимирязев имеет жительство в Шереметьевском переулке, а в доме Дымкова в Дурновском переулке проживает тайный советник Александр Александрович Пушкин — «Сашка-рыжий», как многократно называл в письмах своего любимца Александр Сергеевич Пушкин... Еще нет трамвая, только-только появился в богатых домах телефон, и Константин Сергеевич Алексеев значится в списках дирекции «Промышленного и торгового товарищества». Пройдет два года, Москва заговорит об открытии Художественного общедоступного театра, и в справочниках за 1898 год уже будет указано: «Главный режиссер театра Константин Сергеевич Алексеев (Станиславский)»...

Обычно любовь к книге у библиофила носит творческий, познавательный характер. Вот почему почти все выступления в «Альманахе библиофила» — это маленькие исследования, открытия. В свое время писатель В. Утков рассказал на страницах альманаха о коллекции изданий прекрасной русской сказки Ершова «Конек-Горбунок», собранной старейшим библиофилом Н. И. Суровежиным. На встрече в «Огоньке» Николай Иванович был представлен журналистам. Что заставляет его всю жизнь собирать издания од-

На встрече, посвященной «Альманаху библиофила». Выступает главный редактор альманаха Е. И. Осетров.

ной и той же книги? Наверное, страсть к познанию предмета до конца — и как книга появилась на свет, каковая была судьба ее автора, и как триумфально шагает сегодня по свету «Конек-Горбунок» — ведь у Суровежина собрано более ста тридцати изданий. Кстати, имя этого собирателя известно многим москвичам еще и по так называемым «Суровежинским четвергам», на которых в его квартире собираются на «книжные посиделки» завзятые книгочеи. Так что страсть к книге в данном случае сочетается с полезной просветительской деятельностью.

Да, действительно, подлинное книгособирательство—это творческий процесс. Недаром из рядов библиофилов вырастают серьезные исследователи книги, литературоведы. А бывает и наоборот, профессиональный литературовед становится страстным книжником. Во всяком случае, когда С. Селиванова рассказывала о рукописях Пушкина, было совершенно ясно, что без любви к книге, к ее истории не станешь заниматься, казалось бы, таким специальным и скучным делом, как рукописи.

— Помните слова Вольтера,— сказала С. Селиванова, — о том, что всякая строчка великого поэта становится драгоценной для потомства. И драгоценной она становится не потому, что стала для нас каким-то музейным раритетом, экспонатом, к которому нельзя притрагиваться руками, а потому, что в этой строчке, в этом документе живет, дышит горячая мысль писателя. Особенно это ощущение возникает, когда мы смотрим на пушкинский автограф.

Как известно, рукописи Пушкина привлекали исследователей очень давно, сразу же после смерти поэта. Пушкин, как немногие из поэтов, творил с пером в руке, с пером в руке он думал, создавал. И поэтому, по выражению Бонди, его рукопись — «стенограмма творческого процесса».

Почти все пушкинские тексты сегодня прочитаны, и находки здесь крайне редки. Было бы необыкновенной удачей найти неизвестный пушкинский автограф, прочитать новый текст великого поэта...

Это обращение С. Селиванова адресовала не только специалистам, но и библиофилам. О скольких новонайденных автографах виднейших писателей было рассказано в десяти выпусках «Альманаха библиофила»: Горький и Эйзенштейн, Маяковский и Есенин, Чехов и Шаляпин, Ахматова и Блок. И дело, конечно, не в формальном обнаружении автографа, а в умении рассказать о нем читателям, поведать историю, стоящую за ним, и, быть может, этим, совершить литературоведческое открытие.

Увлечение собиранием книг, говорилось на встрече,— дело серьезное и зачастую приобретающее большое общественное звучание. Вот почему «Альманах библиофила» регулярно публикует рассказы о крупнейших книжных собраниях. Можно вспомнить новеллы о библиотеках В. Лидина и Н. Смирнова-Сокольского, В. Шкловского и П. Проскурина, С. Наровчатова и А. Сидорова, повествования об уникальных собраниях прошлого. Мы знаем немало примеров того, как из частного собрания рождается музей. Правильно говорят, что от коллекции до музея — один шаг. Один из последних примеров у всех в памяти: музей Блока в Ленинграде был открыт на основе «Блокианы» московского инженера Н. П. Ильина, который четверть века собирал все о Блоке и которому бескорыстно помогали многие и многие любители книги и поэзии Блока. О судьбе Ильина и его коллекции также рассказывалось на страницах альманаха.

О чем только не писал альманах, чем только не привлекал своих читателей?! Большой резонанс вызвали статьи о том, как Николай Островский собирал личную библиотеку, и о судьбе Русской Тургеневской библиотеки в Париже, о журнале немецких библиофилов и о самой крупной в мире морской библиотеке ленинградца Я. Рабиновича. Познавательны были интервью с А. Тарковским и Т. Мавриной, размышления о книге народного артиста СССР И. Ильинского и профессора А. Маркушевича, В. Каверина, Е. Петряева, исследование доктора филологических наук Е. Немировского об Иване Федорове.

И прав был в своем выступлении член редколлегии альманаха поэт В. Я. Лазарев, сказавший о том, что и авторы и герои этого уникального издания несут в себе зерна истинной культуры. Культуры, идущей и от книги и от жизни. Недаром альманах стремится к тому, чтобы в публикациях проявлялась связь книжно-библиофильской культуры и знаний с любовью к нашей истории, к ее героическому прошлому, к ее первоистокам. Отсюда и демократический характер издания, его просветительская сущность.

И еще об одной немаловажной теме, пронизывающей все выпуски альманаха, говорилось на заседании клуба: известный художник, творец многих книжных знаков А. Калашников рассказал об оформлении книг, о значении экслибриса. Оказывается, в Бельгии существует музей экслибриса — вот какое значение придается этому атрибуту оформления книги. Экслибрис сближает библиофилов многих стран, ведь для обмена книжными знаками, как и марками, не существует границ. У нас в стране действуют прекрасные клубы экслибрисистов в Москве и Прибалтике. Советский экслибрис часто попадает в специальные западные журналы и наравне с книгой рассказывает о достижениях в области оформительства книжной продукции.

В этот вечер на заседании клуба «На огонек» вспомнили очень верные слова Александра Твардовского о том, что у нас народился высший тип читателя — читатель-собиратель. С другой стороны, не секрет, что у одних книги заполняют жизнь, у других — только книжные полки. Иногда, к сожалению, благородная страсть превращается в моду, в потребительское отношение к величайшему созданию человеческого гения. И прекрасно, что «Альманах библиофила» умело тонко пропагандирует вкус к избирательному приобретению печатной продукции, умению выбрать в безбрежном океане книг одну, единственно необходимую.

«Альманах библиофила», десятый выпуск. Это уже маленький юбилей, скромная, но важная дата. Путеводитель по книжной стране продолжает свое большое плавание.

На заседании клуба «На огонек» были исполнены песни, посвященные книгам и книжникам, написанные композитором Зубковым и поэтом В. Лазаревым.

Новые фильмы киностудии «Центрнаучфильм» «В гостях у Смирдина» и «Поэт и революция» были представлены режиссером Ю. Закревским и оператором Е. Потиевским.

Феликс МЕДВЕДЕВ

О ПРОЖИТОМ И ПЕРЕЖИТОМ

По строгому и простому арифметическому подсчету война в жизни Михаила Дудина заняла всего одну шестнадцатую часть. У жизни, однако, свои законы счета, она не поддается членению на дроби. Четыре вечности вместили в себя годы с сорок первого по сорок пятый и оставили выживших в неоплатном долгу перед теми, кому не суждено было вернуться с Невского пятачка, Вороньей горы, с безымянных высот и полей, из очереди за пайком на Ропшинской улице... Можно прожить еще шестнадцать долей, но неизбежный круг мысли приведет к сознанию:

Да, я солдат. Все шло через
меня:
Остуда века и его отрада,
Сияние рассветного огня
И пепел водородного распада.

Стихотворения Михаила Дудина, составившие книгу «Дерево для аиста», в большинстве своем написаны в последнее десятилетие — одно из уже четырех мирных. Но о чем бы ни писал поэт сегодня, опыт войны живет в каждой строке — то сравнением, то нервной напряженностью классического ямба и трудноуловимой цепью ассоциаций. Чаще всего М. Дудин впрямую говорит о войне, о боях, о товарищах своих, полегших на подступах к осажденному Ленинграду: здесь источник становления его самого как личности, как поэта, становления его мужественных свершений. И, видимо, не случаен в этой книге цикл «Забытая тетрадь», состоящий из стихов, написанных в блокадном Ленинграде. Это не только и не столько дань памяти, нет, те стихи написаны и живут всегда, с них все началось.

Каждая новая книга поэта — своего рода подведение итогов, где главный вопрос — не что достигнуто за минувшее время, а что произошло в душе самого поэта, где ясно очерчивается круг его мыслей, воссоздается общая атмосфера пережитых лет. А достижения — это уже следствия, и судить о них — дело читателя.

Многие стихотворения М. Дудина, вошедшие в «Дерево для аиста», публиковались раньше и в момент своего появления заставляли нас переживать те мысли, которые были заложены в них поэтом,— о прекрасной мелодии «Болеро» М. Равеля, роковым образом ставшей сигналом для атомной бомбежки Хиросимы, о русском языке с его «великой и бессмертной сутью», о сухом цветке татарника, привезенном из-под Гранады в память о родине Федерико Гарсиа Лорки,— и стихи эти надолго оставили след в нашей памяти.

И вот они собраны воедино. И ценны теперь не каждое само по себе, а все вместе, ибо теперь они составляют новое произведение — книгу. Переход зрелого поэта к мудрости совершается незаметно, особенно в творчестве лирика, верного традиционному классическому стиху и редко отступающего от своего круга тем. Прошло время разбрасывать камни — поражать ярким образом, неожиданным сравнением, пронзительным чувством, пришло время собирать камни — копить простые истины, обнажая скромным словом их бездонную глубину.

Живи, причастный к вечным
требам,
Дивись, как этот мир хорош.
Рифмуй, пока «под небом»
с «хлебом» —
Точнее рифмы не найдешь.

И для М. Дудина последнего десятилетия это отнюдь не декларация. Из его стихов уходят, как отжившие свой срок, слова и краски, бьющие в глаза, остаются немногие, обыкновенные, наливаясь, как яблоко к осени соком, смыслом,— хлеб, любовь, небо, имя... В одном из лучших стихотворений сборника, «Летели лебеди...», поэт и в самом деле рифмует "под небом" с «хлебом»:

Но ведь земля умрет без неба,
Как человек Земли — без хлеба
И без единожды-единой
Убитой песни лебединой.

Смолоду переживший много потерь, вступив в новую полосу утрат (ибо, говоря языком фронтовиков, «вновь бьет по нашим квадратам», один за другим уходят ровесники — однополчане, друзья-поэты), Дудин пристально вглядывается в судьбы прожитые, размышляет о предназначении человека на земле. «В мире нет ему замен»,— сказано не только об известном киноартисте, это о каждом, кто честно и достойно прожил отпущенный ему срок.

М. Дудин. Дерево для аиста. М., «Молодая гвардия», 1980, 352 с.

М. ХОЛМОГОРОВ

СЕМЕЙНЫЙ АВТОГРАФ НА РЕЙХСТАГЕ

В 1943 году в землянке под Новороссийском Леонид Ильич Брежнев вручил мне партийный билет.

Воевать я начал 24 июня 1941 года. Оборонял и освобождал Кавказ, в составе 18-й армии — Новороссийск. Освобождал Варшаву, участвовал в штурме Берлина.

Со мной служил и сын Леонид, вместе мы сражались за Севастополь. Вместе и расписались на рейхстаге.

После взятия рейхстага наступила тишина. И вот в ночь на 9 мая раздались залпы тысяч пушек, пулеметов, автоматов, винтовок, пистолетов. Мы, поднятые по тревоге — лучшей из всех тревог! — тоже приняли участие в салюте Победы. Все обнимались, целовались, в уцелевших кирхах звонили колокола.

Я рад, что у меня хорошая смена: сын — коммунист, внук — летчик, тоже коммунист, внучка — комсомолка, учится в мединституте, правнучке четыре года.

А. КАЛИНОВСКИЙ

Ялта.

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

УРАГАН

Вечером все пять боевых групп ушли на задание.

Оставшиеся в лагере с завистью смотрели им вслед. Среди них был и Николаев-младший. Грустно прошелся он вдоль опустевших землянок, направился к отцу.

Георгий Сергеевич, увидев сына, быстро свернул лежавшую на столе карту, вытащил хлеб, лук, вареную картошку, тихо сказал:

— Садись, Сережа, подкрепимся, а то я совсем с ног валюсь, да и ты, по всему видно, проголодался.

— Точно, я голодный, как волк,— отозвался Сергей, сбросив с себя кожаное пальто и шапку, с удовольствием сел за стол, очистил луковицу и картофелину, посыпал солью и стал с аппетитом есть.

Отец не сводил с него глаз, потом, улыбаясь, ласково сказал:

— Сынок, как ты возмужал! Вот бы мать на тебя посмотрела.

— Я действительно повзрослел, отец. Война учит. А мать вспоминаю постоянно. Доброту ее, ласку, заботливость. И почему это раньше как-то не замечалось?.. Слушай, отец, если ты считаешь меня взрослым человеком, так почему сейчас не послал на боевое задание? Ведь я как-никак, а три года на флоте прослужил, кое-какой военный опыт имею, а ты в последнее время больше используешь меня на побегушках да держишь в безопасном месте. Мне ведь стыдно — я такой же партизан, как и другие, и не хочу, чтоб меня считали папенькиным сыночком.

— Прав ты, Сережа, да только поделать с собой ничего не могу — ты ж у меня остался один, а я на старости тоже хочу, как и другие, нянчить внуков.

— Умный ты человек, отец, а рассуждаешь, как обыватель. Помнишь, как наш дедушка говорил: «Семи смертям не бывать, а одной не миновать»? Может, пуля и обойдет меня, я везучий, а уж если настигнет смерть, так сегодня умирают миллионы сыновей. Помню, мать мне в детстве читала замечательные стихи Христо Ботева. Он писал: «Кто отдал жизнь за свободу, тот не умирает». Так что с завтрашнего дня давай-ка думай, как меня лучше использовать в отряде на более активной, боевой работе, или отправляй на Большую землю, если я тебе здесь не нужен. Я там быстро вернусь на флот.

Георгий Сергеевич обхватил голову сына ладонями, внимательно посмотрел в глаза, увидел в них решительность, серьезно ответил:

— Спасибо, сынок, за честный разговор. На твоем счету много геройских дел. Просто я хотел дать тебе отдохнуть. Я и не заметил, как ты стал настоящим мужчиной. Характерец у тебя весь в деда.

— Деда я почти не помню. У меня твой характер, и в отряде говорят, что я похож на тебя, как две капли.

Георгий Сергеевич поцеловал сына в щеку и сказал:

— Убедил, убедил! Через несколько дней пошлю тебя на задание, но учти — очень рискованное.

— Думаю, что это как раз будет по мне.

Отец, не спуская с сына глаз, спросил:

— Ты протоколы допроса захваченного у Гнилого озера немецкого летчика читал?

— Ты что, забыл? Я тебе лично докладывал, что этого «аса» я задержал вместе с лесником. А что касается его показаний, то меня с ними никто не знакомил, не положено по штату.

— Завтра утром зайди к начальнику штаба и скажи, что я разрешил тебе ознакомиться с его показаниями. Обрати внимание на дислокацию немецких аэродромов на территории нашей области, особенно на те, к которым близко подходят лесные массивы.

— Как я понял, ты планируешь операцию, связанную с аэродромами? Но ты же знаешь, что капитан Афанасьев уже передал в Москву их координаты. Несколько дней назад два из них бомбила наша авиация. Возможно, скоро навестят и остальные, и потом учти — эти аэродромы сильно охраняются, так что, если просто атаковать, мы можем потерять много людей.

Николаев-старший, внимательно выслушав сына, сказал:

— Ты понял меня правильно. Я действительно мечтаю нанести удар по аэродрому, который расположен в пяти километрах от Высокиничей. Там базируются немецкие транспортные самолеты. Если бы ты, сынок, вместе с группой смельчаков разведал подходы к нему и изучил систему его охраны, я бы вам был очень благодарен.

— Спасибо, отец, за доверие. Я завтра подберу пять-шесть подходящих ребят, и вечером пойдем в разведку. Только я все же думаю, что для такой большой операции в нашем отряде штыков маловато.

— Мы должны воевать не числом, а умением, хотя, конечно, разумно рассчитывать свои силы.— И, посмотрев на сына, Георгий Сергеевич добавил: — У тебя очень усталый вид, пойди отдохни. Утро вечера мудренее, утром все и решим.

Когда сын взобрался на нары и через минуту раздался его могучий храп, Георгий Сергеевич убавил огонь в коптилке. В землянке стало полутемно. Он присел к столу, облокотился на него и задумался. Вспомнилось, как он, такой же молодой и сильный, как его сын Сергей, в 1920 году в составе Первой Конной армии Буденного громил войска барона Врангеля и банды Махно. Как его, тяжело раненного, подобрала, выходила, а потом стала его женой Оксана, украинка, «гарна дівчина».

Село, в котором проживала Оксана, вскоре было занято бандитами. Они беспощадно расправлялись с коммунистами и им сочувствующими. Оксана, рискуя жизнью, прятала красноармейца в подвале, на чердаке, в зарослях камыша. А когда он окреп, переодела в крестьянскую одежду, темной ночью вывела из села и связала с местными партизанами.

Георгий Сергеевич вернулся в Конную армию, забрав с собой и Оксану, когда с бандами Махно, Зеленого и Тютюнника было покончено. Он был назначен командиром пулеметного взвода, а Оксана — медсестрой. Потом из-за тяжелого ранения под Николаевом его списали по чистой.

Тяжело переживал тогда Георгий Сергеевич уход из Первой Конной, но приговор, вынесенный врачами, не подлежал обжалованию. Забрав Оксану и грудного Сережку, Николаев вернулся к себе домой, поступил на завод и стал работать слесарем.

Коммунисты завода избрали его парторгом. Через несколько лет по путевке обкома партии его и Оксану направили на учебу. После окончания политехнического института, а затем высшей партийной школы он снова вернулся в свой родной город, где вскоре был избран секретарем горкома партии, а Оксана, получив диплом врача, стала работать хирургом в городской больнице.

Первый удар войны обрушился на их город: фашистская авиация бомбила жилые дома, школы, заводы и склады.

Георгий Сергеевич сутками не приходил домой, эвакуировал на восток людей, станки, сырье, материальные ценности.

Больницу сразу преобразовали в госпиталь. Он до отказа был забит ранеными. Оксана буквально не выходила из операционной.

На пятый день войны фашистские самолеты, несмотря на опознавательные знаки Красного Креста, разбомбили госпиталь.

Пожарные и рабочие сбивали пламя, тушили огонь, вытаскивали из-под обломков изуродованные, обгорелые тела раненых. На второй день утром нашли и мертвую Оксану. Ее белый халат обгорел, был залит кровью, а большие голубые глаза открыты. Георгий Сергеевич увидел в них не испуг, а ненависть, жгучую ненависть к врагам.

Он склонился, бережно поднял ее на руки, отнес в больничный парк, положил на скамейку рядом с телами медсестер. Ее похоронили вместе с погибшим медицинским персоналом в братской могиле.

Через несколько дней фашисты ворвались в город. Завязались тяжелые бои. Силы были неравные. Ночью части Красной Армии отошли на восток, а Георгий Сергеевич по указанию обкома партии с коммунистами и оставшейся в живых небольшой группой пограничников ушел в лес партизанить.

Все эти картины проплывали сейчас перед его глазами. Он мысленно укорял себя в том, что в какой-то мере повинен в смерти жены: вовремя не эвакуировал ее на восток. Но тут же, вглядываясь в стоящую на столе фотографию Оксаны, думал, что она все равно никуда бы не уехала. Она всегда считала себя солдатом. Уйти из госпиталя, бросить раненых ради спасения своей жизни — это она посчитала бы предательством. Он просто не мог предложить ей этого...

Воспоминания неожиданно прервал Сергей. Чиркнув зажигалкой, он, взглянув на свои наручные часы, громко воскликнул:

— Отец, уже четыре часа! Ты почему не ложишься?

— Спи, сынок, спи, я тоже сейчас прилягу,— ответил Николаев-старший, пряча фотографию жены в бумажник.

Сергей подвинулся к стенке, лег на спину и снова захрапел. Отец улегся рядом, накрылся шинелью, долго ворочался с боку на бок, но уснуть до утра так и не смог.

Группа Железняка всю ночь двигалась на запад, обходя населенные пункты, делая только получасовые привалы для перекура. Утром

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—27.

группа подошла к деревне Струлинино, намереваясь обогнуть ее лесом. Из этой деревни, как было известно Железняку, происходил Иванов, человек пожилой, степенный, основательный.

В деревне у него осталась родня.

— Товарищ лейтенант,— переступая с ноги на ногу, обратился к Железняку Иванов.— Разрешите проведать семью, часика через два я вас догоню.

— Мы идем на выполнение особо важного задания, Никита Федорович, и я не имею права никого отпускать.

— Отпустите его, товарищ лейтенант. У него жена больная и сынишка в деревне, пусть проведает,— поддержали Иванова несколько партизан.

— Ладно. Но это — исключение. Учтите,— строго произнес лейтенант.— Пусть Егор пойдет с тобой, вдвоем надежней, только будьте осторожны, чтоб вас там фрицы или полицаи не зацапали. И вернуться не позднее чем через два часа. Мы будем ждать вас на 107-м километре в лесу, у водяной мельницы. Знаете, как туда пройти?

— Как не знать, до войны сам там неоднократно пшеницу молол,— отозвался Иванов. Вместе с Егором они сошли с лыжни, сняли с плеч рюкзаки, отдали их товарищам.

Железняк, увидев это, строго сказал:

— Рюкзаки возьмите с собой, консервы и сухари отдайте семье. Мы пайками поделимся, а они, небось, голодают.

Работая палками, Никита Федорович с Егором, неслышно скользя по снегу, обошли огородами несколько домов, подошли к двору Иванова, укрывшись за сараем, стали наблюдать за домом. Дверь дома отворилась, и с ведерком в руках вышел мальчишка лет десяти, без шапки и пальто, побежал к подвалу.

— Петька! Ишь как вырос,— тихо, радостным голосом проговорил Иванов.

Петька быстро спустился в подвал и через несколько минут выскочил, неся в ведерке картошку.

Петька оглянулся, но в это мгновение раздалась автоматная очередь. Мальчик взмахнул руками, выронил ведерко, падая, крикнул: «Мамка!» — и замертво упал на землю. Картошка покатилась в разные стороны.

Иванов рванулся к сыну, но Егор крепко схватил его сзади, едва удерживая и напрягая все силы.

— Погоди, снимем сначала фрица, а то перещелкает всех, как куропаток.— И он, пригибаясь, потянул за собой Иванова в обход сарая к улице, с которой неслась лающая немецкая речь. Они увидели несколько эсэсовцев, толпой бежавших к дому Иванова. В это же время из двери дома на крик Петьки и неожиданный, должно быть, выстрел выскочил седой косматый старик. Он бросился к мальчику, пытаясь взять его на руки, но почему-то никак не мог поднять это хрупкое, внезапно отяжелевшее тельце. Один из эсэсовцев дотянулся зажженным факелом до крыши, поднес к соломе, которой, должно быть, заткнули щель в кровле из камыша. Солома вспыхнула, следом занялась и крыша.

Укрываясь за забором, Егор с Ивановым открыли по немцам автоматный огонь. Двое, как подкошенные, упали в снег, остальные залегли и длинными очередями стали бить по забору. Партизаны, перебегая от дома к сараю, от сарая к курятнику, вели по фашистам прицельный огонь.

Пожар перекинулся с дома Иванова на соседний дом, вверх поползли зловещие столбы дыма. Перестрелка продолжалась.

Увидев поднимающиеся над деревней клубы дыма, лейтенант все понял. Он выдвинул группу к кромке леса, который полукольцом окружал деревню. Поднялся на штабеля распиленных бревен и посмотрел в бинокль. Горело полсела. Слышались душераздирающие крики, плач, немецкая ругань, длинные и короткие автоматные очереди, разрывы гранат.

Сомнения его заняли пять минут: в соответствии с приказом группа должна была обойти деревню, но, видя, как партизаны крепко сжимают оружие, с какой болью глядят на расправу с жителями, Железняк приказал:

— В атаку!

Партизаны сорвались с мест, перерезая немцам пути отхода. Крики «Ура!», треск автоматных очередей потрясли воздух. Эсэсовцы бросились бежать к дороге, но были встречены пулеметным огнем.

Тогда немцы повернули назад, в деревню, и засели в двух каменных домах. Когда в окна одного из домов полетели гранаты, из другого, трясясь, как в лихорадке, вышли с поднятыми руками оберштурмфюрер СС с двумя эсэсовцами. Оберштурмфюрер, заискивающе улыбаясь, на ломаном русском проговорил:

— Господин офицер, я ранен рука, отправьте меня госпиталь, я сам сдался.

Железняка окружили покрытые гарью, заплаканные женщины, старики, дети. Они наперебой рассказывали о зверствах эсэсовцев, которые решили уничтожить их всех и сжечь село за связь с партизанами.

— Люди добрые! Этот бандит убил моего внука и деда! Что вы на него, гада, смотрите, убейте его! — протиснулась вперед бабка и схватила оберштурмфюрера за полу шинели.

Несколько женщин и стариков тоже бросились к нему. Одна вцепилась ему в лицо, старик палкой ударил эсэсовца по плечу. Перепуганный немец бормотал:

— Я зольдат, я выполняйт приказ.

Но к нему по-прежнему тянулись руки разъяренных людей.

— Тихо! Прекратить самосуд! Мы сами во всем разберемся! — выкрикнул лейтенант.

Женщины и старики стихли, ждали решения лейтенанта. Железняк подозвал к себе Оганесяна и Сергеева, сказал:

— Быстрее уводите немцев в лес, там допросим и отправим в отряд.

Оганесян клацнул затвором, ткнул дулом автомата в спину оберштурмфюрера: «Руки назад, шагом марш!» — Тот понял без перевода.

— Ну-с, подведем итоги,— сказал Железняк, тяжело опускаясь на обгоревшее бревно.

Гончар, бывший инструктор горкома партии, а в группе заместитель Железняка, доложил:

— По произведенным нами подсчетам, эсэсовцы всего уничтожили в деревне более 200 жителей. В бою с немцами пали смертью храбрых коммунисты-партизаны Никита Иванов и Егор Семушкин. Нами уничтожена рота немецких карателей.

На площади в центре села хоронили погибших, партизан и деревенских, в одной могиле. Обнажив головы, дали из автоматов и карабинов троекратный салют. Быстро собрали трофейное оружие и ушли в лес. Вслед за партизанами, погрузив свой нехитрый скарб и детишек на сани, запрягли в них исхудавших лошаденок и коров, двинулись в лес и местные жители.

Утром лейтенант Железняк пополнил свою группу за счет добровольцев из села Струлинино, распрощался с заместителем и, встав на лыжи, со своей группой устремился вперед по заданному маршруту.

Гончар же двинулся во главе обоза местных жителей, забрав пленных немцев, на базу отряда.

Командир второй боевой группы Михаил Андреевич Костиков вывел свою группу к узловой станции на рассвете через двое суток. Он укрыл ее в цехах разрушенного цементного завода. Весь день часть партизан вела наблюдение за движением воинских эшелонов, изучала систему охраны станции, подходы к депо, другая часть пока отдыхала в подвальном помещении.

Когда стемнело, Костиков подозвал к себе одетых в форму железнодорожников отца и сына Голубевых и сказал:

— Вы, если мне не изменяет память, до войны работали путевыми обходчиками. Вам, как говорится, и карты в руки. Возьмите приготовленный инструмент, магнитные мины и двигайтесь к железнодорожному полотну на 94-й километр. Там поезда, идущие на подъеме, сбавляют скорость. У 98-го километра подъем кончается и начинается крутой спуск. То справа, то слева от дороги тянутся скалистые пропасти. Ваша задача: постараться пристроиться на 94-м километре к немецкому эшелону и, когда он взойдет на подъем, прикрепить к нему мины. Ну и, конечно, спрыгнуть на землю. После взрыва возвращайтесь в лес и ждите нас у Кривой балки. Задание понятно?

— Михаил Андреевич, нам все понятно. Но вы же знаете, что эшелоны охраняются,— ответил старший Голубев.

— Степан! Это мне все известно, но ночи теперь темные, а вдоль дороги тянутся густые кустарники. Если все основательно продумать да сделать половчее, то я убежден, что получится,— ответил командир.

Стоявший сзади Степана его сын Николай тихо проговорил:

— Отец, что ты переговариваешься с начальством, попробуем.

Степан почесал в затылке, подумал.

— Мы согласны, Михаил Андреевич. Когда прикажете идти?

Костиков взглянул на часы:

— В девять вечера.

— Вас понял,— проговорил Степан и пошел с сыном получать у подрывника магнитные мины, инструмент, менять карабины на трофейные автоматы.

В темноте идти было трудно. Время от времени они натыкались на камни, обломки неизвестно как попавшего сюда железа или спотыкались о выбоины. Это злило Степана. Он тихо чертыхался, держа автомат наизготовку. За ним в промокших сапогах шагал Николай. Время от времени Степан останавливался, осматривался вокруг, вслушиваясь в шорохи, и, убедившись, что все в порядке, продолжал путь.

Обойдя глубокий овраг, они, осторожно раздвигая колючий кустарник, вышли к железнодорожному полотну у 94-го километра. Николай поднялся на насыпь, прилег, приложил ухо к рельсу, прислушался. Вокруг стояла мертвая тишина. Только набегавший со стороны оврага северный ветерок холодил щеки, забирался под воротник шинели. Отец взглянул на часы. Светящиеся стрелки показывали 23.30. Николай встал, и они, выбрав удобное местечко, где начинался подъем, залегли и стали ждать.

Скоро послышался стук колес, а вслед за этим из-за поворота появился и поезд. Машинист, сбавляя скорость, мощным прожектором освещал путь, высовывал голову из кабины, осматривался. К паровозу была прицеплена платформа, обложенная мешками с песком. Укрывшись за ними, ощетинившись по сторонам стволами пулеметов и автоматов, внимательно вглядывались в темноту немецкие солдаты. За платформой тянулись закрытые наглухо грузовые вагоны.

Паровоз сбросил скорость, пыхтя и выпуская в морозный воздух клубы серого дыма, стал медленно взбираться на подъем.

— Пошли,— прошептал Николай и, привстав, опираясь руками о комья замерзшей земли, напрягся, готовясь к перебежке.

— Погоди,— тихо, но строго проговорил отец и крепкой рукой прижал сына к земле.

В это время из-за поворота показался второй эшелон. Он медленно выползал из леса. В отличие от первого к его паровозу был прямо прицеплен почтовый вагон, за ним тянулись классные вагоны с задрапированными окнами.

— Сынок! Берем этот! — сказал Степан, и как только паровоз поравнялся с ними, они рванулись к нему. Николай прыгнул на ступеньки паровоза, и, держась правой рукой за поручни лесенки, прижался к нему всем телом, а левую подал отцу. Степан было ухватился за нее, но, обо что-то споткнувшись, повис в воздухе, сорвался и упал на насыпь. Стал подниматься, опять что-то не рассчитал — ступеньки пробегавшего вагона ударили его по голове. Степан рухнул на землю.

Николай растерялся — с отцом явно неладно, но время идет, можно опоздать, не успеть сделать дело. Крепко сжав зубы от волнения, он вжался в паровоз — теперь его не должны заметить. Машинист приоткрыл окно и высунул голову наружу, но, к счастью, смотрел вперед на рельсы. Довольно отчетливо Николай услышал немецкую речь, а когда машинист высовывал наружу голову, до него даже доносился запах табака. Николай затаил дыхание, замер.

Наконец эшелон одолел подъем и, стуча колесами, стал набирать скорость. Вдоль дороги потянулись глубокие скалистые обрывы, местами поросшие лесом или кустарником.

«Пора!» — подумал Николай.

Он ловко вытащил из свисавшей через плечо противогазной сумки магнитные мины, поставил на двухминутный завод и, изогнувшись, прилепил их одну за другой к паровозу. Машинист, должно быть, услыхал шорох, снова выглянул в окно и, увидев стоящего на ступеньках Николая, что-то громко выкрикнул.

Николай сорвал кольцо с «лимонки» и бросил ее в открытое окно, одновременно спрыгивая с паровоза. Он больно ударился о землю, но в ту же минуту впереди раздались оглушающие взрывы. Паровоз стал как вкопанный. На него, натыкаясь один на другой, полезли вагоны, скатываясь под откос.

Николай, пригибаясь к земле, приволакивая сильно ушибленную правую ногу, что есть силы побежал назад, туда, где упал отец. Обернувшись, он увидел поднимавшееся у железнодорожной насыпи пламя...

Отец лежал в луже крови. Николай склонился над ним, попытался нащупать пульс, но отец был мертв. Взвалив его тело на плечи, Николай медленно спустился с насыпи и направился к лесу.

Военный комендант узловой железнодорожной станции Кастырочная штурмбанфюрер СС Редер, узнав от начальника поста на разъезде Серебряная падь, что на 98-м километре в районе Орлиной горы потерпел крушение военный эшелон с ехавшими на фронт танкистами, поднял по тревоге роту войск СС и на бронетранспортерах выбросил ее в район катастрофы. Одновременно перевел часть солдат, охранявших станцию Кастырочная, на усиление охраны железнодорожных мостов.

Все это стало известно через своих людей Костикову, начальнику второй боевой группы. Связь с ними он держал постоянно. Быстро оценив сложившуюся обстановку, он принял решение действовать. Расчет был точен — следовало ударить по депо, учитывая, что разгромить всю станцию группе не хватит сил. По докладу разведчиков, в депо в настоящий момент скопилось 29 паровозов и 20 танков, которые ремонтируются. Задача была ясна: под покровом ночи на лыжах незамеченными подойти со стороны цементного завода к депо, без шума снять часовых, ворваться в него, заминировать паровозы, танки, здание, взорвать их и к утру отойти в лес. Двум пулеметчикам — заблокировать дорогу, идущую от станции Кастырочная к депо, чтоб не только эсэсовцы — муха не пролетела.

Костиков внимательно оглядел сидевших в подвале партизан и объявил:

— Выходить на задание будем в два часа. Вопросы есть?

— Какие вопросы, Михаил Андреевич, взрывать депо, и баста!

— Тогда готовьтесь, ребята.

В то же время лейтенант Железняк со своей боевой группой стоял в лесу в нескольких километрах от арочного моста. Он обосновался в заброшенных землянках плодово-ягодного кооператива. Летом в них до войны жили люди, которые собирали грибы, ягоды и отправляли на переработку на небольшой завод, расположенный в райцентре. Зимой здесь обогревались охотники, промышлявшие кабана, лося и оленя. В начале войны поселок опустел — одних призвали в армию, другие ушли в партизаны, многие семьи эвакуировались на восток. Остались лишь старики, дети да женщины. Когда в эти места пришли немцы, несмотря на выдавшийся в этом году большой урожай грибов, земляники, черники, брусники, орехов и других царских даров природы, в лес никто не ходил. Все это поспевало и пропадало на корню. Землянки тоже разрушались. Группа Железняка быстро привела их в порядок, замаскировала снегом, сухостоем, сосновыми ветками — словом, устроилась неплохо.

Из близких укрытий партизаны вели круглосуточное наблюдение за мостом и местом дислокации немецких солдат и полицейских. Они установили, что через мост на восток ежедневно проходит до тридцати немецких эшелонов с техникой и войсками, а на запад — до пятнадцати с ранеными, награбленным имуществом и советскими людьми, насильно увозимыми на работу в Германию.

Данные, добытые партизанской разведкой ранее, полностью подтвердились. Действительно, все подходы к мосту со стороны леса были загорожены высокими заборами из колючей проволоки и заминированы. Оставался открытым один подход, со стороны реки. Но, учитывая, что она едва покрылась тонким льдом, об использовании его не могло быть пока и речи.

Днем мост охранялся двумя парными нарядами. Один немец и полицейский, вооруженные автоматами, стояли на посту, прикрывая вход на мост с западной стороны, такой же наряд находился у выхода с моста на востоке.

Ночью охрана усиливалась еще двумя парными нарядами. Немецкие солдаты, вооруженные ручными пулеметами, выходили на середину моста и с помощью специально установленных на перилах небольших прожекторов наблюдали за руслом реки, время от времени пуская короткие пулеметные очереди в темноту леса. В пятистах метрах от моста, в бывшем доме рыбколхоза, жили немецкие солдаты. В приспособленном под жилье сарае стояли полицейские, вместе с немцами охранявшие мост.

Днем к дому, в котором жили солдаты, под охраной двух полицейских приводили около тридцати измученных военнопленных. На расстоянии метров пятидесяти их заставляли рыть вокруг дома окопы полного профиля, обкладывать тесом, строить блиндажи, устанавливать на них сверху бронеколпаки для пулеметных гнезд, тщательно прикрывали их маскировочными сетками. Инструмент для работы они привозили с собой на четырех деревянных тачках. Вечером полицейские отводили пленных в лагерь, который размещался в каменном двухэтажном здании бывшей средней школы, огороженной со всех сторон колючей проволокой.

На четвертые сутки днем по мосту проехала большая дрезина, на которой полицейские везли себе муку и боеприпасы. Разгрузившись на восточной стороне моста, дрезина вернулась обратно.

Посоветовавшись с коммунистами, лейтенант Железняк принял смелое решение. Он

Г. Тоидзе. Род. 1932. ИНГУРИ ГЭС. 1980.

Е. Рябинский. Род. 1925. ВЕСНА. Фрагмент. 1979.

разделил группу на две подгруппы. Первая под командой старого опытного партизана Кириллина сделала из досок настил и ночью по тонкому льду переправилась через реку, вышла к грунтовой дороге. Там она залегла в кустарнике и стала ждать. Когда мимо них полицейские вели из лагеря на работу к мосту военнопленных, группа внезапно напала на них, разоружила полицейских, а освобожденных военнопленных повела к себе на базу.

Двое партизан — Кириллин и Мишин — переоделись в форму полицейских, забрали их пропуска и оружие.

Партизаны, не теряя времени, погрузили на тачки ручные пулеметы, диски с патронами, гранаты и прикрыли их сверху старой замасленной одеждой. Автоматы спрятали под верхней одеждой, построились в колонну и под охраной новоявленных «полицаев» двинулись к мосту.

Немецкий часовой, стоявший у шлагбаума, не спросил пароля, поднял шлагбаум, пропустил их. Они быстро заняли два окопа и бункера, блокировали дом и сарай, в которых жили немецкая охрана и полицаи. Создавая видимость работы, партизаны поджидали появления в районе моста своего лейтенанта.

Железняк налетел внезапно, перебил немецкую охрану, захватил десятый железнодорожный разъезд, вывел из строя стрелки, селекторную связь, забрал немецкое обмундирование, быстро переодел в него всех своих партизан, посадил на дрезину и на предельной скорости погнал ее к арочному мосту.

У въезда на мост немецкие часовые попытались остановить их, но партизаны короткими очередями сразу сняли оба поста, выскочили из дрезины и бросились готовить мост к взрыву.

Услыхав выстрелы, из дома и сарая стали выбегать немецкие солдаты и полицейские. Партизаны подгруппы Кириллина встретили их почти в упор пулеметным и автоматным огнем. Немцы отступили к дому, спешно скрываясь в его толстых стенах, отвечая на плотный огонь партизан прицельными выстрелами.

Но оправились немцы довольно быстро, и на партизан обрушился огневой ливень. Кириллин выхватил из-за пояса гранату. Прижимаясь к земле, быстро по-пластунски пополз к дому. За ним — еще несколько. Остальные перенесли огонь на окна и чердаки. Немцы, меняя позиции, ослабили огонь.

Воспользовавшись этим, Костиков и двое из тех, что ползли за ним, быстро поднялись и бросились к дому. Плотно прижавшись к стене, они закинули в дверь несколько гранат. Раздались взрывы, из выбитых взрывной волной окон повалил густой черный дым, и стрельба из дома прекратилась.

Костиков с товарищами обежал дом с тыльной стороны, заглянул в окно — немцев там уже не было. Видно, через потайной ход, который вел из подвала в сарай к полицейским, они отошли, перегруппировавшись вместе с полицейскими. Партизаны ворвались в дом, втащили пулемет. Теперь немцы, словно поменявшись с партизанами местами, пошли на них врукопашную.

Ряды партизан стремительно редели, Кириллин, Мишин были убиты, многие ранены, но неравный бой не стихал. Пулеметчик, пристроившись у окна, отбивал первую атаку. Несколько немцев прорвались в дом, но были оглушены прикладами и задушены.

Оберштурмфюреру стало ясно, что партизан в живых осталось мало, он приказал вести концентрированный прицельный огонь. Пулеметная точка партизан была подавлена. Оставалось отбиваться короткими автоматными очередями, гранатами, но и те уже были на исходе. Положение партизан становилось критическим.

Немцы уже торжествовали победу, нахально выкрикивали: «Рус, сдавайся! Мы будем сохраняйт жизнь!»

Партизаны отвечали им редкими выстрелами.

В это время, сотрясая воздух, раздался оглушительный взрыв. Фермы ажурного моста вздрогнули, вздыбились и, разламываясь, рухнули в реку, поднимая фонтаны воды и куски битого льда. В ту же минуту по немцам дружно ударили из автоматов и пулеметов. На подмогу шла вторая подгруппа Железняка.

Продолжение следует.

ДОСТОЙНО ПАМЯТИ

ТВ

Фильм «Блокада» по роману А. Чаковского уже демонстрировался по телевидению. Но идут письма с просьбой повторить показ. И вот вновь с экрана телевизора доносится до нас стон голодного, замерзающего города, грохот пушек, рев танков и отчаянное «ура» бегущих в атаку солдат. Сколько бы фильмов я ни смотрела о войне, привыкнуть к ним невозможно. Каждый раз они возвращают нас, переживших ее, в те страшные годы... Смотришь и невольно ужасаешься тому, как мы смогли это пережить. Откуда хватило сил блокадному Ленинграду выдержать столько дней ада?

Кадр из фильма.

Фильм «Блокада» отвечает на вопрос. Отвечает, что по-другому быть не могло. Всему актерскому ансамблю удалось выразить настроение людей тех трагических лет: им веришь с первого их появления. Тема войны до сих пор проникнута болью, и прикоснуться к ней свято для всех. Отсюда полное слияние на экране игровых и документальных кадров.

Скорбная очередь за 125 граммами блокадного хлеба — хроника, а «Дорога жизни» — постановочная «натура». Но они неотличимы. И крик гибнущего шофера: «Там хлеб!» — холодит сердце.

Вспоминать войну тяжело. Больно. На экране проходит жизнь нашего поколения. Мы потеряли отцов, матерей, друзей. Когда видишь страшную трагедию выстоявшего, несмотря ни на что, Ленинграда, в сердце снова входит гордость за своих современников.

Фильм «Блокада» именно об этом — о беспримерном мужестве, о светлой любви к Отчизне, за которую отдано столько жизней.

Р. ЛИХАЧ

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

ВЫ СДЕЛАЛИ ЗАКАЗ

Статья начальника Главторга Мосгорисполкома Н. П. Трегубова «Вы сделали заказ» («Огонек № 13 с. г.) подняла вопросы, интересующие всех. Говоря о развитии такой удобной для покупателя формы торговли, как предварительные заказы, публикация вместе с тем ставила проблемы; одну из них следует выделить особо. Речь идет о недостаточном количестве расфасованных промышленностью изделий и, как следствие этого, о необходимости фасовать продукты непосредственно в магазинах.

«Считаем, что вопросы упаковки, тары, оборудования и инвентаря очень важны для дальнейшего развития самообслуживания и такой прогрессивной формы торговли, как предварительные заказы»,— отмечают в своем письме в редакцию руководители столичного универсама № 28. «Пора приступить к выпуску специальной упаковки (пакеты, коробки, корзины) для укладки заказа»,— пишет в редакцию директор универсама № 3 З. Соловьева. Анализируя пути дальнейшего расширения заказов, директор гастронома № 2 С. Нониев, секретарь парторганизации К. Краснопольская и председатель месткома Н. Астафьева сообщают, что вопросы обстоятельно обсуждены в коллективе этого магазина. Какие проблемы выявлены? Да все те же: инвентарь, оборудование, упаковка. И малотоннажный транспорт для доставки заказов инвалидам и престарелым. «Отсутствует элементарная механизация фасовки,—пишут авторы письма,— нет машин для нарезки и упаковки». Труд фасовщиц тяжел; на помощь должны прийти машины и механизмы. Решение этого вопроса зависит от Министерства машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов. А вот заботу о пленке, бумаге, шпагате, о коробках и транспорте следует адресовать органам Госснаба СССР, от которых редакция надеется получить ответ как на статью «Вы сделали заказ», так и на публикуемые сегодня отклики.

Пришло в редакцию еще одно письмо, от директора райпищеторга Дзержинского района столицы В. Левтонова. Он сообщает, что критика в адрес торга «правильна и своевременна». Торгом намечены конкретные мероприятия по оборудованию новых отделов заказов в магазинах и на промышленных предприятиях. Вопрос об организации отдела заказов в магазине № 74 обсужден и решен.

ПОДРЯД—ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЕ

См. стр. 8.

ды, если нет интереса материального? Нужно оценивать не рабочую силу через тарифную систему, а продукт, который создает бригада. При одинаковой стоимости продукта лучше работающая бригада заработает больше. На XXVI съезде партии было прямо сказано: платить не за выход на работу, а за реальные результаты. В подрядных бригадах мы этого не имеем, ни Госкомтруд, ни Госплан, ни Минфин в эти тонкости не вникают. До тех пор, пока самому коллективу не будут планировать фонд зарплаты, он не станет его хозяином, не сможет распределять заработанные деньги в соответствии со вкладом каждого, не будет заинтересованности в лучшей работе, не будет совершенствования хозяйственного механизма.

ВЕДУЩИЙ. Последний вопрос — «Положение» о подрядной бригаде, утвержденное представленными здесь организациями несколько лет назад. Читатели пишут, что оно стало «оковами» для бригады. В нем нет статуса совета бригады. Правда, вышел недавно проект совета бригады. Спорным в нем является утверждение, что председателем совета должен быть сам бригадир. Ни слова не говорится в «Положении» о сквозном и поточном, массовом, с участием всех исполнителей и непрерывном подряде. Недостаточно четко и ясно изложено определение расчетной стоимости. Так ли ведется учет количества бригад?

Г. МИРОНОВ, сотрудник НИПИЭСУнефтегазстроя, Москва. Общая беда бригады — вынужденные простои, не зависящие от рабочих. Тут и плохие проектные расчеты, и перебои со снабжением, и отсутствие координации работ. Это все вопросы, которые обязана решать администрация. Решать и нести за них ответственность. Об этом не говорилось ни в первом «Положении» о подрядной бригаде, ни в последнем варианте. В сущности, мало что в нем изменилось, хотя подряд ушел далеко вперед. «Положение» ставит размер вознаграждения рабочих в зависимость не от прямых результатов выполненного, а от экономии расчетной стоимости, а в нее включены затраты, которые никак не зависят от бригады. Это насчет того, что экономика — наука строгая. Экономисты тоже должны придерживаться этой строгости.

Р. ЛУЦ. Хочу дополнить. В первом пункте «Положения» сказано, что подряд предусматривает расширение участия бригады в управлении производством. Но как это понимать, рабочие не знают. Подрядную бригаду в любое время могут перебросить на другую работу, особенно в дни «штурма». В первом пункте надо конкретно указать права и обязанности подрядного коллектива. Об отчетности. Тут назывались цифры: 50—60 процентов бригад работает на подряде. Сомнительно! По Череповцу за весь год был сдан досрочно один дом! То есть не выполнена первая заповедь подряда — досрочный своевременный ввод объекта в строй действующих. Какой же тогда это подряд? От расчетной стоимости — это просили передать бригадиры и прорабы Череповца — надо избавиться. Экономия от нее вне пределов видимости.

А. ЖАРКОВ, бригадир слесарей-монтажников «Союзмонтажлегмаша», Московская область. Мы монтируем техническое оборудование производственных корпусов, наша бригада последняя перед сдачей объекта. Мы не можем заключать договор ни на пять лет, ни на год. У нас краткосрочные договоры в зависимости от характера оборудования и объемов производства, которое будет. Планировать надо работу нам так, чтоб между договорами не появлялись интервалы — это самое главное! Так что в новом «Положении» нужно это учесть.

Г. ЗОРИН. Я тоже монтажник, но другого типа. Хочу рассказать о сквозном подряде. В «Положении» о нем ни слова не говорится. В 1980 году мы заключили договор на работы по всей цепочке. Его подписали завод-изготовитель металлоконструкций, заказчик и наши главные «генералы» — субстроители. Надо было построить энергоэстакаду. Тут все виды работ: земля, бетон, металлоконструкции, арматура, трубы. Сократили сроки работ на два с половиной месяца против тех, которые были записаны в договоре. Принята была эстакада с оценкой «отлично». С тех пор сквозной подряд пробил себе дорогу в Кузбассе, по этому принципу трудятся уже многие коллективы. Однако графики по производству работ не всегда были увязаны с графиками по отправке материалов и изделий. Все это надо учесть в новом «Положении». О сквозном подряде целая глава нужна. Требуется тщательная доработка и по разделу материального стимулирования. В частности, надо предусмотреть возможность стимулирования из общего премиального фонда. Очень напряженная была работа у инженерно-технического персонала, а оплата их труда всегда на одном уровне — оклад, и он намного ниже наших заработков. Надо пересмотреть это. Здесь говорилось о технико-экономических показателях, об экономии. Строителю можно сэкономить пиломатериалы, цемент, гвозди... А что экономить нам, монтажникам? За сохранность железобетона платят, за металлоконструкции—ни копейки. А ведь их надо аккуратненько перевозить, чтоб не сломать, не покалечить... Обратите и на это внимание.

П. СОЛОМАТИН, начальник управления Минпромстроя СССР. Даже в переведенных на подряд бригадах в расчете на одного рабочего сумма премий невелика, особенно за расчетную стоимость. Надо попытаться изыскать возможность увеличения премий за экономию, полученную бригадой. Тогда мы могли бы в какой-то мере решить вопрос о повышении стимулирования труда работников СМУ и треста и записать это в «Положении». Надо пересмотреть и размер вознаграждения бригадиру за руководство подрядной бригадой — повысить его, скажем, до 50—60 рублей. На многих наших стройках авансовая премия за выполнение аккордного задания уже выплачивается каждый месяц, и надо это узаконить.

Много было высказываний по поводу расчетной стоимости. Действительно, подготовить ее для каждой подрядной бригады сложно и долго. Мы дали свои предложения в Госстрой СССР по упрощению расчетов.

И. ДЕМИН. Чтоб не повторять ошибок, содержащихся в «Положении», есть смысл создать Совет для отработки и редактирования нового текста «Положения» в составе практиков и специалистов при Госстрое СССР. Это просто необходимо.

А. СУСАНОВ, ВНИПИтруда в строительстве. Маленькая справка. Работа по подготовке уточненного «Положения» поручена нашему институту. Мы свои предложения разослали министерствам, ведомствам и ЦК профсоюзов для рассмотрения.

И. ШУПА-ДУБРОВА. Не уточнение «Положения» нужно, а разработанное заново! Когда оно будет?

В. ИВАНОВ, Госстрой СССР. В 1981 году. Я думаю, что не нужно создавать Совет при Госстрое. Это лучше сделать при ЦК профсоюза. Нужно создать под руководством товарища Серикова такую группу из передовиков труда, знатоков дела, экономистов, плановиков, которая бы имела связь с бригадирами и держала бы руку на пульсе. А мы с Госкомтрудом — связующая инстанция. Если появится желание, готовы обсуждать вопросы вместе. Кроме того, любой проект всегда рассылается из Госстроя в министерства, а министерства могут и в бригады, если вопрос стоит так остро. Экземпляров сто — сто пятьдесят можно направить в передовые бригады. Тут работает съемочная группа Центрального телевидения, все пойдет на экран. Будут письма.

И. ЛАНШИН, председатель ЦК профсоюза рабочих строительства и промышленности строительных материалов. Бригадный подряд распространяется повсеместно. Но, безусловно, здесь имеются определенные трудности. ЦК профсоюза вместе с министерствами, с общественностью ставили многие вопросы, о которых шла сегодня речь. Была введена — это досталось непросто — отчетность по внедрению бригадного подряда, но, видимо, уже надо менять ее характер. «Положение» по бригадному подряду несколько раз перерабатывалось, это сложный документ. Конечно, он не удовлетворяет рабочих и бригадиров, и над ним надо очень тщательно потрудиться, чтобы сделать его доходчивым для каждого и учесть те предложения, которые были здесь высказаны. Мы предложим нашим республиканским, краевым, областным комитетам профсоюза совместно с хозяйственными руководителями и передовыми бригадирами хозрасчетных коллективов организовать обсуждение. Я думаю, что создание совета на общественных началах в принципе приемлемо. Надо, чтобы в совет вошел Госстрой, Госкомтруд, профсоюз. На общественных началах решаться ничего не будет... Это должны решать государственные органы.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Жизнь показала: единичная, даже самая прекрасная подрядная бригада погоды не делает. Сегодня низовой хозрасчет перестраивается на сквозной поточный подряд; все больше становится управлений, трестов, комбинатов, целиком состоящих из укрупненных подрядных коллективов.

И глубоко ошибаются те руководители строек, которые все еще не верят в подряд. Тогда происходят беды, о которых рассказывал бригадир «Камгэсэнергостроя» В. Плюхин, дискредитируется самая суть подряда. Примечательно, что в Набережных Челнах хозрасчетными бригадами в прошлом году было выполнено 30,5 процента общего объема работ (примерно столько же и на другой стройке Минэнерго, в Волгодонске), в то время как по стране — 38 процентов. Причем из этих же самых тридцати с половиной процентов только шестнадцать падают на промышленное строительство — в три с половиной раза меньше, чем на жилищное.

Руководители иных строек и ведомств любят посетовать на нехватку рабочих, на текучесть кадров, забывая о том, что именно подряд приучает с меньшим числом людей творить большее. Не случайно в выступлениях — и в тех, что были опубликованы в «Огоньке» раньше, и за сегодняшним «круглым столом» — строители говорили, что хозрасчет имеет большое социальное, моральное значение. Он сплачивает коллектив, создает нетерпимое отношение к нарушителям дисциплины и летунам и тем самым повышает стабильность кадров, воспитывает коммунистическое отношение к труду.

Если укрупненной бригаде, бригаде-участку, как воздух, необходима загрузка на длительный срок, непрерывное планирование на перспективу (о том, как это обеспечивается, было рассказано мурманскими специалистами), то для сквозного поточного подряда этот план должен учабыть максимально четко рассчитан по месяцам. В сквозном потоке участвуют бригады разного профиля по всей технологической цепочке, — о нем рассказывал Герой Социалистического Труда Г. Зорин. Но вот что вызывает удивление: никто из представителей ведомств, присутствовавших за «круглым столом», не остановился на специфических проблемах сквозного поточного подряда — этой высшей форме низового хозрасчета. Госстрою СССР и Госснабу СССР следует обратить особое внимание на объекты, сооружаемые по этому принципу. Тут и планирование и снабжение на поток. Нужны новые инструктивно-нормативные документы. Опыт есть, он ждет обобщения. Особую важность приобретает равномерное распределение ввода объектов по кварталам и сбалансированность поставок.

О роли ИТР в бригадном подряде. Выступавшие справедливо отмечали большую роль плановиков, технологов, экономистов в подготовке, расчете подряда. Премия бригаде — значит премия и инженерно-техническим работникам — так вопрос поставили сами бригадиры. Можно надеяться, что Госстрой СССР и Госкомтруд СССР глубоко вникнут в эту проблему, серьезно сдерживающую развитие подряда.

О расчетной стоимости. Дело в том, что для скрупулезно полного ее определения применительно к каждой бригаде надо просчитать сотни, тысячи позиций, что практически невозможно. Имеет смысл изучить опыт Минпромстроя и экономистов Главмурманскстроя, применивших простейшие схемы расчета.

Многое зависит от того, каким будет «Положение» о подрядной бригаде на строительстве: организация и подготовка непрерывного подряда и особенно сквозного поточного, участие бригад в управлении, их права и даже статистический учет. Да и как его вести? В прошлой пятилетке, например, только из-за плохой материально-технической обеспеченности более трети договоров были не выполнены. Не правильнее ли будет учитывать не количество бригад, а количество полностью завершенных договоров?

Поступило предложение создать совет из специалистов и практиков по участию в подготовке нового «Положения». К сожалению, положительного решения этот вопрос не получил.

Зеленые огни бригадному подряду были зажжены на XXIV съезде КПСС. Высокая оценка ему дана на XXVI съезде партии. Совершенствование низового хозрасчета — актуальнейшая задача. Успешное ее выполнение будет способствовать достижению наиболее высоких конечных народнохозяйственных результатов, экономии ресурсов.

ПО СЧЕТУ СОВЕСТИ

Марина ДМИТРИЕВА

Гастроли Свердловского академического театра драмы в Москве еще раз наглядно подтвердили, что главным в работе любого сценического коллектива являются репертуар, его идейно-эстетическая направленность, художественная целостность, близость поставленных в нем проблем к нашему нынешнему дню.

Свердловчане включили в свою гастрольную афишу семь названий. Из классики — «Плоды просвещения» Л. Толстого и «Нора» Г. Ибсена, а также «Дикарь» А. Касоны. Современная драматургия представлена пьесами «Революционный этюд» («Синие кони на красной траве») М. Шатрова, «Конец недели» Г. Бокарева, «Ненависть» А. Шайкевича. Настоящий подарок сделал театр юным зрителям, показав на столичной сцене «Остров сокровищ» Р. Стивенсона — остроумный, веселый спектакль об удивительных похождениях на море и на суше корабельного юнги Джима Хокинса.

Свердловский театр — а ему недавно исполнилось полвека — прежде всего театр актерский. Он располагает интересными и яркими актерскими дарованиями, где органично соединились представители различных поколений. Среди ведущих мастеров — В. Шатрова, Г. Умпелева, Л. Охлупин, Г. Гецов, Ю. Васильев, В. Воронин, В. Марченко, И. Мосунова, Ю. Лахин. Безусловной заслугой главного режиссера А. Соколова является то, что каждый из актеров театра на гастролях был виден отчетливо, был, если можно так выразиться, «подан», а потому и сумел показать различные грани своего мастерства.

Спектакль «Плоды просвещения» Л. Толстого, поставленный режиссером А. Соколовым, театр посвятил 150-летию со дня рождения писателя. В нем с особой реалистической силой, яркостью и беспощадностью театр выявил особые черты, присущие Л. Толстому-драматургу — черты острой социальной сатиры. Со всей страстностью театр утверждает нравственное достоинство, красоту человека-труженика, а в то же время, обличая «господ», открыто смеется над пороками светского общества. При этом театр подчеркивает, что пороки эти — не просто от ограниченности, пустозвонства, духовной неразвитости. Они — и на этом режиссер делает акцент — социальны. Они порождены духовной деградацией и бездельем, необузданным, капризным барством господ. Никто из них не желает считаться ни с кем, кроме собственной персоны.

Подкупает точность обрисовки характеров. Персонажи выглядят не просто смешно: сатирически заостренные, они вместе с тем жизненно достоверны. Большой удачей стало исполнение Г. Гецовым роли Звездинцева. Рисуя с виду доброго, порой даже обаятельного человека, очень смешного в своем нелепом увлечении спиритизмом, актер показывает в то же время, как глухи к болям жизни, а значит, страшны подобные звездинцевы в своем эгоцентризме.

Жену Звездинцева играет В. Шатрова, актриса яркой индивидуальности. Ее капризная, злая героиня получает — да позволено будет мне так сказать — просто биологическое удовольствие от праздности, бездушия, неуважительного отношения к людям. Она барыня. Это форма ее бытия. Запомнились и небольшие по объему, но ярко и точно сыгранные роли Бетси—Г. Умпелевой, Григория—В. Марченко, Тани — В. Ирышковой.

Серьезные творческие возможности продемонстрировал театр в спектакле «Нора» Г. Ибсена (режиссеры В. Битюцкий и А. Соколов).

...Кажется, ничего плохого не предвещает окутанный голубым цветом мир гостиной супругов Хельмеров. Яркий зимний день. Солнце заливает комнату, его блики играют на столе, рояле, разбросанных детских игрушках... Но все ли так уж благополучно здесь? Присматриваемся, и взгляд заметит грубые сучки деревьев; возле портрета, где изображен хозяин дома, на стене висит кукла-солдат с барабаном... Мелочи? Нет. Обманчив уют «кукольного дома», и непрочно семейное счастье обитателей. Метафора сценографии (художник В. Григорьев) точно выражает главную мысль пьесы и спектакля.

Нора — один из пленительнейших образов мировой драматургии. Заглавную роль в спектакле свердловчан играет Г. Умпелева, актриса острой эмоциональной возбудимости, тонкого психологического анализа. Каждое ее движение, каждый жест точно соответствуют душевному состоянию Норы. При этом актрисе абсолютно чужды внешние эффекты. Главное для нее — выявить и показать внутреннюю, духовную силу героини. Ту самую силу, которая превратила юную, непосредственную, по-детски восторженную куколку в сильную женщину, незаурядную личность...

У каждого из персонажей в этом спектакле своя драма, своя правда, своя тема. Не совсем обычна трактовка образа Крогстада, сыгранного Л. Рыбниковым. Как правило, Крогстад — злодей, персонаж резко отрицательный. Актеру удалось показать большее. Мы увидели, что таким Крогстада сделала сама действительность. Мы почувствовали желание этого человека найти свое место в жизни, вернуть себе честное имя.

Раскрывая лицемерную сущность буржуазного общества, спектакль показывает высоту нравственного начала в человеке как истинную ценность жизни.

В центре пьесы испанского драматурга А. Касоны «Дикарь» — Пабло, сыгранный Ю. Лахиным, эдакий Маугли, выросший где-то в горах. Теперь, попав в «светское» общество, он безумно влюблен в свою учительницу. Очаровательная Марга Т. Малягиной старается сделать юношу счастливым, и это, хоть и с трудом, ей удается... В незатейливой вроде бы истории режиссер В. Анисимов справедливо увидел нечто большее. Надо любить то живое, неповторимое, что нас окружает, и жить по счету совести, которая определяет подлинное богатство души, самую цену человека. Среди исполнителей хочется отметить прекрасную работу К. Ламочкиной и Е. Захаровой, играющих роли сердечных и вовсе не лишенных ума тетушек Пабло.

...Пьеса М. Шатрова «Революционный этюд» («Синие кони на красной траве») словно сама по себе дает возможность артисту, исполняющему роль Ленина, не искать конкретного сходства с Владимиром Ильичем. Однако не чреват ли этот уход от образа опасностью заранее возможного, облегченного подхода театра к решению столь сложной идейно-художественной задачи?

Спектакль свердловчан (режиссер А. Соколов) наглядно подтверждает: да, опасность эта была. И избежать ее не удалось. Отказавшись от грима, более того — от самого стремления к воссозданию черт Ленина (не говоря уж о достижении портретного сходства), коллектив, ставящий эту пьесу, не принял во внимание и важнейшее замечание Н. К. Крупской: «Образ Ленина — это мысль Ленина».

А вот этого-то в спектакле свердловчан и нет. Не оказалось образа — не оказалось и мысли. У исполнителя роли В. И. Ленина, безусловно одаренного актера В. Марченко — на все заранее готовая реакция, а процесс мысли отсутствует. Важнейшие политические, нравственные, эстетические вопросы жизни страны, народа не обсуждаются, не дискутируются, а попросту декларируются... Но можно, кстати, понять и актера; ведь совсем нелегко говорить на сцене выдержками из статей и выступлений. Наверное, каждому из зрителей важно слышать не только, что говорил Ленин, но и как он говорил. По-настоящему серьезного художественного решения образ вождя в пьесе М. Шатрова не получил.

Думается, явно не прав режиссер, когда решает сцену молодежных диспутов о том, каким быть «пролетарскому искусству», в подчеркнуто ироническом ключе. Потешные, разудалые эти сцены ослабляют самую серьезность разговора, происходившего, кстати, в очень драматической обстановке жизни молодой Советской республики. Они, следовательно, не раскрывают и то, почему же В. И. Ленин счел для себя тогда необходимым выступить на III съезде комсомола, поставив главную задачу: учиться коммунизму.

Не помогает постановке и то, что спектакль очень густо насыщен пением, «зонгами». Видимо, тут сказалось желание театра хоть как-то подкрепить драматургию солидным поэтическим материалом. Но никуда не уйдешь от старой истины: основой спектакля является только пьеса. Поэтому никакие режиссерские «изыски» не в состоянии компенсировать ее просчеты. Особенно же «зонги» неправомерно выглядят, когда их поет исполнитель роли В. И. Ленина — артист В. Марченко. Это артист способный. Он интересно играет роль лакея Григория в толстовской пьесе, показывая непоправимо «испорченного» господами человека, навсегда потерявшего мораль. Он тоже, как и мужики, обокраден барами, только еще страшней... Может быть, актеру трудны оказались такие перепады?.. Трудна такая внутренняя несовместимость?..

Тут остается только гадать...

...Театр познакомил москвичей с новой пьесой своего земляка, Г. Бокарева — «Конец недели» (режиссер А. Соколов).

Автор известных «Сталеваров» и здесь остался верен своей теме. Это разговор о трудовой чести, о высокой требовательности души рабочего человека. Производственный конфликт естественно перерастает в спектакле в конфликт нравственный. Обаятельный образ создает в спектакле актер В. Воронин, играя бригадира монтажников Антона. Это он пригласил в загородный профилакторий своих друзей — Сергея (А. Петров) и Юрия (В. Мелехов). Здесь все они и раскрываются.

Театр осуждает неблаговидный поступок Сергея, похитившего у своего товарища идею создания новой машины. В конце пьесы Сергей находит в себе силу искренне во всем признаться: справедливым судьей становится собственная совесть...

Пьеса А. Шайкевича «Ненависть» рассказывает об убийстве президента США Джона Кеннеди. Автор не ставит своей целью точно воспроизвести события, а стремится вскрыть глубинные истоки подобных трагедий, предупреждая об опасности возрождения фашизма в его новом, современном обличии.

Публицистически острый спектакль (режиссер А. Соколов) призывает к активной борьбе против тех, кто хочет ввергнуть мир в катастрофу, развязав войну...

...Гастроли в столице показали высокий творческий уровень Свердловского театра, стремящегося к созданию емких человеческих характеров, решению серьезных проблем. Но чтобы уровень этот оставался неизменным, коллектив должен быть всегда чутким ко времени, ко всему тому, что волнует сегодня зрителя: неизменно проявлять высокую требовательность к формированию репертуара, не поддаваясь веяниям весьма порой сомнительной моды.

«Плоды просвещения». Фото А. Зубкова

БУЯНЫ НА ЛЬДУ

Александр ПАЛЛАДИН

Коридор под трибунами стадиона «Спектрум» перегорожен чугунной решеткой. Ее установили в 1976 году после того, как хозяева арены — хоккеисты «Филадельфия Флайерз» в перерыве матча с «Бостоном» набросились на своих гостей и устроили кровавую «фри-фор-олл», всеобщую драку. На других стадионах Национальной хоккейной лиги таких мер предосторожности пока не ввели, а зря. В НХЛ, профессиональной хоккейной лиге, немало команд, норовящих свести счеты с соперниками в темных закоулках подтрибунных помещений. Так, очередная «фри-фор-олл» по пути в душевые разразилась в феврале, после встречи «Бостон»—«Миннесота». Битый час тузили друг друга три дюжины верзил, пока не подоспела подмога дежурившим на арене полицейским.

Впрочем, в этом матче еще до закулисной схватки драк было немало. Первая вспыхнула через 6 секунд (!) после начала встречи. Рекордный темп — в профессиональном хоккее до этого не случалось столь ранних потасовок, держался весь первый период. К его середине обе команды успели набрать 336 минут штрафа — результат 67 удалений (всего в тот вечер наказания применялись 84 раза). Наиболее разбушевавшимся двенадцати игрокам пришлось отправиться в раздевалки задолго до финального свистка. К концу страсти поостыли, но все же еще один «рекорд» грубости — абсолютный, по суммарному времени всех штрафов — тоже пал. В 1979 году ледовая конфронтация между «Филадельфией» и «Лос-Анджелесом» вылилась в 360 минут наказаний. «Бостон» же с «Миннесотой» заработали на 26 минут больше и с таким «достижением» включены в таблицу рекордов НХЛ (в профессиональном хоккее наряду с заброшенными шайбами и голевыми передачами ведут скрупулезный счет дракам: по продолжительности, количеству участников, числу удалений...).

Но «Филадельфия», судя по всему, не собирается уступать своего лидерства. Вот уже 10 лет этот клуб из сезона в сезон опережает все остальные по количеству и «качеству» штрафов. В нынешнем году еще за два месяца до конца первенства НХЛ игроки «Флайерз» превзошли самих себя, проведя 2100 минут на скамье нарушителей. И именно этим (читатель еще убедится, что подобная логика в профессиональном хоккее в порядке вещей) в НХЛ объясняют возрождение былой мощи «Филадельфии».

Еще полвека назад хоккейная команда «Филадельфия Квакерз» (как она тогда называлась) прослыла свирепо-жестокой, а ее преемница «Флайерз» возвела разнузданную грубость в невиданную степень. Когда в 1974 и 1975 годах команда дважды подряд добыла заветный трофей «профи» — Кубок Стэнли, ее успех объясняли однозначно: большей в сравнении с другими решимостью по любому поводу сбрасывать перчатки (принятый за океаном ритуал, означающий вызов на кулачный бой).

К рангу «звезд» в те годы причисляли лишь двух игроков «Флайерз»: вратаря Берни Парана и капитана Бобби Кларка. Фамилии остальных с трудом запоминали даже заядлые болельщики команды. Были они на одно лицо и для хоккеистов других клубов, но это лицо внушало им панический страх, так как каждый из «Флайерз» в любой момент готов был задать сопернику взбучку, не считаясь с существующим в НХЛ «кодексом» потасовок (клюшки в ход не пускать, драться один на один и т. д.) Недаром среди наименее твердых духом «профи» распространилась болезнь, окрещенная «филадельфийским гриппом»: как ехать на матч с «Флайерз», так берут бюллетень, жалуясь на внезапный недуг или застарелые травмы.

Пять лет назад с филадельфийским хоккеем воочию познакомились советские спортсмены. В знак возмущения умышленной

Канадцы в своем репертуаре. **Фото А. Бочинина**

грубостью соперника команда ЦСКА покинула зал и вернулась только после того, как получила заверения, что хозяева льда будут придерживаться общепринятых правил. На правах очевидца скажу: в тот день «Флайерз» хамили не больше обычного, а кое-кто счел их поведение и вовсе примерным (разумеется, по стандартам самой «Филадельфии»)...

После второй победы в розыгрыше Кубка Стэнли «Хулиганы с большой дороги» (на «большой дороге» — по-английски Бродстрит — расположен «Спектрум») вдруг решили, что могут добиваться успехов в прямом смысле малой кровью. Клуб продал зачинщика большинства драк «Кувалду» — Шульца и ряд других хоккеистов, умевших компенсировать нехватку мастерства безжалостным отношением к соперникам.

Это была роковая ошибка: «Филадельфия» сползла на второразрядные роли. В 1976 году команда споткнулась в финале Кубка Стэнли, в 1977 и 1978 годах — в полуфинале, а еще годом позже и вовсе добралась только до четвертьфинала.

Первыми почуяли неладное завсегдатаи «Спектрума». На его трибунах замелькали плакаты: «У нас есть гвозди, но нет «Кувалды». Боссы намек поняли и объявили конкурс на замещение вакансий костоломов. Долго искать не пришлось. «Кувалду» — Шульца заменил Пол Холмгрен, да и тому уже растет смена — Глен Кокрейн, который пока участвовал в 17 матчах, но успел получить 121 минуту наказаний.

В прошлом году «Филадельфия» опять взлетела на самую вершину табели о рангах НХЛ, едва не завладев Кубком Стэнли в третий раз, и в нынешнем сезоне вновь была в числе основных претендентов на главный приз профессионального хоккея.

Но кое-кто все же пытается восстать против хоккейных рецептов, диктуемых «Флайерз». Владелец «Лос-Анджелеса» Джерри Басс обвинил «Филадельфию» в том, что она «опошлила хоккей», и пустил по кругу коллег петицию протеста. В ней хоккеисты «Флайерз» названы садистами, которые берут соперников в оборот даже тогда, когда исход матча предрешен. Басса осторожно поддержал тренер «Чикаго» Кейт Магнуссон: «Флайерз» — достаточно классный клуб, чтобы обходиться без драк». И все. Подпись Басса под петицией осталась единственной. Мало того, его объявили еретиком. Президент НХЛ Зиглер лично открыл на него охоту, намекнув, что тот домогается славы. Хор подголосков подхватил созвучный мотив: мол, Басс мстит «Флайерз» за хронические проигрыши своей команды.

Словом, очередной призыв к разуму в очередной раз попал в уши глухих, как выражаются в Северной Америке. Да иначе и быть не могло. Еще со времен первого восшествия «Филадельфии» на хоккейный престол в НХЛ возобладало мнение, что кратчайший путь к триумфу прокладывают кулаки. Носитель здоровых начал в лиге — команда «Монреаль Канадиенс», правда, сумела во второй половине семидесятых годов четырежды подряд завоевать Кубок Стэнли, но и она сочла за благо обзавестись «полисменами», главная задача которых на льду — охранять тех, кто умеет и желает играть в чистый красивый хоккей. Остальные же клубы затеяли соревнование: кто заполучит больше наемных головорезов. Так в составе «Торонто» появился «Тигр» — Уильямс (о нем речь впереди), в «Нью-Йорк Рейнджерс» — готовый схватиться даже со зрителями Ник Фотю, а в «Сент-Луисе» — Стив Дурбано. За плечами последнего к тому времени было 7 лет карьеры в НХЛ и 210 проведенных матчей, в которых он забил 12 шайб, но зато получил 1036 минут штрафа (в том числе 45 за одну-единственную игру! Более продолжительное наказание в лиге назначили лишь однажды). Со столь матерым специалистом ледовых побоищ дела «Сент-Луиса» быстро пошли в гору, и в нынешнем сезоне этот клуб произвел фурор, ворвавшись в число лидеров НХЛ.

Другие команды пошли еще дальше, организовав коллективное обучение методам рукопашных. «Миннесота» наняла консультантом одного из ведущих боксеров-профессионалов США — Скотта Леду. Игроков же «Торонто» натаскивает чемпион Канады в тяжелом весе Джордж Чувало, который подсказал, что самый сногсшибательный удар на льду — апперкот, и, со своей стороны, позавидовал хоккеистам: мол, могут друг друга дубасить без оглядки на судей. С судьями в НХЛ и впрямь считаются все меньше. И это притом, что формально лига пытается отучить «профи» от дурных манер.

В середине семидесятых годов было объявлено табу на удары головой в живот и кулаками, обмотанными пластырем. Оба нововведения имели мишенью «Кувалду» — Шульца: именно он чаще и умелее других пользовался обоими приемами. Теперь, стало быть, шансы дерущихся уравнялись. «Радикальнейшими», «беспрецедентными» называли изменения в правилах, внесенные летом прошлого года: принцип «третьего лишнего» («двое дерутся — третий не лезь»). Реформистского запала, однако, руководителям НХЛ хватило ненадолго. «Фри-фор-олл» не прекратились и буквально в каждой встрече по 6—8, а то и больше «профи» стали проводить на скамье нарушителей до трети игрового времени. (Так, 3 января матч с «Колорадо» бостонцы заканчивали... вшестером: остальные были удалены с площадки либо вовсе изгнаны из зала.) И судьям втихомолку предписали «гибкость» в толковании новых правил.

Каких только не предлагалось объяснений постыдному феномену, именуемому насилием на ледяных площадках! Штатный статистик профессионального хоккея Фрэнк Полначек даже связал вспышки и затишья в драках с... лунными фазами. Он вычислил, что чаще всего стычки возникают в периоды полнолуния, и предложил не назначать на такие дни матчей. Но один из наиболее маститых деятелей профессионального хоккея, бывший президент клуба «Торонто» Конн Смайт как-то изрек: «Тому, кто неспособен справиться с соперником в темном закоулке, в этой игре делать нечего». И этот афоризм стал непререкаемым догматом НХЛ.

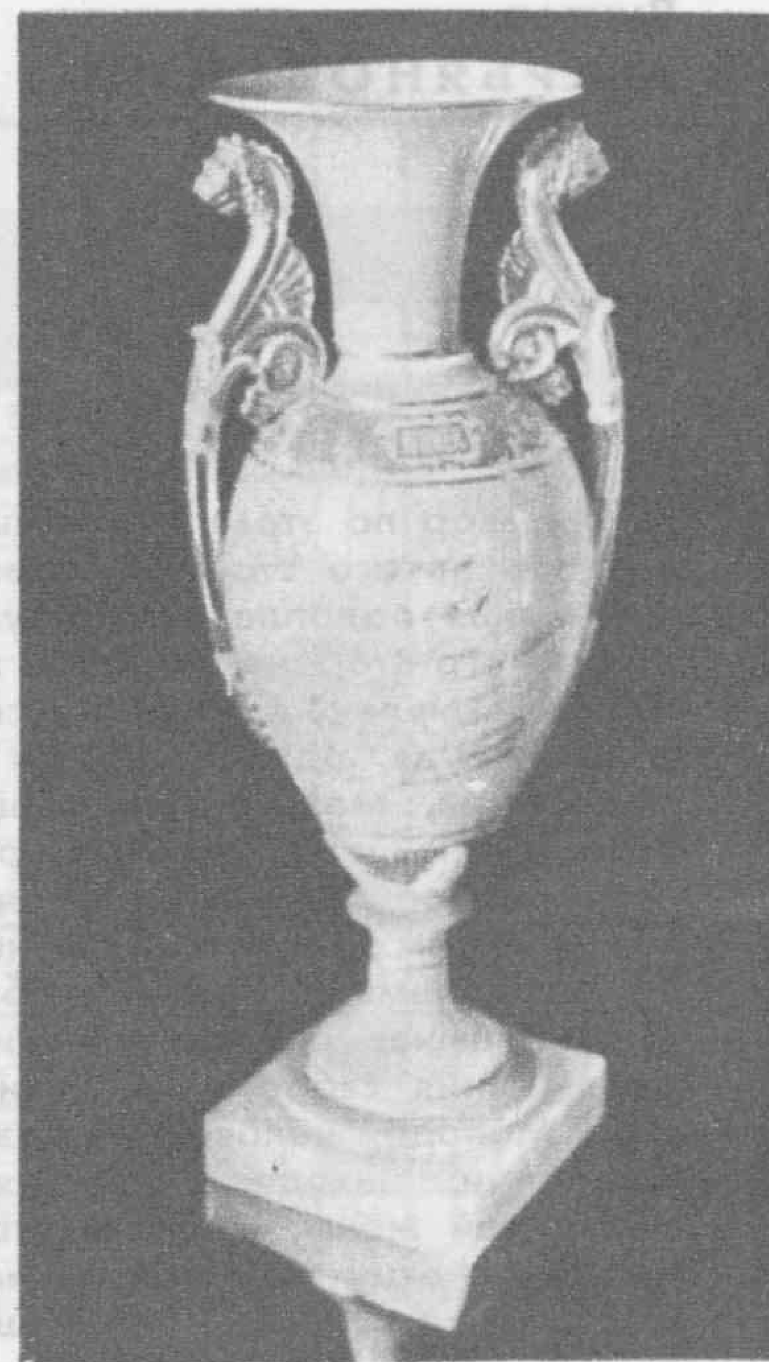
Нынешний владелец «Торонто» Баллард высказывается еще циничней: «Мне нужны парни, звереющие при запахе крови». А вот почитайте мнения руководителей всей НХЛ. Прежний президент лиги Кемпбелл, пребывавший на этом посту три десятилетия, любил повторять: «Драки — полезный атрибут хоккея, ибо выполняют роль предохранительного клапана. К тому же от них еще никто не умирал». Сменивший Кемпбелла адвокат из Детройта Зиглер изъясняется более уточненно: «Не нахожу ничего предосудительного в том, что разгоряченные азартной игрой мужчины порой выясняют отношения на кулаках. По-человечески мне глубоко понятна потребность в подобной разрядке».

Когда в 1979 году весь хоккейный Новый Свет мучительно размышлял над причинами поражения сборной НХЛ от сборной СССР в розыгрыше Кубка вызова, новый президент лиги пресек попытки поставить под сомнение стиль игры, культивируемый за океаном: «Главная на сегодня наша проблема — падение доходов». И неспроста Зиглер первым взялся выгораживать «Филадельфию»: «Это самая популярная ныне команда и, следовательно, самая успешная с деловой точки зрения: чтобы ее увидеть, люди платят немалые деньги. Будь остальные 20 клубов столь же популярны, я бы только радовался и не стал докапываться, как они того добились».

Между тем заокеанский хоккей испытал на себе и многое, диаметрально противоположное по своей природе: воздействие — со стороны советских спортсменов. Их манера игры завоевала множество поклонников в Северной Америке. Неспроста именно в семидесятые годы, годы наиболее интенсивных контактов двух ведущих хоккейных школ, в Канаде развернулась невиданная кампания за очищение национальной игры от дурных примесей. Но влияние нашего спорта, как видно, шло вразрез с интересами боссов профессионального хоккея, они сократили такие контакты до минимума. И едва хоккейный диалог Восток—Запад прервался, за океаном вновь стал процветать разбой на ледяных площадках.

Время от времени виновников наиболее разнузданных драк вызывают «на ковер». Одних, пожурив, отпускают с миром, а других на время отлучают от хоккея либо подвергают денежным штрафам. Так, в конце зимы на полтысячи долларов оштрафовали Ника Фотю, который в очередной раз задрался со зрителями. Бывает, провинившихся обкладывают и более крупными оброками. Формально метод наказания (к нему следует причислить и дисквалификацию на ряд матчей, означающую автоматические вычеты из жалованья) выбран правильно: в мире бизнеса деньги — веский аргумент. Но дело в том, что в большинстве случаев для буянов штрафы — что с гуся вода. «Война НХЛ с грубостью — фикция, оборачивающаяся для тех, кому она объявлена, оплачиваемыми отпусками,— утверждает хоккейный обозреватель торонтской газеты «Глоб энд мейл» Дон Рамсей.— Владельцы клубов не только погашают за своих игроков штрафы, но и возмещают им убытки в случае дисквалификации».

Оттава—Москва.

НОВАЯ СТРОКА

Хоккей, как известно, игра суровая, жесткая, в ее правилах разрешены даже силовые приемы. И в ходе матча часто слышишь от комментатора успокаивающее: «Игра в пределах правил». Но как часто эти пределы нарушаются. Как часто судьям приходится чуть ли не применять силу, чтобы вернуть матч в установленное правилами русло. И в последнее время число нарушений в хоккее, а вследствие этого число штрафных минут растет, вызывая тревогу и тренеров и зрителей.

Авторы этого ужесточения игры хорошо известны — это профессиональные хоккеисты, ведь в североамериканском хоккее без боксерских схваток и борцовских потасовок матч не матч. Европейские хоккеисты вынуждены были в целях самообороны также освоить и применять силовые приемы, без этого с профессиональными командами не сладишь, но а потом силовая борьба на грани нарушений, а иногда и за этой гранью все чаще стала применяться и на европейском льду.

Борьбе с «грязным хоккеем» сейчас уделяется большое внимание, а журнал «Огонек» еще в 1970 году учредил для популяризации «чистого», без заморских примесей хоккея переходящий приз — Кубок Справедливой игры.

Для того, чтобы завоевать этот приз, команде надо забить в течение чемпионата страны как можно больше шайб и получить как можно меньше штрафных минут. Подсчет ведется по международной формуле: к двумстам условным очкам прибавляются штрафные минуты, полученные командой, и из этой суммы вычитается число забитых шайб.

На фарфоровой вазе, изготовленной по заказу редакции Ленинградским фарфоровым заводом имени М. В. Ломоносова, к концу прошлого сезона было начертано десять строк. Призом справедливой игры дважды награждались хоккеисты ЦСКА, затем он два года гостил у «Спартака», потом в команде «Крылья Советов», в «Торпедо», побывал у ленинградского СКА и трижды у московских динамовцев. В нынешнем сезоне приз справедливой игры после долгого перерыва вновь завоевали московские армейцы. Вот их показатели — 328 очков (200 — условных очков +396 штрафных минут — 268 забитых шайб).

Так появилась на призе «Огонька» одиннадцатая строка.

В. ВИКТОРОВ

НА ЗОЛОТУЮ НА

Виктор МАРЬЯНОВСКИЙ

Приговор по этому делу вынесен. Но за его строкой осталась моральная подоплека преступления, та его сторона, которая, хотя и была выявлена в процессе следствия и суда, однако закону неподвластна. Между тем общественное значение этой стороны преступления велико. Вот почему мы и хотим вернуться к нему.

...Обвиняемый Шамиль Аббазович Енгалычев осужден на три года лишения свободы за хулиганство. Молодой человек в трезвом состоянии, находясь в гостях у родителей жены, нанес жестокие побои ее отцу — пожилому человеку, только недавно перенесшему тяжелую болезнь. Бил зверски, ногами. Как свидетельствуют материалы дела, у потерпевшего оказались рваная рана на губе, кровоподтеки на лице, ссадины на туловище, выбит зуб...

Казалось бы, в семье родителей, жены Енгалычева — Сони — в первую очередь должны были вызвать «Скорую помощь», врача поликлиники, сообщить о происшедшем в милицию? Этого, как ни странно, не произошло. Более того, после всего случившегося Соня как ни в чем не бывало садится в машину и уезжает с человеком, который только что топтал ногами ее беспомощного отца, истязал его. А мать? Лариса Алексеевна (не будем оглашать подлинные имена всех участников описываемых событий) ограничивается тем, что вызывает по телефону знакомого врача и просит оказать первую помощь пострадавшему. Но только «по-соседски», без огласки...

Что за странный ход событий? Чтобы попытаться разобраться в нем, вернемся к ноябрю 1979 года. Именно тогда в квартире, где жила с родителями Соня, раздался телефонный звонок. Неизвестный мужчина отрекомендовался бывшим односельчанином и, посетовав на одиночество, выразил желание встретиться.

Ну что ж, нет ничего зазорного в том, что Сеидовы решили пригласить к себе односельчанина. Кому не приятно повидаться с земляком, тем более что он, судя по всему, холостяк, а у них дочь, как говорится, на выданье.

Правда, первое же знакомство должно было насторожить Сеидовых. При ближайшем рассмотрении оказалось, что их гость, Шамиль Енгалычев, земляк довольно сомнительный. Он путано и невразумительно вспоминал свою сельскую молодость, обнаруживая удивительные «провалы» памяти. Но зато вдохновенно рассказывал о своей фешенебельной трехкомнатной квартире, о подмосковной даче с баней и центральным отоплением, убедительно живописал материальные блага, ожидающие женщину, которая согласится стать спутницей его жизни...

И тут, конечно, Соне и ее родителям стоило бы задуматься: откуда у рядового милицейского работника (таковым представился Шамиль Енгалычев) столь неограниченные финансовые возможности? Из каких источников собирается он черпать средства, чтобы обеспечить ту бытовую программу-максимум, которая намечена им, по его словам, на ближайший период? Но Сеидовы, завороженные краснобайством «земляка», такого вопроса себе не задали. И напрасно.

А Шамиль Аббазович не медлил. Не прошло и двух недель, как он предложил Соне руку и сердце. Увы, ни она, ни ее родители не разглядели, что руки-то эти изрядно запачканы, а сердце тут и вовсе ни при чем.

Через несколько дней состоялась свадьба. Впрочем, о «свадьбе» в данном случае можно говорить лишь как о застолье с возгласами «горько», а не как о юридическом акте. Ибо на таковой Шамиль Енгалычев права не имел: в его паспорте еще лиловела отметка о браке с Наилой Ч. Как известно, советский закон, оберегая интересы матери и ребенка, не разрешает развода, если сыну или дочери не исполнилось года.

Соня об этом знала. Но ее не устраивал брак с человеком, который, как и все молодые люди, начинал бы свою жизнь пусть и с достатка, но скромного, ее манил блеск тех сомнительных жизненных ценностей, которые сулил ей Шамиль.

Она крепко просчиталась. Ее будущий муж был просто-напросто ловцом удачи, одним из тех, чья цель жизни — нажива, приобретательство. И притом любой ценой. Знакомство с Сеидовыми было точно «вычислено». Енгалычев, выведав, что мать Сони и она сама торговые работники, решил: тут есть чем поживиться.

Надо отдать должное Шамилю Аббазовичу — психологию обывателя он знает досконально. Поэтому он руками своей матери кидает Сеидовым щедрую приманку: Соне дарят к свадьбе массивный золотой браслет. Сеидовы не ударили лицом в грязь: «вы — нам, мы — вам». Родители невесты вручают жениху драгоценный перстень, хрустальную люстру, ковры. Дальше — больше. Жениха одаривают кожаной курткой, модной одеждой, дочери тоже достается богатое приданое. Но головы Сеидовы при этом не теряют: составляется опись сделанных подарков, которая не раз еще будет фигурировать в их претензиях.

Енгалычеву ясно: наживка — браслет — сработала. И он здесь же, за пиршественным столом, забрасывает удочку: ему на днях предстоит получить по открыткам две легковые автомашины. А в деньгах ощущается недостаток. Не ссудят ли ему новые родичи определенную сумму? Под честное слово джентльмена...

Сеидовы тут же вручают ему девять тысяч рублей. Правда, не под честное слово — в мире чистогана это неходовой товар. «На всякий случай» берут расписку. Дружба дружбой, а денежки денежками.

И снова диву даешься. Почему ни у кого из сидевших за свадебным столом — ни у родных невесты, ни у гостей — не возникло законного недоумения: как в наши дни, когда получение автомашины — еще нелегкая проблема, человек собирается запросто приобрести сразу двое «Жигулей»? И из каких средств скромный милиционер собирается их оплатить, рассчитаться с долгами?

Наверное, такие вопросы возникали. Но пещерный зов вещизма оказался у Сеидовых сильнее разума. А у гостей не нашлось гражданского мужества, чтобы назвать происки Енгалычева своим именем.

Если не юридически, то фактически брак состоялся. Но он не принес Соне счастья, на которое она рассчитывала. Как только она переехала к Енгалычеву, у нее тут же отобрали подаренный браслет. Затем муж и его мать Камила Усеновна постепенно завладели всеми ее вещами вплоть до того, что лишили даже приданого. В одном Шамиль Аббазович оказался верен своему слову: он действительно приобрел две машины (правда, одну из них при весьма подозрительных обстоятельствах тут же «уступил» родственникам). Но рассчитаться с долгом не спешил. А тут еще Соня узнала, что ее муж вовсе не работник милиции, а специалист с высшим образованием, работающий почему-то бригадиром на птицеферме со средней зарплатой в 120 рублей.

Справедливости ради заметим, что вопрос «почему» недолго мучил Соню. В доме регулярно стала появляться, причем в рыночных масштабах, продукция (куры, яйца и т. п.) подмосковного совхоза, где подвизался Енгалычев. И так же регулярно исчезала, после чего в бумажнике Шамиля Аббазовича похрустывали новые купюры.

Тут уж начинает бить тревогу Лариса Алексеевна. Нет, не подумайте, что ее смутили открывавшиеся одна за другой темные стороны биографии зятя. Волновала Сеидову в основном лишь судьба той суммы, которую она так неосмотрительно ссудила Енгалычеву. Видя, что он не собирается возвращать деньги, Лариса Алексеевна накладывает «экономические санкции»: отбирает подаренный ему на свадьбу золотой перстень. Енгалычев понимает, что от настырной тещи ему не отделаться, и соглашается вернуть долг: «Жду вас». Лариса Алексеевна, раскусившая зятя, «на всякий случай» захватывает с собой соседа. И не зря. Шамиль Аббазович остается верен себе: вместо девяти тысяч он пытается всучить «куклу» (сверток простой бумаги, обложенный для вида денежными купюрами и облигациями).

Казалось бы, теперь все должно стать на свои места. Вроде не оставалось уже сомнений: Енгалычев — аферист, мошенник, человек, в котором все фальшиво. Остается только заявить о «деятельности» подонка в соответствующие органы и вырвать дочь из его загребущих рук. Но... Есть ведь еще не востребованный долг, есть, наконец, приданое, вероломно захваченное противной стороной, которое оказывается для матери дороже чести, достоинства и истинного благополучия дочери.

А сама Соня и вовсе пускается во все тяжкие. Человек, воспитанный советским обществом, комсомолка, она не только закрывает глаза на уголовные проделки Енгалычева, но кое-что подбрасывает ему из своих «личных сбережений», хотя не совсем, правда, ясно, откуда у девушки, только вступающей в жизнь, такие деньги. Более того, она уговаривает свою тетю Фаину одолжить муженьку солидную сумму. Шамиль Аббазович охотно дает долговую расписку. Все по закону. Но вскоре выясняется, что он, «не отходя от кассы», сумел ее похитить и скрылся в Самарканд.

Остается добавить, что «брачный» аферист сети свои закидывал далеко. До Сони в этих сетях оказались еще четыре жертвы (по «неофициальным» данным, их больше — на следствии Енгалычев отказался отвечать на вопрос, сколько раз он был женат). Одна из них — Наила Ч. И здесь просматривается знакомый почерк проходимца. Правда, на этот раз он представился сыном отставного полковника. А дальше события развивались по отработанной схеме. Все, что описывает Наила Ч., уже нам известно: «В Самарканде он устроил большую свадьбу... Преподнес мне дорогой подарок — золотой браслет. Он выбрал меня потому, что рассчитывал, что я «богатая невеста», дочь известного в Средней Азии ученого, но я оказалась не столь богата. Это совсем не понравилось свекрови. После отъезда из Москвы моей мамы у меня все, конечно, что было подарено, свекровь отобрала. Забрала палас, сервиз, набор ложек, массу постельного белья... На свадьбе мне мои друзья дарили деньги... Все эти деньги Енгалычев отобрал у меня здесь же, в Самарканде... Это не люди, это хищники... Ведь найдется еще не одна наивная душа, которая поверит ему так же, как и все мы — многочисленные его жены-жертвы, которых он обводит вокруг пальца».

Негодование Наилы Ч. понять можно. Но оправдать ее нельзя. Вряд ли можно делать скидку на «наивность» пусть и молодой, но обворованной женщины, которая дает «обвести себя вокруг пальца» вообще-то отнюдь не оригинальному мошеннику? А куда смотрели ее родители? Видимо, блеск все того же браслета затмил здравый смысл, создал вокруг Енгалычева золотой ореол, за которым не стал виден лик обычного проходимца... А пока вместо сладкой жизни, которую обещал Наиле Енгалычев, она вынуждена вести бесконечную переписку, чтобы получить те скромные алименты, которые он должен платить ей на сына.

По аналогичному варианту была обманута и Ирина С. Сначала широкие жесты, обещания райской жизни, а затем, когда цель достигнута, жертва обобрана до нитки, предпринимается все, вплоть до угроз физической расправы. «Атмосфера спекуляции, ростовщичества царит в этом доме,— с горечью рассказывает Ирина.— Порой становилось страшно».

Можно было бы вспомнить и Гулю М., доведенную до того, что она тайком спасалась бегством из дома Енгалычевых, оставив все свое имущество; Нину Р., брак с которой был нужен до того момента, когда Шамиль получил прописку в Москве...

Однако вернемся к Сеидовым. Почему же все-таки даже после того, как Енгалычев избивает отца своей жены (вся вина которого заключалась в том, что он попытался образумить зятя), грабит его

(как утверждают родители Сони, расправляясь с тестем, Шамиль Аббазович не упустил случая содрать с его руки тот самый перстень), он чуть ли не два месяца вольготно разгуливает, никто не заявил о случившемся в милицию?

Причина все та же: слепая страсть к вещам, жадность — назовем все своими именами. Не стремление восстановить справедливость, наказать зло, вызволить дочь из лап вымогателя движет Ларисой Алексеевной. Нет, в первую очередь ее помыслы о том, чтобы вернуть «добро». Сеидова не оставляет надежды договориться «по-хорошему». На вопрос следователя, почему она вовремя не заявила о преступном поведении Енгалычева, Лариса Алексеевна призналась: «Надеялась, что отдаст перстень».

И это невольно ставит Сеидовых — и маму и дочь — на одну доску с Енгалычевым, нравственно уравнивает их. Убедившись в том, что зять не собирается возвращать захваченное имущество, Лариса Алексеевна организует «группу захвата», составленную из родных и близких. И, совершив набег на квартиру Енгалычевых (и здесь не обошлось без стычки), она возвращается домой с «трофеями».

Прошло два месяца после избиения мужа и отца. Сеидовы, поняв, что «по-мирному» с Енгалычевых ничего больше не получишь, подают наконец заявление в милицию.

Но время упущено. Нет медицинского заключения о полученных телесных повреждениях, за давностью путаются в показаниях свидетели, затерялись следы перстня. И суд, который должен основываться только на неопровержимых доказательствах, выносит хотя и справедливый, но достаточно мягкий приговор, так как многие стороны «деятельности» подсудимого высветить не удается.

У Енгалычева теперь есть время хорошенько подумать о той жизненной линии, которую он избрал. А вот о его «жертвах», клюнувших на золотую наживку ловца удачи, стоит поговорить. И не для того, чтобы бередить лишний раз их душевные раны (они и так наказаны за легкомыслие и неразборчивость), а с целью уберечь тех, кто в погоне за эфемерными жизненными благами может так же бездумно вверить свою судьбу какому-нибудь ушлому проходимцу. Ведь женщины, о которых шла речь, не темные, забитые, обделенные жизнью люди. Нет, почти все они росли в хороших семьях, не испытывали нужды, получили образование. И вряд ли можно всерьез поверить, что в основе их скоротечных замужеств лежала истинная любовь. Неплохой психолог, Енгалычев очень точно выбирал тех, кто в погоне за «красивой, сладкой жизнью» вольно или невольно готов закрыть глаза на его фанфаронство, скользкую биографию, на явную неразборчивость в средствах, на поступки, идущие вразрез с нашей моралью, с кодексом наших законов. Если и поверить Соне Сеидовой, что она продолжала попустительствовать мужу, закрывать глаза на его поведение только во имя будущего ребенка, то и это ее не оправдывает.

Нельзя обойти молчанием и неприглядную роль окружающих, которые, будучи долгое время свидетелями этой постыдной истории, мошеннических проделок Енгалычева, его издевательств над женой, зверской расправы с Сеидовым, ограничивались лишь соболезнованиями и во имя ложной дружбы предпочитали не выносить сор из избы. Близкий друг семьи, Марья Васильевна Д., заявила, например, на суде, что она «возмущалась тем, как можно было Соне жить с таким зверем и даже уехать с ним после того, как он так бесчеловечно разделался с ее отцом». Возмущалась, но келейно. Негодовала, но в пределах дома Сеидовых. И, не найдя в себе мужества, чтобы занять принципиальную позицию, пошла на поводу у Сеидовых с их меркантильными устремлениями. А чего стоит позиция соседа по дому — инженера Игоря Николаевича К.! На вопрос заседателя, почему он, видя, что Енгалычев избивает Сеидова, не остановил хулигана, К. хладнокровно ответил: «Это же семейная (!) ссора. А я в этот день даже не был дружинником».

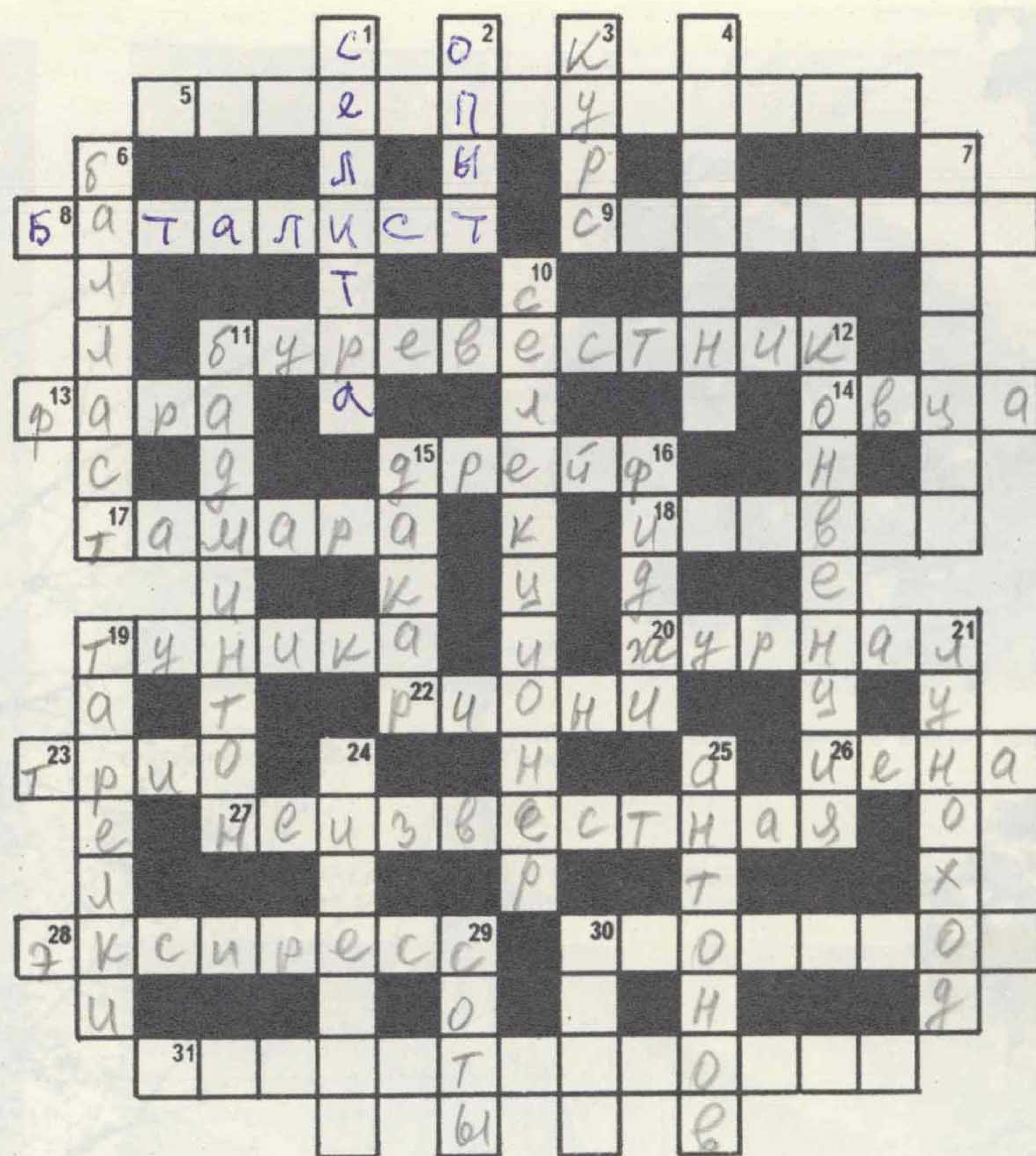
Чего больше в этих словах? Беспринципности? Обывательской философии? Наверное, всего понемногу. И была, видимо, какая-то логика, хоть и циничная, в реплике подсудимого, когда он после этого заявления свидетеля воскликнул: «Разве может суд верить человеку, который не считает нужным выполнить свой гражданский долг?»

А что касается поведения врача Антонины Михайловны К., вызванной «по-свойски» к избитому Сеидову, то надо прямо сказать: запятнала она честь советских медиков. Как она могла пойти на сделку со своей совестью, врачебным долгом, который обязывал ее поставить в известность о совершенном органы милиции и уж, конечно, принять все меры к тому, чтобы позаботиться о здоровье пострадавшего. Она пренебрегла своими прямыми обязанностями, и в результате не была даже составлена справка о травмах Сеидова, что позволило Енгалычеву избежать более сурового наказания. А главное, если бы пострадавший вовремя попал под постоянный и квалифицированный медицинский присмотр, не было бы столь тяжких последствий для его здоровья.

Мы живем в социалистическом обществе. Ему глубоко чужд дух оголтелого стяжательства, безудержной погони за внешне красивой, но пустой жизнью. И те, кто забывает об этом, рано или поздно заходят в тупик, оказываются у разбитого корыта. Об этом еще раз напоминает история, о которой мы рассказали.

ЖИВКУ...

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Истолкование, объяснение содержания, смысла текста. 8. Художник. 9. Актер Малого театра, народный артист СССР. 11. Всесоюзное спортивное общество вузов. 13. Автомобильный фонарь. 14. Домашнее животное. 15. Движение льда в море. 17. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 18. Приток Дона. 19. Дневнеримская одежда. 20. Печатное периодическое издание. 22. Река в Грузии. 23. Ансамбль музыкантов-исполнителей. 26. Денежная единица Японии. 27. Картина И. Н. Крамского. 28. Поезд, идущий с повышенной скоростью. 30. Народный артист СССР, выступавший во МХАТе. 31. Действенность.

По вертикали: 1. Азотнокислая соль, минеральное удобрение. 2. Эксперимент. 3. Маршрут корабля, самолета, автомашины. 4. Духовой язычковый музыкальный инструмент. 6. Слой сыпучих материалов на земляном полотне железнодорожного пути. 7. Система графических знаков для записи музыки. 10. Специалист по выведению и улучшению пород животных, сортов растений. 11. Спортивная игра с воланом. 12. Международный договор. 15. Столица Сенегала. 16. Государство в Океании. 19. Ударный музыкальный инструмент. 21. Автоматический аппарат для работы и передвижения на поверхности естественного спутника Земли. 24. Текстильный центр в Чехословакии. 25. Авиаконструктор, Герой Социалистического Труда. 29. Восковые ячейки в улье. 30. Южное вечнозеленое дерево, кустарник.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали: 5. Глухарь. 6. Прудкин. 9. Выпрямитель. 10. Гидра. 12. Таити. 14. «Нахаленок». 17. Росси. 18. Подвид. 19. Яблоко. 20. Леонов. 22. Лекало. 24. Ижора. 26. Аудитория. 27. Муляж. 29. Вагай. 30. Автокатализ. 31. Бисквит. 32. «Бродвей».

По вертикали: 1. Владимир. 2. Халва. 3. Пульт. 4. Кинетика. 7. Трихорд. 8. Станция. 11. Радиометрия. 13. Аннакулиева. 14. Незванова. 15. Лисохвост. 16. Коллекция. 21. Виндзор. 22. Лауреат. 23. Парусник. 25. Муравьед. 28. Жатва. 29. Взвод.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Автографы на память. В пионерский международный лагерь «Найрамдал» приехал летчик-космонавт МНР Жугдэрдэмидийн Гуррагча. (См. в номере материал «С солнцем за руку».)

Фото А. Награльяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Крупнейшая вершина Таласского хребта — Манас. (См. в номере материал «Мазар, Манас».)

Фото Ю. Макунина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 22.06.81. Подписано к печати 07.07.81. А 05141. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18.20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1540. Заказ № 765.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

В. Поленов. Московский дворик.

Ю. АЛЕКСАНДРОВ,
фото Г. РОЗОВА

Когда слышишь слова «московский дворик», вспоминаешь знаменитую картину Поленова, ставшую олицетворением старой Москвы: поросший травой просторный двор деревянного дома, стоящего возле древней церквушки. Вид скорее сельский, чем городской. Однако художник работал с натуры и запечатлел реальный пейзаж, открывшийся ему из окна одного из домов в Спасо-Песковском переулке. Характерная примета, позволившая уточнить местонахождение «прототипа» поленовского дворика, сохранилась до наших дней. Это церковь Спаса на Песках XVII века, в непритязательной архитектуре которой художник открыл задушевность и поэзию искусства народных мастеров. Выбранный Поленовым дворик уже в то время, столетие назад, был анахронизмом. Именно в те годы на Арбате и в других районах древней столицы, как грибы после дождя, росли доходные дома с унылыми каменными мешками — дворами-колодцами. А сейчас поблизости пролегли современные магистрали — Калининский проспект и Садовое кольцо, к сожалению, уничтожившие романтический облик исторической части столицы.

Вместе с Москвой неузнаваемо изменились и московские дворы. Для большинства москвичей, населяющих новые районы, двор — это открытое солнцу и ветрам пространство, не имеющее четких границ.

МОСКОВ

В интервалах между домами оно как бы перетекает в соседние дворы. И всюду зелень: газоны и цветники, кустарники или купы деревьев, а кое-где и целые рощицы. Зелень окружает уютно расположенные во дворах невысокие корпуса детских садов и школ с площадками для игр и спортивных занятий. В таких дворах легко дышится: горожанин здесь максимально приближен к природе. Но Москва унаследовала и множество старых дворов. Уступая по величине и благоустройству новым, они отличаются удивительным разнообразием, скрывают много любопытного. Познакомимся с некоторыми из них.

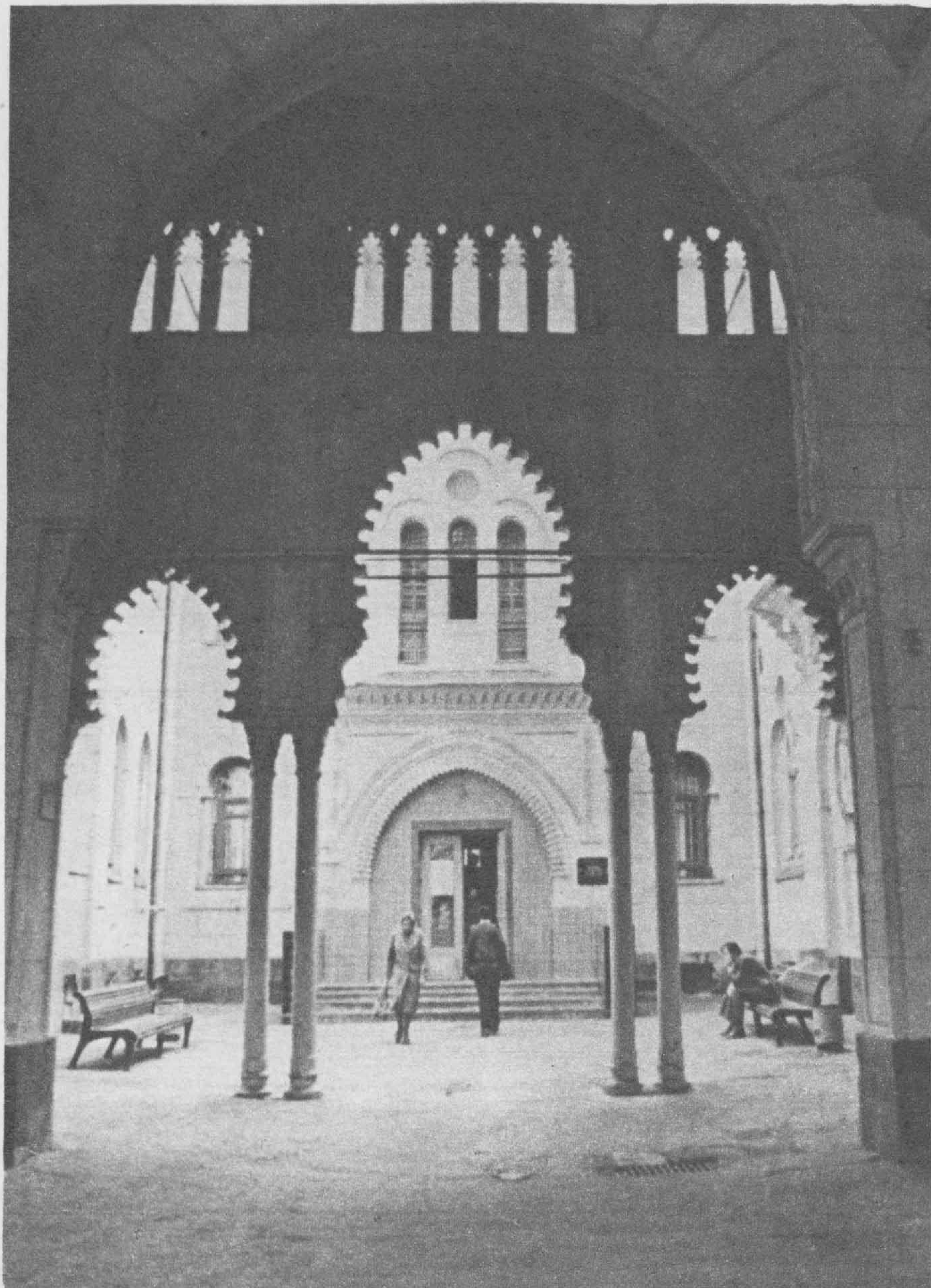
Стоит заглянуть, например, во двор дома № 1 по Историческому проезду. Ординарная оштукатуренная стена, выходящая на улицу, казалось бы, не предвещает ничего, заслуживающего внимания. И действительно, сам прямоугольный двор, в центре которого возвышается постройка утилитарного назначения, маловыразителен. Но в глаза бросается яркое многоцветье изразцов и пышное богатство белокаменного декора. Двор скрывает раскрытый недавно реставраторами фасад уникального памятника — Монетного двора XVII века. Деньги здесь не только чеканились, но и хранились. Поэтому нижний этаж имел глухие толстые стены (оконные проемы пробиты позднее), которые оживляла лишь арка проезда, а весь декор сосредоточен на верхнем этаже, отделанном карнизом.

Сам двор не представляет собой единого целого. Одно из зданий казенной архитектуры, ограничивающих двор, в прошлом столетии занимало долговое отделение с тюрьмой, которую в народе называли «ямой». Примечательная особенность заключения в нее состояла в том, что средства на пропитание заключенного обязан был давать потерпевший кредитор, и прекращение ассигнований означало освобождение арестанта. Об этом подробно рассказал Гиляровский.

Московские дворы скрывают множество исторических памятников и архитектурных жемчужин. Таков и обширный двор дома № 11 по улице Богдана Хмельницкого, выступающего за красную линию улицы, что говорит о старине. Впрочем, парадный фасад типичен для позднего классицизма и может многих ввести в заблуждение относительно времени постройки дома. Но стоит лишь войти во двор, и перед вами фрагменты великолепных палат конца XVII столетия. На красном фоне кирпичных стен рельефно выделяются затейливые белокаменные наличники окон с разрезными фронтами в стиле московского барокко. Палаты эти сменили несколько владельцев, среди которых был пастор Глюк, открывший в начале XVIII века гимназию — одну из первых в Москве.

Дворы помогают раскрыть многие тайны московских домов, дворовые фасады обычно полнее хранят первозданный облик, на них отчетливее выявлены следы перестроек и переделок. Так, например, взглянув

Здесь писал Поленов свой знаменитый «Московский дворик» (Спасо-Песковский переулок на Арбате).

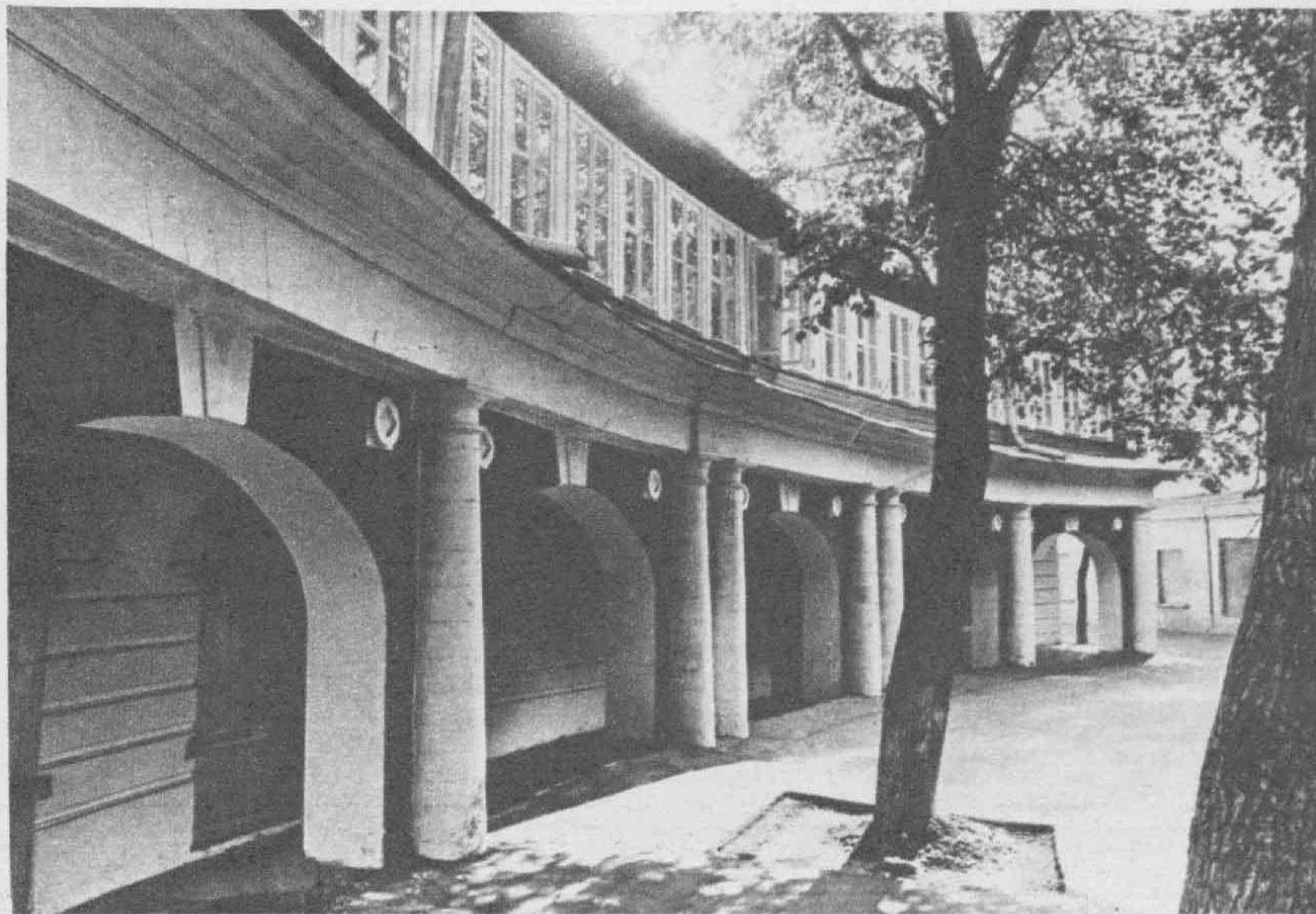

Мавританский двор на Неглинной.

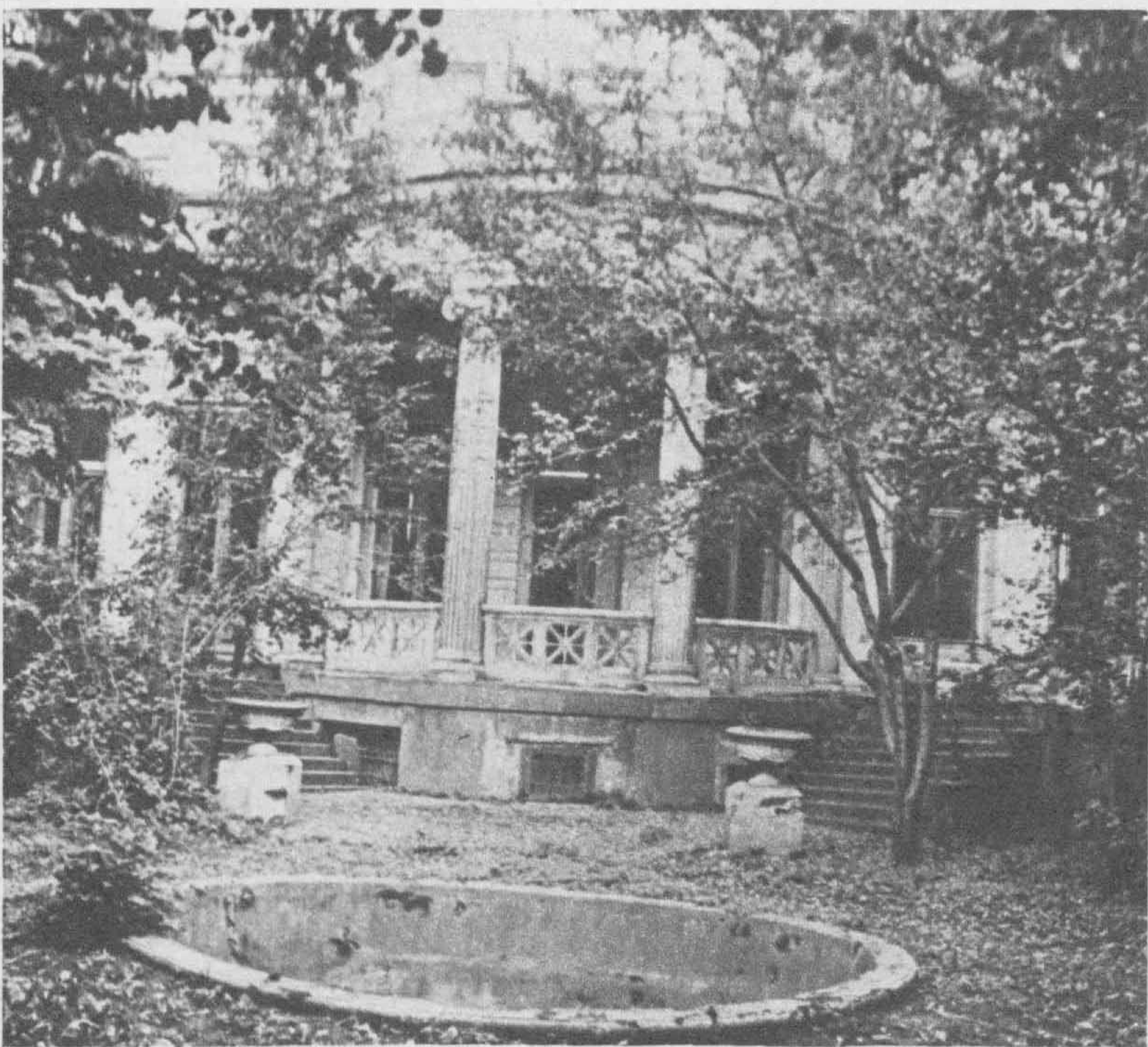

И в духе древнерусской архитектуры оформлялись в XIX веке московские дворы (улица Герцена, 19).

В сохранившихся флигелях бывшей Поливановской гимназии (Кропоткинская улица) теперь мастерские художников.

СКИЕ ДВОРИКИ

Палисадник бывшего дома Морозова на Садовом кольце.

со двора на старое здание Московского университета, можно заметить черты, присущие постройке Казакова, которые огонь и последующая перестройка Д. Жилярди радикально стерли с фасада, обращенного к Кремлю.

В столичных дворах можно встретить не только фрагменты различных архитектурных стилей, но и целые ансамбли. Удивительная картина предстает во дворе дома № 19 по улице Герцена — одного из старейших на ней, хранящего до сих пор некоторые черты классицизма. Через широкую арку попадаем на двор, напоминающий своеобразную крепость; стена имеет шатровую башенку с машикулями. Архитектурная декорация в духе древнерусского узорочья выполнена из красного кирпича. На дворовом фасаде «читаются» ширинки и висячие гирьки, особая кладка «поребриком» и кувшинообразные колонки, поддерживающие шатровое крыльцо. Появление такого дома-Януса объясняется весьма просто. Его владелица Е. М. Шаховская-Глебова-Стрешнева в коммерческих целях построила на своей земле здание театра, стилизованное под древнерусскую архитектуру (ныне театр имени Маяковского), а старому зданию (где ныне клуб медработников) отвела роль помещения для концертов и балов. Тогда-то памятник и приобрел столь своеобразный, но модный в то время дворовый наряд.

Среди множества московских дворов, вход в которые оформлен чрезвычайно просто и даже скромно, есть и такие, где фантазия и мастерство зодчих, скульпторов как бы сконцентрировались именно на художественном решении входа. Примечателен, например, дом № 14 по Неглинной улице, построенный в 1895 году по проекту архитектора Б. В. Фрейденберга. В нем разместились корпус Сандуновских бань, торговые помещения, в том числе нотный магазин, и комфортабельные квартиры. В мавританский дворик, который украшает здание, ведет декорированная скульптурами широкая арка с кессонированным сводом. Между мощными колоннами по ее сторонам установлены в нишах исполненные движения скульптурные композиции в духе барокко. Зубчатые арки изящных пропорций, опирающиеся на спаренные стройные колонны, стилизованы под арабскую архитектуру. Они ведут в небольшой внутренний дворик, скромный облик которого вступает в контраст с богатой отделкой входа.

Так же, как и сама Москва, ее дворы неповторимы. Это и поэтические сады с фонтанами, и мир русской сказки, приносящий столько радости живущим поблизости малышам, и двухъярусная аркада итальянского дворика, и плетение кружев деревянного теремка, плавные полукружья флигелей, а подчас своя «домашняя» ветвистая липа или тополь, придающие особое очарование и уют ограниченному стенами родного дома пространству.

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663